Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)
Факультет славянской филологии и журналистики
Кафедра русского, славянского и общего языкознания

VII Международная научная конференция
22-25 октября 2018 г.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

к 100-летию Таврического университета

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018

УДК 81’37-112/114
ББК 81.002.1
С 30

В рамках проекта Программы развития
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» на 2015-2024 гг.
«Век испытаний и свершений:формирование новой корпоративной культуры через проведение юбилейных мероприятий по празднованию 100-летия университета»
(приказ и.о. ректора № 733 от «30» августа 2018 г.)

Печатается по решению Ученого совета факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (протокол № 9 от 28 сентября 2018 г.)

Рецензенты:
Е. В. Алтабаева, доктор филологических наук, профессор (г. Москва);
Е. М. Маркова, доктор филологических наук, профессор (г. Москва).

Редакционная коллегия:
д.ф.н., проф. **Г. Ю. Богданович**,
д.ф.н., проф. **А. В. Петров**,
к.ф.н., доц. **Л. В. Валеева** (отв. редактор).

С 30 **Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность**: VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018 – 336 с.
ISBN 978-5-907118-32-4

Сборник научных статей включает результаты исследований, представленных на VII Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность», посвящённой 100-летию Таврического университета и кафедры русского языка (кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»). В сборнике опубликованы материалы по проблемам лексической, функциональной, категориальной и словообразовательной семантики; функциональной и категориальной грамматики; трансформационных процессов внутри- и межуровневого типа; имени собственного в языке и речи; славянской фразеологии и афористики, теории и прагматики текста; дискурса и технологий языкового конструирования; культуры речи и процессов нормализации русского языка. Эти направления лингвистики XX-XXI вв разрабатывались на протяжении века учеными ведущей кафедры Крыма в области русистики и теории языка.

Для преподавателей высших учебных заведений, научных работников, аспирантов, магистрантов и бакалавров, специализирующихся в области филологических дисциплин.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 81’37-112/114
ББК 81.002.1

© Авторы публикаций, 2018.
© ФГАОУ ВО «КФУ им.В. И. Вернадского», Таврическая академия (СП), кафедра русского, славянского и общего языкознания, 2018
© ИТ «АРИАЛ», 2018

ISBN 978-5-907118-32-4

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ)

Андрейченко Оксана Ивановна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
oksana1_24.ua@mail.ru

PHRASEOLOGISMS IN POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MODERN MEDIA)

Andreychenko Oksana Ivanovna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Статья посвящена исследованию фразеологизмов с компонентами-соматизмами в языке политического дискурса. Рассматривается специфика функционирования фразеологизмов в газетных текстах, а также изменения, которые происходят во фразеологических единицах при использовании их в СМИ.

Ключевые слова: политический дискурс, средства массовой информации, фразеологизм, соматический компонент.

The article is devoted to the study of phraseological units with somatic components in the language of political discourse. The specifics of the functioning of phraseological units in newspaper texts, as well as the changes that occur in phraseological units when using them in the media, are considered.

Keywords: political discourse, mass media, phraseology, somatic component.

В современной лингвистике учёные неоднократно обращались к исследованию фразеологизмов в публицистике. Лингвисты связывают использование фразеологических единиц (ФЕ) в текстах СМИ с общей демократизацией жизни в обществе и, соответственно, более свободным отношением участников коммуникации к выбору языковых средств, с повышенной эмоциональностью современной публицистики, с поиском новых языковых средств для улучшения выразительности текстов. Тем не менее, некоторые проблемы использования фразеологизмов в современных СМИ остаются недостаточно изученными [1, с. 110], в частности, «на современном этапе развития фразеологии сосредоточенное внимание уделяется вопросам структурно-семантических процессов, связанных с усилением

роли «звучащего слова», с развитием системы значений слов-компонентов, с рождением новых языковых знаков и способов выражения экспрессии в тексте» [6, с. 337].

Цель статьи – определить семантические и функциональные особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в газетных текстах.

Источником нашего исследования стали украинские периодические издания: «День» (Д), «Дзеркало тижня» (ДТ), «Україна молода» (УМ) и др.

Общеизвестно, что фразеологические единицы отличаются целостностью в семантическом отношении, устойчивостью, воспроизводимостью. Размышляя о причинах возникновения и закрепления в языке этих выразительных средств, Д. Н. Шмелёв отмечает, что «решающим фактором закрепления фразеологизмов всегда является его образность, отвечающая одной из тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности речи» [5, с. 291].

На страницах газеты можно найти достаточное количество ФЕ с разной степенью идиоматичности, воспроизводимости и характером их семантики, компонентным составом. Следует сказать, что фразеологизмы воспроизводятся как устойчивые целостные единицы, однако каждая из них в газетном тексте претерпевает как формальные, так и содержательные изменения, приобретает дополнительные оттенки, коннотации.

В современном политическом дискурсе привлекают внимание фразеологизмы с компонентами-соматизмами. Части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения.

Части тела человека репрезентируют представления о целях, мере, видах политической деятельности и др. Именно фразеологизмы с компонентами **глаза, голова, язык, горло, зубы, рот, печень** и др. вносят в газетные тексты колорит национального юмора, иронии, сарказма.

Фразеообразовательным потенциалом в политическом дискурсе обладает соматизм **рука**. Например,

контаминированный фразеологизм **простягати загребущі руки** объединяет две идиомы: **простягати руки** ‘намагатися заволодіти чим-небудь, захопити, привласнити щось’ [4, с. 712] та **руки загребущі** – ‘хто-небудь дуже жадібний, ненаситний, прагне до наживи’ [4, с. 769]. Контаминант приобретает в контексте дополнительный иронический оттенок – ‘ненаситне прагнення до влади’: *Складнощі у «торгах» виникли ще й тому, що попервах усе було поділено й домовлено в рамках «союзу чотирьох» та провладної «двійки», і ласі до посад панове вже* ***простягли загребущі руки*** *до жаданих портфелів* [УМ, 06, 14].

Значение ‘захоплювати, забирати щось, заволодівати чим-небудь’ вербализирует фразеологизм **прибрати до рук**: *Оскільки у структуру цього «торгового» підприємства не входитимуть об’єкти, що згідно із законодавством не підлягають приватизації, його неважко буде відповідним рішенням Кабміну зробити окремою юридичною особою і спокійнісінько* ***прибрати до рук****, тобто «тихцем» від Верховної Ради приватизувати* [УМ, 08, 14]. ФЕ **прибрати до рук** в контексте приобретает резко негативную семантику – ‘приватизувати нечесним шляхом’.

Зачастую журналисты прибегают к семантико-стилистической модификации фразеологизма, введя его в новый контекст. Например, расширение семантики наблюдаем в ФЕ **заламувати руки**, которая в фразеологическом словаре имеет значение ‘жестами, виглядом виражати переживання, страждання, хвилювання і т. ін.; побиватися, плакати’ [4, с. 413]. В новом контексте фразеологизм приобретает окказиональную семантику, характерную для политического дискурса, – ‘змушувати кого-небудь коритися, перемагати, знищувати кого-небудь’: *Звісно «центр» теж не сидітиме склавши руки (свої), знову комусь* ***руки*** *(їхні)* ***заламуватиме****...* [УМ, 05, 17].

Власть – это действия конкретных политиков, политических организаций. Характеристика действий субъектов политики, в том числе и политических структур, осуществляется на основе тройной метафоризации – перехода части на целое: *рука → качество человека → человек и его характеристика.* В публицистическом дискурсе характеризующую функцию выполняют фразеологизмы с отрицательной коннотацией.

Например: *Знову стала помітна* ***важка рука*** *служб безпеки* [ДТ, 04, 16]. Фразеологизм **важка рука** претерпевает семантическую трансформацию, переосмысление за счёт расширения синтагматических отношений.

В современной газетной публицистике активно функционируют сниженные разговорные фразеологизмы. Стремление автора сделать газетный текст более эмоциональным, образным продуцирует употребление именно таких ФЕ. Особенно это характерно для заголовочного комплекса, поскольку именно на заголовок в первую очередь обращает своё внимание любой читатель, например: *Як на ласу земельку* ***роззявили пельку*** [Д, 02, 16], то есть ‘посягати, зазіхати на щонебудь’ [4, с. 609].

Большую тематическую группу составляют фразеологизмы с соматизмом **голова.** Голова – это не просто «верхняя часть тела», но и «инструмент, управляющий рассудком и мышлением, это воплощение человеческого духа, власти» [2, с. 9]. Особенно заметна актуализация ФЕ с компонентом **голова** в публицистических текстах во время предвыборных кампаний или в связи с обострением политического момента. Характерно, что умственное напряжение ассоциируется с процессом разрушения – **ламати голову**: *Та й пан Мостовий може бути не в курсі, адже, за внутрішніми чутками компанії, на роботі він здебільшого* ***ламає голову*** *над тим, як би «не образити» власну кишеню* [УМ, 08, 16].

Для политического дискурса свойственно употребление ФЕ с семой ‘думать’, например, **сушити голову,** то есть ‘напружено думати, роздумувати над чимось, шукаючи розв’язання якихось проблем’ [4, с. 871]: *Серед них є і ті, які свого часу зробили чимало для перемоги Віктора Януковича на виборах, а тепер* ***сушать голову*** *над тим, як обмежити його повноваження* [УМ, 06, 14].

Одним из ключевых понятий политического дискурса является концепт **правда**, в котором выделяются следующие когнитивные признаки (КП): КП 1: то, что соответствует действительности, истина; КП 2: справедливость, порядок, основанный на справедливости, честности; КП 3: правдивость,

правильность суждений или поступков; *разг*. правота; КП 4: идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов; КП 5: закон, свод законов, законность, порядок; КП 6: согласие с кем-то, утверждение чего-либо, подтверждение чьей-либо правоты и др. [3, с. 82].

Таким образом, в когнитивной структуре концепта **правда** актуализируются понятия *правда – истина – справедливость – мораль*. Для политического дискурса характерны оппозиции *правда – ложь, справедливость – несправедливость* и др.: **розкрити // відкрити очі, протерти очі, закрити очі**. В современных газетных текстах функционируют ФЕ со значением ‘відкривати правду про когось, про що-небудь’, однако они в основном представлены в кавычках, что является показателем иронического употребления, точнее, энантиосемического значения: *Найкращим засобом потопити суперника є **«відкрити народу очі»** на ті чи інші моменти його біографії* [УМ, 01, 17].

Репрезентантами концепта **правда** в политическом дискурсе являются также фразеологизмы с компонентом **вуха.** Например, современные словари украинского языка не фиксируют фразеологизм **начіпляти (вішати) локшину на вуха** и его модифицированные варианты **вішати на вуха, локшина на вухах** (значение ‘обманювати’). Именно это значение чаще всего реализуется в языке современной газеты: *Ми програємо і цього разу, якщо політичні красномовці знову зуміють **начіпляти** довірливим **локшину на вуха*** [ДТ, 09, 17]. Материал показывает, что иногда для создания сатирического эффекта журналисты прибегают к использованию модифицированных фразеологизмов, где в роли компонентов выступают растиражированные номинации на обозначение продуктов питания, например: *«Перемога або смерть», або у кого **«Мівіна» на вухах**?* [Д, 06, 16].

Таким образом, фразеологизмы в тексте – показатель языкового мастерства, кругозора журналиста. Собственное мнение автора журналистского материала может быть выражено опосредованно, через использование фразеологии, так как она

всегда содержит оценку, и в контексте обнаруживается мнение автора.

Употребление фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в языке газеты связано с дополнительной коннотацией: иронично-саркастическим, сниженным изображением политических оппонентов, критикой действий политиков. Эти дополнительные семантические коннотации расширяют общеязыковое значение фразеологизмов, а в некоторых текстах предопределяют их использование в антонимическом значении (явление энантиосемии). Функционирование ФЕ в газетной публицистике облегчает восприятие материала статей, передачу основной мысли, заложенной автором, воплощает экспрессивную, эмоционально-оценочную и образную программу текста.

Литература

1. Казанцев, А. И. Фразеологизмы в рекламных текстах Челябинских СМИ / А. И. Казанцев // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. С. 108–114.

2. Ойноткинова, Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев / Н. Р. Ойноткинова // Сибирский филологический журнал. № 3. 2011. С. 5–14.

3. Смирнова, Е. Е. Смысловое наполнение концептов ПРАВДА и ИСТИНА в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. Е. Смирнова. Нижний Новгород, 2016. 272 с.

4. Фразеологічний словник української мови. К. : Наук. думка, 1993. Т. 1–2.

5. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература» / Д. Н. Шмелёв. М. : Просвещение, 1997. 335 с.

6. Щербачук, Л. Ф. Дистантное размещение компонентов фразеологических единиц, эксплицирующих пищевой код культуры / Л. Ф. Щербачук, Т. В. Стамова // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 337–341.

ТИПОЛОГИЯ ДВУЧЛЕННЫХ РЯДОВ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОМОНИМОВ С ТРАНСФОРМАНТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ СЛУЖЕБНОЙ ЧАСТЬЮ РЕЧИ

Алиева Васфие Николаевна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
vasfiye.ali@ gmail.com

TYPOLOGY OF BINOMIAL ROWS OF FUNCTIONAL HOMONYMS WITH TRANSFORMANT, EXPRESSED BY AUXILIARY PART OF SPEECH

Alieva Vasfie Nikolaevna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В настоящей работе содержится описание трансформационного потенциала предлогов, союзов, частиц; определяются факторы, способствующие процессам переходности в служебные слова. Трансформанты рассматриваются как особые единицы именования, выполняющие важную роль в акте общения.

***Ключевые слова**:* функциональный омоним, диахронная трансформация, переходность, препозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция.

The article describes the transformational potential of prepositions, conjunctions, particles; identifies some factors that contribute to the process of transition into auxiliary words. Transformants are considered as special units of naming, which play an important role in the act of communication.

Keywords: functional homonym, diachronic transformation, transitivity, prepositionalization, conjunctionalization, partitioning.

Термин «функциональный омоним» впервые был использован О. С. Ахмановой в монографии «Очерки по русской и общей лексикологии», в дальнейшем при разработке процессов переходности в области частей речи его употребляла Е. Н. Сидоренко [4]. В «Словаре лингвистических терминов» отмечается, что это «особые преобразования лексико-грамматических свойств слов, в результате которых образуются новые слова – функциональные омонимы, то есть единицы, входящие в ядро производной части речи или находящиеся на

периферии её» [1, с. 320]. В. В. Бабайцева определяет подобные лексемы как генетически родственные слова, представляющие собой исходное слово и трансформант, получившийся в результате диахронных преобразований. Переходя в другую часть речи, слово приобретает новый комплекс дифференциальных признаков и превращается в омоним по отношению к исходной лексеме [2]. В. Н. Мигирин разграничивает трансформацию в области частей речи и членов предложения [3].

Актуальность исследования заключается в том, что в лингвистической науке нет единого мнения по широкому кругу вопросов, составляющих сущность проблемы переходности в области частей речи. Особый интерес вызывают случаи двойного, иногда тройного функционирования единого звукового комплекса в результате образования функциональных омонимов.

Цель данной работы – исследование функциональных омонимов, выступающих в качестве ономасиологических единиц, выражающих языковые смыслы в современном русском языке.

В **задачи** данного изыскания входят:

1. Описание языковых явлений, которые наблюдаются при образовании функциональных омонимов.

2. Анализ служебных слов, которые возникли в результате процессов переходности в области частей речи.

Таким образом, **объектом исследования** является функциональная омонимия как результат перехода одной части речи в другую. **Предмет** изучения – двучленные ряды функциональных омонимов с трансформантом, выраженным служебной частью речи. Двучленные ряды включают исходную форму и трансформант: *около* – наречие, *около* – контаминант; *столовая* – имя существительное, *столовая* – имя прилагательное. Многочленные ряды: *что* – местоимение, *что* – союз, *что* – местоименно-союзный контаминант, *что* – частица, *что* – междометие. При образовании омонимии многочленного ряда возникает вопрос очерёдности их появления и взаимозависимости: появление функциональных омонимов от другого слова в разные эпохи (или одновременно) по мере создания в языке условий для их образования; они появились

путём трансформации слова одной части речи в другую, другой – в третью и т. д.

В данной работе мы рассматриваем три иммиграционных процесса: препозиционализацию, конъюнкционализацию, партикуляцию (подробно о терминах см. в [3; 4]).

Как известно, в процессе передачи информации служебные слова (предлоги, союзы, частицы) служат средством выражения в языке особых отношений, оттенков значений. Их коммуникативная роль чрезвычайно велика, но в изолированном употреблении они обладают невысокой коммуникативной способностью. Отсутствие номинативной функции у служебных слов компенсируется присущей им общей способностью, называемой релятивностью. Категориальное значение предлогов, союзов и частиц лежит в основе релятивности. Данные языковые единицы занимают переходное положение между средствами лексики и грамматики, они двуплановы по своей природе. В служебных словах присутствует грамматическое значение, но, согласно одной точке зрения, отсутствует внутреннее содержание; согласно другой позиции – лексическое значение имеется, но в ином варианте. К примеру, предлоги в определённых синтаксических конструкциях, которые характеризуются наличием главного слова и зависимого, не лишены некоторой лексической значимости и содержат в себе указание на синтаксическую связь этих единиц. В различных группах предлогов данная лексическая значимость неодинакова. Производные предлоги образуются в результате препозиционализации, то есть перехода знаменательных частей речи в служебные. До настоящего времени нет единого мнения по вопросу о том, какие именно сочетания окончательно перешли в разряд предлогов, какие только стоят на пути к этому. Установить происхождение многих предлогов также затруднительно, так как они возникли в отдалённую эпоху и следы их происхождения утрачены.

Переход предложно-именных форм в составные предложные сочетания следует считать свершившимся только в том случае, когда основные лексико-грамматические свойства знаменательности утрачиваются, а вновь приобретённые – позволяют считать их составными предлогами. Например,

сравним словосочетания: 1) *в порядке самокритики* и 2) *в определённом порядке чисел.* В первом сочетании *в порядке* – предлог, так как наблюдается обеспредмечивание, значение самостоятельной части речи замещается значением служебной; отсутствуют изменения в формах падежа и числа; утрачена способность иметь определение; существительное уже не является членом предложения. Во втором случае *в порядке* входит в состав сочетания – это имя существительное в косвенном падеже с первообразным предлогом *в.* Лингвисты отмечают, что в предлогах именного происхождения лексико-семантическое значение выступает наиболее выразительно.

Группа отнаречных предлогов довольно многочисленна. Большинство из них имеют функциональные омонимы в составе наречий; если данное слово теряет связь с глаголом, относится непосредственно к имени существительному, то следствием подобного процесса является препозиционализация. Например: ***Накануне*** *решительного дня Лосев не спал всю ночь* (Д. Гранин).

Отметим, что лексическое значение наречия не теряется полностью, а лишь уточняется и конкретизируется. Процесс перехода в служебные части речи облегчается тем, что наречия, как и предлоги, морфологически неизменяемы.

Группа отглагольных предлогов немногочисленна, это деепричастные формы, которые сочетаются с косвенными падежами имён существительных. Например: сравним словосочетания *благодаря бабушку* и *благодаря бабушке* – наблюдается разграничение в их употреблении, деепричастие сохраняет функцию управления в форме винительного падежа (*благодаря бабушку*), а предлог – сочетается с формой дательного падежа (*благодаря бабушке).*

Особым типом диахронной трансформации является конъюнкционализация – увеличение количества союзов за счёт перехода слов из других частей речи: местоимений, наречий, имён существительных и глаголов. Наиболее активную по частоте употребления группу составляют производные союзы, образованные от местоимений. В образовании большинства

составных союзов участвуют простые многозначные союзы (*что, чем, как, если, когда, чтобы, только*).

Выделяются несколько моделей составных союзов:
1 модель – наречие или местоимение + союз (*потому что, так что, прежде чем, так как);* 2 модель – предлог + падежная форма местоимения *то* + имя существительное + союз (*в то время как, с тех пор как* и др.); 3 модель – предложно-падежная форма местоимения *то* + союз *(вследствие того что, перед тем как* и т. д.).

Значение сочетаний слов, участвующих в образовании подобных союзов, подвергается преобразованию в направлении усиления потенциально заложенного в нём элемента релятивности. Особенностью составных союзов является их моносемантичность, связанная с выражением специализированных значений по сравнению с простыми союзами и даже с более ранними по времени образования составными союзами. Так, союз *потому что* содержит указание на причину в самом общем плане (причина факта, действия); союз *благодаря тому, что* обозначает причину, благоприятствующую реализации действия в главной части предложения.

Изучение закономерностей образования русских производных союзов, связанных с местоимением или включающих их в свой состав, указывает на то, что данные союзы возникают разными путями, поэтому они так сложны и многообразны по строению. Подобные единицы языка формировались в собственно русский период на основе местоимений, выступивших в новой роли – в качестве опорного элемента грамматикализованной единицы. Таким образом, развитие системы союзов шло в направлении усложнения его структуры, дифференциации конструктивных моделей. В результате намечается процесс грамматикализации сочетаний, то есть превращение группы союзов в новое аналитическое образование. Усложнение структуры союзов позволяет конкретно выразить те смысловые оттенки, которые возникают между предикативными частями предложения. Большинство составных подчинительных союзов образуются в результате членения предложения на предикативные части, то есть

переразложения. Словосочетания главной части переходят в придаточную часть, объединяются с функционирующими в придаточной части предложения союзами *(что, как, пока, чтобы* и др.) и превращаются в компоненты составного союза. Подобным образом возникли союзы: *потому что, тогда как, подобно тому как, для того чтобы, перед тем как* и др. Подчинительные союзы способны образоваться путём присоединения к простому союзу элементов придаточной части, то есть в результате процесса опрощения. Таким образом сформировались союзы: *как вдруг, когда уж, как бы не* и др. Союзы образуются также путём объединения элементов главной и придаточной частей, контактность которых исключена. Этим объясняется дистантное расположение компонентов в составе подобных союзов (*если – так, если – то тогда* и др.).

В образовании русских производных союзов языковые единицы неместоименного содержания сыграли менее важную роль. Но пути и способы их образования многообразны. Подобные союзы обычно именуют как модальные. Это связано с тем, что базой их образования являются только модально окрашенные слова. Союзы *благо, даром (что), словно, точно* наиболее ранние по происхождению. В процессе конъюнкционализации они осуществили переход наречий в модальные слова, а затем – переход из модальных слов в союзы. Возможности перехода слов *точно, ровно, словно* в союзы определяется близостью их семантики к общему лексическому значению сравнительных союзов, с одной стороны, модальным значением гипотетичности – с другой. Союз *благо* формируется на базе модального слова, возникшего в результате опрощения изъяснительной конструкции: *благо то, что – благо что – благо* [3, с. 124]. Переход имён существительных в союзы осуществлялся позже образования союзов отымённого происхождения, наиболее распространёнными союзными функциональными омонимами являются: *благо, правда, раз.*

В русском языке в частицы трансформируются наречия, местоимения, глаголы, имена существительные и числительные. К примеру, в группе частиц, образованных от наречий путём

партикуляции, выделяются определительные (*приблизительно, почти*), усилительные (*прямо, просто*), модальные (*чуть ли не, едва ли не*). Определительно-выделительная частица *только* восходит к омонимичному наречию. В составе предложения она способна утратить связь с конкретной языковой единицей и распространить семантическое воздействие на всю конструкцию в целом. В подобном употреблении частица подчёркивает интенсивность проявления действия, состояния, отмечая его характерные признаки. Например: *Тучкова взглянула на Лосева неясно и была так напугана, что* ***только*** *медленно опустила руки* (Д. Гранин). При наличии глаголов частица *только* используется для выражения предостережения: ***Только*** *смотри, себя не перехитри!* (Д. Гранин). Семантические составляющие наречия и частицы наслаиваются, порождая таким образом в процессе переходности дополнительные смысловые оттенки.

Факты перехода слов из определённой части речи в другую свидетельствуют о возрастании потребности в общении, о семантических возможностях определённых разрядов слов функционировать в иной роли, а в связи с этим – о новой грамматической характеристике слова, о потере одних грамматических признаков и приобретении других. Процессы препозиционализации, конъюнкционализации, партикуляции отличаются многообразием и сложностью. Существующие толковые словари не дают полного описания производных предлогов, союзов, частиц. Это определяет необходимость дальнейшего изучения функциональных омонимов, дополнения словарных статей.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М. : КомКнига, 2005. 569, [2] с.

2. Бабайцева, В. В. Явление переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. М. : Дрофа, 2000. 640 с.

3. Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. Бельцы, 1971. 198 с.

4. Сидоренко, Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка : монография / Е. Н. Сидоренко. К. ; Одесса : Лыбидь, 1990. 148 с.

5. Черкасова, Е. Т. Русские слова неместоименного происхождения / Е. Т. Черкасова. М. : Наука, 1973. 221 с.

ЭМОТИВНОСТЬ И ЭМОЦИОГЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЕГО РЕЛЕВАНТНОЕ СВОЙСТВО

Буянова Людмила Юрьевна
Россия, Краснодар, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
lub_prof@mail.ru

EMOTION AND EMOTIONALITY OF THE ART TEXT AS ITS RELEVANT PROPERTIES

Buyanova Lyudmila Yuryevna
Russia, Krasnodar, Kuban State University

В статье рассматривается проблема определения эмотивности и эмоциогенности художественного текста как его важнейшего свойства; устанавливаются языковые средства репрезентации эмоций в художественном тексте как ментально-ценностной модели языковой личности писателя. Показывается роль контекста, лексем-идентификаторов и эмотивной градации языковых средств в презентации эмотивно-эмоциогенного характера художественного текста.

***Ключевые слова**:* текст, личностно-эмоциональный код, эмотивность, эмоциогенность, междометие, эмотив, авторская эмотивная модель мира.

The article deals with the problem of definition of emotiveness and emotiogenicity of an artistic text as its most important property; language means of representation of emotions in the artistic text as a mental-value model of the writer's language personality are established. The role of context, lexeme-identifiers and emotional gradation of linguistic means in the presentation of emotive-emotion-like character of an artistic text is shown.

Keywords: text, personality-emotional code, emotivity, emotiogenicity, interjection, emotive, author's emotive model of the world.

Проблема лингвоэмотивной и эмоциогенной интерпретации художественного текста, выступающего актуализацией языкового сознания и ментально-ценностного пространства личности писателя, а также культурным феноменом одновременно, считается в гуманитарной научной парадигме XXI века одной из ключевых. «Домом бытия духа» определил язык М. Хайдеггер, обусловив такой характеристикой языка развитие текстологических направлений, связанных с аспектами

выявления скрытых и внешних механизмов и способов интерпретации художественного текста в рамках эмотивной текстологии и лингвистики текста в целом.

В современных исследованиях прослеживается тенденция интегративного подхода к выявлению специфики художественного текста, в рамках которого он параметрируется как факт и артефакт культуры, как её производное, выступая важнейшим средством восприятия, интерпретации и усвоения культуры реципиентами через текст в силу его языковой субстанциальности и эмоциогенности.

Эмотивно-эмоциональный фон художественного текста во многом обусловлен тем, что он обладает совокупностью присущих только ему базовых категориальных признаков: 1) художественный текст – это единица коммуникативного акта по линии автор – текст – читатель и вне его анализироваться не может; 2) содержание текста составляют креативные образы, эмоции, идеи, являющиеся результатом активной мыслительной деятельности автора, создающего текст как особую реальность, и читателя, воспринимающего и декодирующего текст; 3) содержание индивидуально-авторского мира, представленного в тексте, формируется в результате установления корреляций между вербальными образами и образами предметными.

Представляя собой психические реакции, отражающие и оценивающие интенсивность, силу и характер влияния на человека самых разнообразных факторов внешней среды, эмоции выполняют важнейшую функцию регуляции человеческой познавательной деятельности, выступают когнитивным механизмом и основанием бытия человека, что репрезентируется посредством языка.

Исследуя эмоции с позиций лингвистики, В. И. Шаховский приходит к выводу о том, что эмоции – это «ядро» человеческой личности, и любые изменения в сфере эмоций преобразуют, трансформируют саму личность человека, смещают его эмоциональную доминанту [6].

Слово – это «особая творческая сила, с помощью которой происходит двойное творение, создается мир в слове и происходит пресуществление обычного текста в поэтический. И в этом творении язык, слово образуют то средостение, которое

соединяет божественное и небесное с человеческим и земным» [4, с. 219]. Художественное слово, наполненное эмоциями автора текста, а также любой знак-репрезентант конкретной эмоции, служат теми атомарными единицами, посредством которых создаётся когнитивно и семантически целостная индивидуально-личностная авторская эмотивная модель мира.

Личностно-эмоциональный код каждого автора художественного текста уникален, так как отбор и комбинации различных языковых средств, сама последовательность вербальных знаков, смысловые установки, различные «тектонические» средства (например, изменение порядка слов в зависимости от авторской интенции), – всё это актуализируется в тексте не случайно, а в соответствии с внутренним замыслом, с той индивидуально-личностной когнитивной базой, которая сформировалась у писателя как результат полученного в процессах жизнедеятельности знания о мире и о своём месте в нём. В этом аспекте актуальны наблюдения В. И. Шаховского, который отмечает: «Знания об эмоциях формируются линейно, постепенно, на основе личностного, видового (социального) опыта и биологической памяти. Они включают в свою концептуальную структуру знания-рецепторы (базовые, одинаковые для семантической памяти всех коммуникантов) и знания-ретуши, различные для разных коммуникантов. И те и другие формируют концептуальное значение лексикализованной (ословленной и означенной) эмоции в форме ментального конструкта» [5, с. 38].

При декодировании скрытого, неявного смысла художественного текста необходимо учитывать двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, знак может ассоциироваться в тексте с другими знаками как по смыслу, так и по форме и как бы «пересекаться» с другими текстовыми компонентами некоторыми фрагментами своей субстанциальной структуры.

Антропоцентричность как фундаментальное свойство художественного текста реализуется в его эмотивных и эмоциогенных механизмах и способах объективации. Особую когнитивную функцию в художественном тексте выполняют

ключевые вербальные знаки-эмотивы, которые являются средством репрезентации авторской когниции и участвуют в построении эмотивно-эмоциогенного пространства текста. Аккумулируя в себе авторское знание о жизни и полученный опыт, они, будучи узлами уникальной эмоциональной «сети» личностной картины мира, маркируют её доминантные ассоциативно-смысловые фрагменты. По нашим наблюдениям, эмоции – это знаки жизни, эмотивы – знаки языка/речи, а художественный текст выступает сложным целостным (во всех аспектах) знаком креативной языковой личности – автора текста.

Особую роль играют в художественном тексте **междометия** и **слова-эмотивы** разных частей речи, репрезентирующие эмоциональный настрой и отношения персонажей в конкретной ситуации коммуникации. Если в звучащей речи при общении людей **междометия** могут сопровождаться определённой мимикой, жестами, подчёркивающими характер выражаемой эмоции, то в пространстве художественного текста особое значение приобретает контекст и функционирующие в нём лексемы-идентификаторы эмотивного значения. Например: *Княгине* ***слишком страшно*** *было думать, как много она* ***виновата*** *пред дочерью, и она* ***рассердилась.*** ***– Ах,*** *я уж ничего не понимаю! Нынче всё хотят своим умом жить, матери ничего не говорят, а потом вот и…* [3, с. 126]. В данном примере ключевой эмотивный глагол «**рассердиться**» отражает *возмущение* говорящего. Несмотря на то, что междометие «**Ах!**» по своей контекстной семантике выступает одним из самых многозначных и способен репрезентировать около 11 разнообразных, порой прямо противоположных, эмоций (от радости до отчаяния), именно лексемы-идентификаторы «**слишком страшно», «виновата», «рассердилась**» в комплексе однозначно указывают на ту сложную эмоцию, с которой героиня произносит свою реплику. Эмотивная градация языковых средств в этом примере делает текст не только эмоционально маркированным, но и эмоциогенным, так как позволяет читателю глубоко прочувствовать эмоциональную атмосферу ситуации, описанной в тексте, проникнуться эмоциональным состоянием героини и ощутить свою собственную ответную эмоциональную реакцию.

Или: ***А-а-а!*** – ***промычал*** *Вронский,* ***схватившись за голову****.* – ***А-а-а! Что я сделал?*** [3, с. 61]. В данном фрагменте текста выражение *ужаса*, связанного с громадным *чувством вины и раскаяния*, репрезентированное междометием с эмоционально-рефлекторным значением ***А-а-а!***, многократно усиливается благодаря контекстной градации эмотивности (**«промычал», «схватившись за голову»; риторический вопрос, повтор междометия**), что значительно повышает и эмоциогенность художественного текста.

В художественном тексте находит своё выражение тот факт, что формирование эмоционального пространства личности посредством мыслей, физиологических проявлений, речевых действий и иных различных событийных актов постоянно сопровождается процессами категоризации и вербализации каждого мельчайшего действия, поступка, события, акта (ментального, мыслительного, речевого и др.). В художественном тексте в речи персонажей или в авторской речи, как показывают наши наблюдения, преобладают **смешанные** эмоции, что отражает сложность и глубину психологических состояний человека в той или иной ситуации, сложной для восприятия и адекватной оценки.

В. И. Шаховский приходит к выводу о том, что основу смешанных эмоций может составлять процесс объединения разнооценочных эмоций. Однако, кроме разнооценочных эмоций, основу смешанных эмоций могут составлять однооценочные эмоции, отличающиеся своей активностью или интенсивностью, например: *благородный гнев / ярость*, одновременные переживания *жалости, ненависти, любви, гнева*; *лютость* – весь кластер негативных эмоций, *жгучая ненависть, беспощадная любовь* [6].

В художественном тексте субъектом всякого рода переживаний выступает конкретный персонаж, включённый в ситуацию общения, заданную авторским замыслом. Максимально полно эмотивность и эмоциогенность текстовой среды реализуется в персонажной речи в речи автора. Существуют различные контекстные модели и комбинации использования гетерогенных языковых средств для

репрезентации эмоционального состояния героев. Например, встречается сложная модель «эмотивный глагол + наречие + междометие + эмотив-существительное + эмотив-прилагательное», например:

Как же ты послала сказать княжне, что мы не поедем? – ***хрипло прошептал*** *ещё раз живописец ещё* ***сердитее****, очевидно* ***раздражаясь*** *еще более тем, что голос изменяет ему и он не может дать своей речи того выражения, какое бы хотел.* ***– Ах, Боже мой!*** *Я думала, что мы не поедем, –* ***с досадою отвечала*** *жена. – Как же, когда… – он закашлялся и махнул рукой. Князь приподнял шляпу и отошёл с дочерью.* ***– О, ох! – тяжело вздохнул*** *он, –* ***о, несчастные!*** [3, с. 235].

Актуальна и репрезентативна модель «междометие + эмотив-прилагательное с эмотивом-существительным», например: 1) *«****Ага!*** *Стива! Облонский! Вот и он!» – почти всегда с* ***радостною улыбкой*** *говорили, встречаясь с ним* [3, с.17]; 2) – ***Ну,*** *уж это чересчур, – дергаясь щекой, ответил Римский, и в глазах его* ***горела настоящая тяжёлая злоба,*** *–* ***ну что ж****, дорого ему эта прогулка обойдётся, – тут он вдруг споткнулся и нерешительно добавил: – Но как же, ведь угрозыск...* [1, с. 111].

Как видно из этих и других примеров, связь **эмоции и оценки** является очевидной и нерасторжимой, выступая одной из основных проблем при анализе эмоционального состояния. Чувства человека по отношению к людям, вещам и событиям показывают, как он их оценивает [2].

Русский национальный язык аккумулировал за свою многовековую историю целый арсенал языковых средств не только репрезентирующих эмоции, но и номинирующих, называющих, обозначающих их. **Вербальным экспликатором** эмоции мы называем единицу языка любой знаменательной части речи, которая обозначает (описывает) эмоцию и в словообразовательном отношении может являться производной от базовой номинации эмоции (в виде субстантива, глагола, глагольной формы, имени прилагательного, наречия), например:

Степан Аркадьич мог быть ***спокоен****, когда он думал о жене,* ***мог надеяться****, что всё образуется, по выражению Матвея, и мог* ***спокойно читать*** *газету и пить кофе; но когда он увидал её* ***измученное, страдальческое лицо****, услыхал этот*

звук голоса, ***покорный и отчаянный****, ему* ***захватило дыхание****, что-то* ***подступило к горлу****, и глаза его* ***заблестели слезами*** [3, с. 17].

Языковые единицы – экспликаторы и репрезентанты эмоций – в художественном тексте выступают не только средством эмоционально-экспрессивного выражения внутреннего состояния того или иного персонажа и ситуации, но и представляют собой личностно-эмоциональный код самого автора. Анализ эмотивных полей художественного текста различных авторов свидетельствует о том, что для каждого из них характерна своя эмоционально-эмотивная языковая «палитра», по которой читатели могут «расшифровать» их эмоционально-когнитивную базу.

Литература

1. Булгаков, М. Мастер и Маргарита : роман / М. Булгаков. СПб. : Азбука-классика, 2003. 416 с.

2. Буянова, Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации : монография / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. М. : Флинта ; Наука, 2016. 232 с.

3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман в восьми частях / Л. Н. Толстой. Л. : Художественная литература, 1982.

4. Топоров, В. Н. Об «эктропическом» пространстве поэзии (поэт и текст) / В. Н. Топоров // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М. : Наука, 1997. С. 213–226.

5. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология : монография / В. И. Шаховский. М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. С. 38–43.

6. Шаховский, В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : монография / В. И. Шаховский. Волгоград : Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. 504 с.

ТЕРМИНОЛОГИЯ КИНОЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ СТАНДАРТЕ И СУБСТАНДАРТЕ

Валеева Людмила Владимировна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
lv_valeeva@mail.ru

TERMINOLOGY OF CINEMATIC GENRE IN MODERN RUSSIAN LEXICAL STANDARD AND SUBSTANDARD

Valeeva Lyudmila Vladimirovna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье рассмотрена проблема формирования терминосистемы кинематографии на примере функционирования новых терминов киножанра. Описаны основные принципы терминообразования в киноискусстве. Выявлены типы терминов и названы причины их использования в современном русском лексическом субстандарте.

Ключевые слова: термин, субстандарт, кинолексика, киножанр, заимствование.

The article considers the problem of formation of terminology system of cinematography exemplified by the new terms of the cinematic genre. Describes the basic concepts behind terms forming in cinema. Revealed the types of terms and named the reasons for their use in the modern Russian lexical substandard.

Keywords: the term, substandard, film lexicon, cinematic genre, borrowing.

Научно-культурные, социально-общественные и инновационные достижения способствуют постоянному образованию специальных терминов. Появившиеся термины не просто отражают языковую картину мира определенной профессиональной группы, но и становятся частью жизни большинства людей. Эта часть словарного состава представляет собой наиболее динамичную и подвижную группу лексической системы языка.

В каждой области человеческого знания существует проблема единой терминологической базы. Кроме того, к проблеме определения термина примыкает проблема требований к термину и соотнесения его с техническим /

научным / специальным понятием. К проблемам изучения термина и его функциональных особенностей обращались О. С. Ахманова, Н. В. Васильева, Г. О. Винокур, С. В. Гринёва, В. П. Даниленко, Д. С. Лотте, В. М. Лейчик, Н. В. Подольская, А. А. Реформатский, А. В. Суперанская, С. Д. Шелов и др.

Кинематография как новый вид искусства воплотила самые фантастические идеи человечества, поразила воображение, а также дала возможность по-новому интерпретировать мировую культуру и неповторимое Я человека. Кинематограф также объединил мир искусства и науки, поскольку в его основе интеграция разных областей знаний и культур. Киноискусство обладает обширной, но пока ещё не изученной базой терминологических единиц, что свидетельствует об **актуальности** данного исследования.

Цель статьи – систематизировать сферы функционирования и источники терминологии киножанра в современном русском языке.

В состав лексики киноиндустрии входят общеупотребительные термины, узкоспециальные термины, а также ряд междисциплинарных терминов и группа профессионального жаргона. Лексический пласт, относящийся к сфере киноиндустрии, успешно функционирует и развивается в русском лексическом субстандарте. Необходимость разграничения языкового стандарта и субстандарта связана с новой массмедийной реальностью, в которой особую роль играют факторы неподготовленности и непринужденности [2]. Г. В. Рябичкина субстандартную лексику отождествляет с просторечной [6]. Под стандартом будем понимать кодифицированные нормы, под субстандартом – языковые элементы, обладающие свойствами системы, не имеющие облигаторную кодификацию, осуществляющие суггестивное воздействие в процессе коммуникации, характеризующиеся социальной и исторической недифференцированностью [2].

В процессе развития и становления терминов киноиндустрии важную роль сыграл термин *кино*, возникший в самом начале зарождения лексики данного вида искусства. Функциональное своеобразие центрального понятия обусловлено

комплексом характеристик: прежде всего, это профессионально ориентированное употребление, публицистическая популярность и культурно-бытовая ассимиляция, а именно использование термина как активной разговорной формы. Он формирует вокруг себя единицы стандартной и субстандартной лексики.

В современном русском языке существует большой корпус терминов, образованных соединением *кино-* с опорными компонентами сложений. Диапазон употреблений стандартных терминов с компонентом *кино-* практически неограничен: *киноповесть, киноновелла, кинобеллетристика, киноэпопея, киностилилистика, киносемиотика, киностиль* и др. Субстандартная лексика с опорным словом *кино* образует подсистемы профессионального жаргона и разговорно-просторечных форм. К ним относятся деривационные образования *киношка, киношник*; идиоматизированные сочетания *Ну и кино!*; *кино и немцы*, *кина не будет; кино, да и только* и т. п.

Слово *киношка* полифункционально и употребляется во многих значениях. Напр.: *И вот выходит «Убить Билла» (Kill Bill: Vol. 1) и собирает примерно столько же, сколько неделю назад* ***зауряднейшая киношка*** *«Школа рок-н-ролла»* [Газета.Ру]; *Конечно, мне могут возразить, что привязывать предполагаемую «победу коммунизма» к наличию автомобиля, круглосуточному супермаркету, безостановочному твиттингу и, главное, свободному скачиванию музычки и* ***киношек*** *– это очень наивно* [Лента.ру]. Словоформа *киношка* зафиксирована в Толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина с пометой разговорное, шутливое. В том же словаре отмечено слово *киношник* с пометой разговорное: «работник кинематографии, любитель смотреть фильмы» [4].

Идиоматизированные единицы активны, востребованы и часто употребляются в массмедийных текстах для описания непонятной, смешной или глупой ситуации: *Все.* ***«Кина не будет»*** *– поставили новый шлагбаум...* [http://banshee.pereslavl.ru/forum]; ***Кина не будет*** *– а суд будет. Вчера говорила с Мироновым, он ходатайствовал о переносе рассмотрения дела* [http://banshee.pereslavl.ru/forum].

Ещё в период становления и развития кинематографа отмечался ряд заимствований для обозначения самого кино:

синематограф, синемо, иллюзион, фильм. Развитие киноиндустрии в России, в первую очередь, напрямую связано с культурно-языковыми связями с крупными кинематографическими школами мира. Заимствования в сфере кино включают элементы из греческого, латинского, французского, немецкого, английского и других языков и могут быть прямыми (из английского: *мейкап, плейбек, саспенс, слэшер, спин-оф, флешфорвард, футаж* и другие) и интернациональными (*кинескоп, кинооптика* и др.).

Термины киноиндустрии образовываются семантическим способом, в результате метафорического переноса, а также с помощью расширения значения лексических единиц. В качестве примера можно привести слово *удочка,* которое в словаре Д. Ушакова [8] определяется как рыболовная снасть, состоящая из удилища и прикрепленной к ней лесы с крючком, в то время как в терминосистеме кино *удочка микрофонная* в результате метафорического переноса стала обозначать устройство для подвески и передвижения микрофона. *Бомба* от англ. Bomb – «недооценённые фильмы, которые провалились в прокате, получили плохую прессу и не собрали ожидаемых кассовых сборов» [3, с. 23]; в профессиональном сленге это явление получило название *индейка* [3, с. 52].

Проблема жанров кино связана со сложной синтетической родословной киноискусства. Жанры отражают не только технические и творческие приёмы, используемые в кинематографе. В системе жанрового деления кино, прежде всего, отражаются эстетические познания мира и человека [5, с. 4]. В области кинематографии процесс возникновения жанров был задан самыми разными обстоятельствами: от трансформации древнейших жанров эпоса, комедии и трагедии, появившихся в античности, до личностного творчества режиссёров и сценаристов. По их мнению, жанр дает зрителю ориентиры, дисциплинирует художника, позволяет ему создавать убедительные образы и экспериментировать, нарушать жанровые каноны [9].

Сегодня в сети Интернет существует большое количество тезаурусов, глоссариев терминов кино, где даны определения

жанров киноиндустрии. Они представляют собой неорганизованную систему, не имеющую единой структуры, сопровождающуюся неточностью формулировок и избыточной информацией, включают субстандартную лексику. Как отмечает А. В. Суперанская, представитель профессионального знания считает терминами все слова, связанные с его профессией, не всегда задумываясь об их системности и наличии достаточных оснований для терминирования тех или иных понятий [7].

Отмечено, что многие жанры функционируют в киноиндустрии, обладая устойчивыми жанровыми признаками, и не имеют ярких образований. К таким жанровым единицам относятся: *экстремальное кино, трагедия, спортивный фильм, спектакль, семейный фильм, приключения, детектив, военное кино* и некоторые другие. Например, к жанру документального кино относятся такие поджанры, как: *эксперимент, реконструкция, обозрение, обучающий, учебный, научно-фантастический, научно-популярный, киножурнал, исследование, интервью, видовой, беседа, агитфильм.* Музыкальное кино обладает целым рядом поджанров: *мюзикл, рок-опера, фильм-ревю, фильм-балет.*

Увеличение лексического субстандарта в терминологии киножанра связано, прежде всего, с наплывом большого количества заимствованных терминов, их неверным толкованием и возникновением лжедефиниций. Сравним несколько определений и описаний терминов, размещенных на сайтах и форумах, посвященных киноискусству.

Сплаттерпанк (англ. *Splatterpunk*, от *splatter* – «брызги» и *punk*) – литературно-кинематографический жанр, появившийся в середине 1980-х. Родоначальником жанра является Клайв Баркер. Сплаттерпанк – вид литературы ужасов, где подчёркнуто гротескная фантазия соседствует с натуралистическими сценами кровавого насилия. Это урбанистический фильм ужасов, действие которого происходит в современном мире, чаще всего в декорациях больших городов. Персонажи описаны бегло, временами откровенно схематично. Как правило, это маргиналы, социопаты или просто конченые злодеи [https://ru.wikipedia.org/].

Кибер-панк (от англ. cyberpunk) – поджанр научной фантастики. Сам термин является смесью слов «cybernetics» (от

англ. кибернетика) и «punk» (от англ. панк, мусор), впервые его использовал Брюс Бетке в качестве названия для своего рассказа [https://ru.wikipedia.org/].

Дефиниционное представление терминов отличается по информационной насыщенности и субъектно-оценочной характеристике. Область функционирования данных терминов охватывает профессиональный и любительский кинодискурс, бытовой и иные типы дискурсы. Обратим внимание на употребление терминов в блогах, которые можно отнести к любительскому дискурсу и в которых активно используется современный лексический субстандарт: *«Киберпанк, который мы заслужили»: Индийская киностудия сняла фантастический боевик «2.0» со взбесившимися смартфонами, роботами и монстрами* [https://itc.ua/blogs]; *Создатели называют своё творение «славянским киберпанком», а себя «студией ламповой анимации»* [https://triboona.ru/exclusive/113867]. Используется термин и вне кинодискурса как носитель новой экспрессии и нового образа: *Неоновая киберпанк-фантазия: окраины Москвы, какими вы их никогда не видели* [https://bigpicture.ru/?p=1072136]. В группу маргинальных терминов киножанра с нефиксированной сферой употребления следует отнести термины: *пеплум* (историческое кино), *мэшап*, *сай-фай* (фантастика), *хоррор, сплэттер, слэшер, саспенс, джалло, боди-хоррор* (фильмы ужасов) и др. Функционирование маргинальных терминов киножанра характеризуется и устоявшимися моделями контекстов в профессиональной речи кинодеятелей, и нефиксированными ситуациями их семантической, стилистической и функциональной адаптации.

В системе терминов киножанра обозначены понятия сложной структуры отечественного происхождения: *чёрная комедия, любовная история, мыльная опера, найденная плёнка* (название одного из жанров фильмов ужасов). Например, *Любовная история* – фильмы, ориентированные большей частью на женскую аудиторию. В таких фильмах зачастую описывается красивая и глубокая любовь, которую не понимают окружающие и которой препятствуют сложные обстоятельства [10]. Данный термин полифункционален. Он встречается и

в профессиональном субстандарте: *наиболее частый субплот триллера – любовная история. Безусловно, это роднит триллер и, так называемую, «мелодраму»* [http://forum.screenwriter.ru/], и в оригинальных субъективно-авторских текстах: *И каждая пицца в своём киножанре… Нежный вкус и много помидоров? Любовная история!* [https://afisha.ngs.ru/news/].

Выводы. Исследование терминосистемы киножанра показало необходимость работы по упорядочиванию кинолексики как элементов русского лексического стандарта и субстандарта и установлению облигаторных критериев описания термина. Терминология киноиндустрии нуждается в осмысленной работе над формулировками её фундаментальных понятий и новых терминов, стремительно закрепляющихся в русском субстандарте. Формирование отчётливой и доступной терминосистемы является важнейшим фактором эффективности и информативности терминологической базы сферы киноискусства.

Литература

1. Быков, В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: дис. … докт. филол. наук : спец. 10.02.01; 10.02.20 / В. Б. Быков. М., 2001. 311 с.
2. Валеева, Л. В. Модели семантических сдвигов в субстандарте советской лексики русского языка XXI века / Л. В. Валеева // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». 2018. № 2. С. 13–19.
3. Краткий энциклопедический словарь кино / авт.-сост. В. Н. Мирославский. Харьков : Колорит, 2007. 215 с.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М. : Эксмо, 2008. 944 с.
5. Ратников, Г. В. Жанровая природа фильма / Г. В. Ратников. Мн. : Навука і тэхника, 1990. 140 с.
6. Рябичкина, Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. … докт. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Г. В. Рябичкина. Пятигорск, 2009. 44 с.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1989. 246 с.
8. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. М. : Альта-Принт, 2005. 1216 с.

9. Шилова, И. М. Проблема жанров в киноискусстве / И. М. Шилова. М. : Знание, 1982. 125 с.
10. Академик [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/966380

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Вольская Наталия Павловна
Россия Москва. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ИРЯиК
panivolska@gmail.com

LINGUISTIC IDENTIFICATION OF A PERSON

Volskaya Nataliya
Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, IRLC

В статье анализируются проблемы идентификации языковой личности в современных условиях межкультурного взаимодействия, рассматриваются ситуации коммуникации в зависимости от условий её протекания (внутрикультурная, субкультурная, межкультурная). Описываются особенности интерпретации картины мира в зависимости от культуры говорящего, а также раскрываются гендерные аспекты личности в практике межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультура, межкультурная коммуникация, субкультура, языковая компетентность.

The paper issues the problems of identifying a linguistic personality in the current conditions of intercultural interaction, examines the situation of communication, depending on the conditions of its flow (intra-cultural, subcultural, intercultural). Features of interpretation of the world picture depending on the culture of the speaker are described, as well as gender aspects of the individual in the practice of intercultural interaction.

Keywords*:* linguistic personality, linguacultural, Intercultural communication, subculture, language competence.

«Заговори, чтобы я тебя увидел», – сказал однажды Сократ молчавшему молодому человеку. Дело в том, что зрительный образ – всего лишь оболочка, которая скрывает истинное лицо человека. Именно слова, произносимые собеседником «сообщают» нам о его внутреннем мире, именно речь является

отражением его внутреннего мира. Каков человек, такова и его речь, говорил известный древнегреческий философ.

Человек, который пользуется языком и создаёт этот язык, и есть языковая личность. Понятие «языковая личность» всегда интересовало ученых. В. В. Виноградов различал понятия «коллективная языковая личность» и «индивидуальная языковая личность» [2]. Эдвард Сепир отмечал, что речевые привычки являются бессознательными маркёрами личности или части языкового коллектива, объединённого общими признаками (социальными, гендерными, возрастными) [5]. Бодуэн де Куртенэ считал, что язык в развитии есть трансформация психических процессов в языковую материю [1]. Ю. Н. Караулов, который выделял три уровня рассмотрения языковой личности (вербально-семантический, когнитивный и мотивационный), понимал под этим совокупность способностей и характеристик человека, которые определяют создание и восприятие речевых произведений (текстов). Тексты различаются по степени структурно-языковой сложности, по глубине и точности отражения действительности, по определенной целевой направленности [4]. Речевое поведение, как правило, обусловлено психическими и мыслительными стереотипами, которые сложились в языковом коллективе. Набор данных стереотипов постоянно меняется.

Лингвокультурная личность человека меняется, она всё время формируется в ходе межкультурной коммуникации через взаимопонимание. Однако полного взаимопонимания между разными лингвокультурными пространствами быть не может, но можно говорить о разных интерпретациях, о большей или меньшей степени понимания и восприятия иных культурных смыслов, поскольку человек принимает и понимает чужую культуру через свою собственную.

Основным инструментом межличностной коммуникации является вербальное общение, а главным субъектом коммуникации – человек; таким образом, от способности каждого субъекта коммуникации уметь описать, объяснить и предсказать особенности коммуникативного поведения партнера по коммуникации, а также приблизить своё коммуникативное поведение к нормам иной культуры зависит исход

межкультурного взаимодействия и полнота достигаемого взаимопонимания.

Каждый человек представляет собой определённый тип культуры в том смысле, что в процессе взаимодействия с другой культурой, в процессе инкультурации, он как бы присваивает себе определённые модели иного социума и варьирует их для достижения своих целей в конкретных условиях, которые приняты в «своей» культуре. Это различные речевые и неречевые действия, которые подходят к данному месту и времени, к виду выполняемой деятельности и к особенностям участников коммуникации.

Практика межкультурного взаимодействия показывает, что человек действует в «чужой» среде по «своим» моделям и не осознает этого до тех пор, пока не обнаружит, что его не понимают. С первых же контактов с людьми других культур человек быстро убеждается в том, что в каждой культуре есть свои собственные ценности и нормы как вербального, так и невербального поведения, и они существенно отличаются от тех норм, которые приняты в его культуре. В процессе межкультурной коммуникации человек попадает в мир, где существуют иные правила и нормы, отличные от его собственной культуры. В это время человек испытывает различные переживания чужого окружения и это сопровождается также переживанием «своего» в противоположность «чужому», но при этом «чужое» соотносится с чертами «своей» собственной культуры и за эталон принимаются именно собственные культурные ценности или образцы. Вот тут-то и возникает понятие «чужой». Его можно определить как культурно-значимый и отрицательно-заряженный фактор, который важен для распознавания идентичности и для определения совокупности разнородных культурных признаков, когда субъект осознаётся как не принадлежащий к этой культуре.

С первых контактов с представителями других культур субъект коммуникации быстро убеждается, что в каждой культуре есть собственные системы ценностей и нормы как вербального, так и невербального коммуникативного поведения, которые существенно отличаются от тех, которые приняты в его

родной культуре. В процессе межкультурной коммуникации человек попадает в мир, где существуют иные правила и нормы, испытывая при этом самые разные переживания чужого окружения. Это переживание чужого сопровождается также переживанием «своего» как контрастно противоположного «чужому». Сам процесс переживания «чужого» осуществляется путём выделения черт другой культуры через соотнесение со специфическими чертами культуры собственной. При этом за положительный эталон принимаются собственные культурные образцы. В таких ситуациях расхождения или несовпадения каких-либо явлений другой культуры с принятыми в «своей» культуре, возникает понятие «чужой». Это понятие можно определить как культурно-значимый и негативно-заряженный фактор, который существенен для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно-значимых признаков: субъект социальной перцепции осознаётся как не принадлежащий к культуре или субкультуре познающего субъекта.

Фактор «свой» понимается как культурно значимый и положительно заряженный фактор, который важен для распознавания первичной культурной идентичности человека. Он основан на совокупности разнородных и культурно значимых признаков. В межкультурной коммуникации понятия «свой» или «чужой» имеют важное значение, так как воспринимая себя в другой культуре, индивид старается выделить себя из среды «другой», «чужой» культуры. В результате этого у человека складываются определённые когнитивные модели, которые служат в основном для оценки воспринимаемой действительности. Итак, чужая культура всегда познается и оценивается на уровне своей культуры. Эта проблема очень важна для изучения условий для достижения взаимопонимания участников коммуникации с разной лингвокультурной идентичностью. С одной стороны, человек принимает или не принимает тот или иной факт культуры, а с другой стороны – принимает или не принимает оценку одного и того же факта представителями чужой культуры. Человек к чужой культуре относится либо с восхищением, либо с неприязнью. Например,

желание сэкономить деньги является положительным качеством и в русской, и в немецкой культурах, однако русские считают, что немцы скупы, а немцы считают, что русские транжиры. Так, умение добиться хорошей сделки для «своего» воспринимается в «своей» культуре как положительный знак, а для «чужого» как отрицательный знак, то есть нечестность или хитрость. День рождения в разных культурах отмечается по-разному, хотя и есть много общего. Так, в русской культуре принято несколько раз предлагать угощение и настаивать на нём, а отказ воспринимается как вежливость и понимается, как нормальное поведение. Но в других культурах угощение предлагается только один раз, а отказ воспринимается именно как отказ, и вторичное предложение воспринимается как невежливое.

Большое значение для характеристики человека имеет возрастной и гендерный аспект. Существуют различия в мужской и женской речи. Больше всего различий имеется на уровне лексики. Женщины чаще употребляют уменьшительные формы, особенно в разговоре с детьми или животными, женщинам также свойственна гиперболизация, преувеличение, экспрессивность и эмоциональность. Мужчины предпочитают более грубую речь, более точную, употребляют большое количество терминов и оценочной лексики, а также используют багаж профессиональных знаний вне сферы профессионального общения. Гендерные различия касаются словарного состава, семантических полей и ряда ассоциаций. Женщина больше сосредоточена на своём внутреннем мире, у неё в словарном запасе больше слов, которые описывают чувства, эмоции, она часто употребляет глаголы, которые передают психологическое и эмоциональное состояние человека. Таким образом, женское ассоциативное поле является более обобщённым, чем мужское. Женщины чаще используют восклицательные и вопросительные предложения, у них чаще встречается инверсия, для них более характерны экспрессивные предложения и тексты. А у мужчин тексты более лаконичны, предметны и динамичны. В разговоре женщина часто задаёт вопросы, как правило, для того, чтобы продолжить беседу, а своё несогласие с собеседником женщина чаще выражает молчанием, а не словом протеста. Мужчина же

старается доминировать в беседе, в то время как у женщины более вежливый характер её реплик.

Существуют и различия в произношении у мужчин и женщин. Например, женщинам свойственны придыхание, лабиализация и назализация. Особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в области вокализма, а мужского – в сферах консонантизма: для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин, что приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру; а большая консонантная насыщенность мужской речи обусловлена тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных. Женщинам более свойственны фактические речевые акты, они легче переключаются, меняют роли в процессе коммуникации. В мужской речи отмечается терминологичность, стремление к точности называния, стремление к использованию экспрессивных средств языка, стремление к огрублению речи.

В коммуникации также большое значение имеют и экстралингвистические факторы. Степень использования таких средств зависит от эмоционального фона коммуникации и от языковой личности и её социального статуса. Так, немолодые люди более сдержанны, они характеризуются более умеренным использованием таких средств, а люди с низким уровнем образования наоборот имеют склонность к использованию жестов, которыми они сопровождают свои высказывания. Определению национальной принадлежности могут способствовать невербальные средства, которые имеют общую инвариантную основу. Сюда относятся расстояние между разговаривающими людьми, личное пространство, а также кинесика, мимика, жесты и другие. Механизм формирования невербальных средств, так же как и формирование экстралингвистических средств, определяется социальными и культурными характеристиками народа. Вспомните трактовку движения головы у болгар и русских («да» и «нет»).

Будьте внимательны! Какова речь, таков и человек.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОЗНАЧЕННЯ ЯК ДРУГОРЯДНОГО ЧЛЕНА РЕЧЕННЯ

Грозян Нина Федоровна, Прудникова Татьяна Ивановна
Российская Федерация, Симферополь,
Крымский инженерно-педагогический университет,
n.f.grozyan@mail.ru, adamsi@inbox.ru

CHARACTERISTICS OF THE DEFINITION AS A MINOR MEMBER OF THE SENTENCE

Grozyan Nina Fedorivna, Prudnikova Tatyana Ivanovna
Russian Federation, Simferopol, Crimean University of Engineering and Pedagogy

В статье охарактеризованы структурно-семантические особенности определений как традиционных второстепенных членов предложения. Охарактеризованы классификационные характеристики определений, основой которых является корреляция традиционных второстепенных членов предложения с их формально-синтаксическими, семантико-синтаксическими и коммуникативными соответствиями. Проанализированы виды определений по формальному и семантическому признакам, выявлены средства их выражения.

***Ключевые слова*:** традиционный член предложения, определение, классификационный признак, семантика определений, средства выражения.

The article generalizes the differential signs of the traditional minor members of the sentence. The structural-semantic peculiarities of the meanings of traditional secondary members of the sentence are determined. Characterized by the classification characteristics of the definitions, the basis of which are correlations of traditional minor members of the sentence with their formal-syntactic, semantic-syntactic and communicative correspondences. The types of definitions according to the formal and semantic features, means of their expression are analyzed.

Keywords: traditional term of a sentence, definition, classification mark, semantics of definitions, means of expression.

Класифікаційними ознаками другорядних членів речення (*класифікаційний* – стосується *класифікації* у 2 значенні як системи розподілу предметів, явищ або понять на класи, групи тощо за спільними ознаками, властивостями) [2, с. 432]) логічно вважати такі: 1) роль у формально-синтаксичній структурі речення; 2) кореляція із власне-членами речення; 3) засоби

вираження; 4) позиція у формально-синтаксичній структурі речення; 5) різновид синтаксичного зв'язку; 6) співвідношення із синтаксемами; 7) різновид семантико-синтаксичних відношень; 8) позиційна закріпленість при актуальному членуванні, співвідношення з комунікатемами. Погоджуємося з В. В. Бабайцевою, що члени речення – це фокус, який збирає все, а тому глибоке їх вивчення передбачає врахування всіх аспектів речення [1, с. 31].

Попри значні напрацювання у сфері сегментації речення – поділу на члени речення (мінімальні синтаксичні одиниці, компоненти речення, структурно-семантичні поширювачі, синтаксеми тощо), існує чимало проблем, зумовлених неоднаковими підходами до з'ясування їхньої специфіки і статусу, визначення принципів диференціації тощо. Актуальність багатоаспектного дослідження системи членів речення увиразнює наявність різноманітних, нерідко протилежних, концепцій і підходів, що стосуються місця аналізованих компонентів серед інших синтаксичних одиниць, їхньої типології, критеріїв розмежування, формальної, семантичної і комунікативної диференціації тощо.

Мета статті – з'ясувати класифікаційні характеристики означення як другорядного члена речення в річищі традиційної класифікації.

Використання в реченні означень умотивоване потребою дати якісну чи кількісну характеристику предмета, явища або особи, схарактеризувати ознаку за дією, за належністю, за суб'єктом дії тощо. Означення кваліфікують як другорядний член речення, що вказує на ознаку предмета, його якість чи властивість і відповідає на запитання *який? чий? котрий?* (в усіх відмінках) та *скількох? скільком? скількома? на скількох?* Це залежний від іменника, займенника чи будь-якого субстантивованого слова або вислову другорядний член речення, який узгоджений з означуваним компонентом у відмінку, числі та роді (в однині) або пов'язаний синтаксичним зв'язком кореляції, прилягання чи керування.

Як структурно-семантичному компонентові речення означенню властиві класифікаційні ознаки, що відображають

кореляції між формально-синтаксичними, семантико-синтаксичними та комунікативними відповідниками.

Семантика означення охоплює такі основні характеристики: 1) значення якісної ознаки предмета, напр.: *З* ***пресвітлим*** *смутком вересень прийшов. Дзвінком* ***школярським*** *спогадів накликав. Журавликом у небі закурликав.* ***Черлений*** *лист підняв, мов корогов* (Т. Коломієць); 2) значення ознаки за дією, напр.: *А ти тільки вдумайся: перед тобою* ***Непрочитана*** *книга – жінка* (Т. Коломієць); 3) значення ознаки дії за суб'єктом дії, напр.: *Нехай це –* ***витвір самоти****, нехай це – вигадка й омана!* (Л. Костенко); 4) значення кількісної ознаки, напр.: *Але вона* [Оксана] *тут не сама, крокує впевнено до* ***двох*** *постатей, що чекають на неї* (Дара Корній) та ін.

За традиційною класифікацією «до означень зараховують словоформи, що часто мають синкретичну семантику (атрибутивно-об'єктну чи атрибутивно-обставинну)» [4, с. 11]: 1) значення ознаки предмета за його відношенням до іншого предмета, напр.: *Аліна робить* ***каву з гвоздикою****, так, як любить Сашко* (Дара Корній); *І коли взимку ти п'єш липово-шипшиновий* ***чай зі*** *смородинним* ***варенням****, чи малиновим, чи абрикосовим, чи ожиновим, ням-ням, то ти направду п'єш літо…* (Дара Корній); 2) значення ознаки предмета за матеріалом, із якого зроблений предмет, напр.: *А ще – зграйки бундючних індіанців* ***у*** *величних* ***коронах із пір'я****, які на своїх мустангах переслідують твоєю стелею різко окреслених велетнів-бізонів* (В. Гранецька); 3) значення ознаки предмета за місцем, напр.: *Ввійшла приїжджа* ***жінка із села****. І запах поля принесла з собою* (М. Луків) та ін. Усі «виокремлені значення, уміщені в одному залежному компоненті, за способом вираження та формою підрядного зв'язку поділяють на узгоджені і неузгоджені» [4, с. 11].

Узгоджені означення – це такі означення, які з означуваним словом потенційно узгоджуються в граматичних формах відмінка, роду, числа. Засобами вираження узгоджених означень є: 1) прикметники будь-якого семантичного розряду: ***Вчорашній*** *день минув чудово*! (Олександр Олесь); 2) дієприкметники: *Ще рань ожиново-щемлива в* ***достиглій*** *купчиться росі…* (В. Коваленко); *Описати любов – це зловити пальцями* ***розлиті***

по скляній поверхні кульки ртуті (А. Бондар); 3) займенники, співвідносні з прикметниками (крім присвійних *його, її, їх*, оскільки вони є застиглою формою родового відмінка особових займенників *він, вона, вони*, а тому є незмінними): *Влийся сонцем у щиру мову, У думок* ***моїх*** *течію – Я люблю* ***твої*** *губи, і брови, І поставу, і вроду* ***твою*** (В. Симоненко); 4) кількісні числівники в непрямих відмінках, крім знахідного: *Викупатися в річці між* ***трьома*** *джерелами* (Дара Корній); 5) порядкові числівники: *Моя* ***перша*** *любов торгує целофановими пакетами. Моя* ***друга*** *любов не знайшла нічого кращого, ніж піти по руках. Моя* ***третя*** *любов була від мене кращою і знайшла собі кращого* (А. Бондар).

За кількістю компонентів означення можуть бути непоширені (однокомпонентні) і поширені (багатокомпонентні). В українській мові поширені означення виражені прикметниковими (прикметник із залежними від нього словами) і дієприкметниковими (дієприкметник разом із залежними від нього словами) зворотами, напр.*: Я відчайдушно намагаюсь утримати його, те, що відходить, розуміючи, що втрачаю, що час,* ***відрахований мені долею****, минає…* (Ю. Покальчук).

Неузгоджені означення – це означення, що вказують на ознаку предмета за його належністю особі або характеризують предмет стосовно ваги, розміру, віку, місця, часу, мети і призначення тощо. Традиційно неузгоджені означення, виражені відмінковими та прийменниково-відмінковими формами іменників, називають керованими. Ця назва відображає їхній статус та первинну придієслівну позицію. У поєднанні з іменником така позиція тільки умовно може бути названа керованою на підставі лише морфологічного вираження залежного слова чи прийменниково-відмінкової словоформи, а точніше – вона прилегла. Об’єктний компонент у семантиці субстантивного означення зумовлений формою його вираження, а означальний – типом відношень між головним і залежним словами та можливістю атрибутивної характеристики головного компонента [5, с. 501–502]. І. Р. Вихованець зауважує, що в неузгоджених означеннях на значення ознаки нашаровано додаткові відтінки, «зумовлені нетиповою для позиції означення частиною мови та новими для цієї частини мови семантико-синтаксичними відношеннями й синтаксичним зв’язком» [3,

с. 88]. З огляду на відсутність у традиційній класифікаційній схемі місця для синкретичних членів речення, такі структурно-семантичні компоненти покваліфіковані як неузгоджені означення.

Засобами вираження неузгоджених означень є:

1) іменник у родовому відмінку без прийменника на позначення: а) належності особі чи предметові (родовий посесивний), напр.: *Хату* ***матері*** *я завжди згадую у своїх думках* (В. Герасимчук); б) частини тіла істоти (родовий цілого), напр.*: …ти побачиш томно примружені* ***очі*** *розкішної* ***кінодіви*** *далеких 50-х років* (В. Гранецька); в) тваринних або рослинних організмів, частина яких названа пояснюваним словом, напр.: *Місяць* ***крізь віти ялини*** *руки до мене простяг* (В. Сосюра); г) події, якою знаменується певний проміжок часу, названий головним словом, напр.: *Дарина часто згадувала день* ***приїзду*** *на шахту* (Ю. Яновський); ґ) учасників певного колективу, названого пояснюваним словом, напр.: *Сашко вже зрозумів, що перед ним не просто старший пан, а батько Оксаниного Влада і* ***проректор університету*** (Дара Корній); д) якісної характеристики щодо сорту, розміру, віку (такі означення переважно двокомпонентні), напр.: ***Дівчатко років трьох*** *вибігло на дорогу і дивилося захоплено на заграву вечірнього неба* (Я. Мельник); е) ознаку за місцем перебування, проживання: *Частково тому, що вважав: геть усі* ***мешканці*** *вірного* ***села*** *мають говорити по-польськи, раз уже є громадянами Жечі Посполитої* (В. Лис); є) ознаки за її носієм або джерелом, напр.*:* ***Дубів*** *кошлатих набігає* ***тінь*** (А. Малишко); ж) діяча, витворювача дії (родовий суб'єкта), напр.: *Я дивлюсь на* ***мерехтіння*** *небесних* ***цяток*** *і намагаюсь уявити собі життя на них* (В. Винниченко);

2) іменники в непрямих відмінках із прийменниками, напр.: *Жінка сьогодні була вбрана у блакитну сукню, підперезана золотим* ***поясом із вишивкою*** (Дара Корній);

3) присвійні займенники *його, її, їх* (зв'язок прилягання), напр.: *Дзвенять німою тугою ліси, Коли їх ніч тремтлива обнімає І від очей у ревності ховає Принади* ***їх*** *первісної краси* (В. Симоненко);

4) неозначена форма дієслова, напр.: *Правді* ***служити****, неправду* ***палити*** *вічну дай страсть* (І. Франко);

5) синтаксично нерозкладним сполученням іменника в непрямому відмінку із залежними від нього словами, лексичним чи фразеологічним словосполученням або реченням, напр.: *Вони* [закохані] *живуть в іншому вимірі, весь світ, що їх оточує, не для них, усе не має значення, має значення лише дотик, лише радість* ***бути поряд****, лише відчуття коханого, чуття, дотик, життя…* (Ю. Покальчук); *Запитання* ***“За кого люди на Донбасі?”*** *риторичне* (В. Макєєв);

6) порівняльним зворотом, напр.: *Будеш їхати снігом поволі до весни крізь завії,* ***мов дим*** (І. Драч);

7) прислівником, напр.: *Дорога* ***ліворуч*** *врізалася в ущелину* (О. Забужко);

8) дієприслівником, напр.: *Очам шкодять як дуже яскраве світло, так і погана освітленість, а також різкі коливання рівня освітленості, штучне освітлення,* ***читання*** *в транспорті або* ***лежачи****, неякісно надруковані тексти* (О. Тагліна).

Відповідно до традиційного підходу другорядні члени речення визначають за принципом «або те, або інше», тобто віддають перевагу деяким формальним чи значеннєвим ознакам. Натомість аналіз структурно-семантичних компонентів в аспекті теорії перехідності, що передбачає визнання явищ синкретизму, дає змогу уникнути однобокого трактування, керуючись принципом «і те, й інше». Більшість неузгоджених означень логічніше було б кваліфікувати як синкретичні другорядні члени речення.

Як різновид означення традиційно виокремлюють прикладку – залежний від головного слова другорядний член, виражений іменником або субстантивованим словом, що приєднується до головного компонента паралельними з ним формами з метою його визначення, уточнення або пояснення [5, с. 504].

Прикладка узгоджується з означуваним словом у відмінку і зазвичай у числі, рідше – у роді. Від узгодженого означення, вираженого прикметником, вона відрізняється тим, що вказує на ознаку предмета й водночас дає йому другу назву, тоді як узгоджене означення лише називає ознаку предмета [6, с. 65].

Під час визначення прикладки потрібно звертати увагу на такі чинники: 1) відношення між предметами, що мають видову й

родову назви, бо в одних випадках у ролі прикладки функціює видова назва (частіше), в інших – родова (рідше); 2) синтаксичні зв'язки деяких форм присудка (не є прикладкою слово, із яким узгоджується присудок), напр.: *День осінній ... вітер віє, і* ***красуня****-сонце змерзло* (М. Рильський); 3) зміст цього речення і навіть зміст попереднього чи наступного речень.

Отже, класифікаційні характеристики означення ґрунтуються на врахуванні кореляцій традиційних другорядних членів речення з їхніми формально-синтаксичними, семантико-синтаксичними та комунікативними відповідниками. Розроблення концептуальних засад дослідження членів речення вможливить створення багатовимірної моделі сегментації речення – із погляду структури, семантики і прагматики, усуне суперечності усталеної класифікації членів речення.

Література

1. Бабайцева, В. В. Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. М. : Просвещение, 1988. 159 с.

2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / укл. і голов. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2003. 1440 с.

3. Вихованець, І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник / І. Р. Вихованець. К. : Либідь, 1993. 368 с.

4. Грозян Н. Ф. Класифікаційні характеристики означень / Н. Ф. Грозян, Т. І. Прудникова // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». Вып 1, 2018. С. 9–13.

5. Загнітко, А. П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис / А. П. Загнітко. Донецьк, 2011. 992 с.

6. Кулик, Б. М. Курс сучасної української літературної мови. Синтаксис / Б. М. Кулик. К. : Рад. школа, 1961. Ч. ІІ. 287 с.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ КОРПОРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Гулевец Наталья Александровна
Россия, г. Севастополь,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ngulivets@gmail.com

CROSS-CULTURAL STUDY OF STRATEGIES OF CORPORATE DISCOURSE

Gulevets Natalia Aleksandrovna
Russia, Sevastopol, Sevastopol State University

Предлагаемая работа посвящена исследованию взаимосвязи национальной культуры и бизнеса и её реализации в испанском языке. На материале текстов ежегодных обращений президентов компаний Repsol (Испания) и PDVSA (Венесуэла) автор выделяет основные и вспомогательные стратегии национального корпоративного дискурса обеих стран, а также оценивает влияние особенностей культуры народов на формирование данных стратегий.

Ключевые слова*:* бизнес, национальная культура, национальный корпоративный дискурс, стратегии дискурса, язык.

The proposed research is devoted to the study of the relationship of the national culture and business and its implementation in the Spanish language. Using the texts of annual messages given by the presidents of Repsol (Spain) and PDVSA (Venezuela), the author identifies the primary and secondary strategies of the national corporate discourse of both countries, as well as assesses the impact the cultural features make on their formation.

Keywords: business, national culture, national corporate discourse, discourse strategies, language.

Одно из приоритетных направлений современной лингвистики – изучение речевого поведения представителей различных профессиональных групп в рамках того или иного институционального дискурса. Корпоративный дискурс – сложное коммуникативное явление, «…речь, рассматриваемая как целенаправленная социальная деятельность, обеспечивающая самоидентификацию группы, инкорпорирование индивида в данную группу и позиционирование группы (компании) в сознании адресата (сотрудника, клиента, делового партнёра), характеризующаяся определенными философскими,

ценностными, нравственными и социопрагматическими установками и определённым репертуаром речевых стратегий» [2, с. 4].

Материалом для исследования послужили тексты ежегодных обращений (2011–2015) президента компании Repsol (Испания) Антонио Бруфао Ниубо и президента компании etr e s e ene ue , S. A. (PDVSA) (Венесуэла) Рафаэля Дарио Рамиреса Карреньо к акционерам, опубликованные на официальных сайтах компаний. Отмечено, что основными целями отправителя сообщения является информирование и привлечение внимания адресата к деятельности компании посредством создания положительного образа компании. Таким образом, отправитель не просто создаёт текст, но также влияет на процесс восприятия и интерпретации сообщения.

От коммуникативного поведения президента компании во многом зависит успех её деятельности. Главной целью настоящей работы является анализ использования речевых стратегий в тексте ежегодного обращения президентов компаний. Особый интерес представляет межкультурный подход к исследованию, а именно изучение влияния культурных и социокультурных факторов на языковую реализацию применяемых стратегий.

О. С. Иссерс предлагает функциональный подход к классификации типов речевых стратегий и выделяет основные (семантические или когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) стратегии [1, с. 106–108]. Речевые стратегии здесь рассматриваются как совокупность речевых действий, направленных на решение коммуникативных задач, поставленных говорящим [см. там же, с. 109]. Семантическая стратегия определяется как ведущая, обусловленная основными мотивами говорящего и согласованная с его основополагающими ценностями, вспомогательные стратегии способствуют эффективности воздействия на получателя сообщения.

Анализ текстов ежегодных посланий Антонио Бруфао и Рафаэля Рамиреса позволил выделить стратегию убеждения в качестве основной (семантической) стратегии. В основе данной

стратегии лежит стремление президента компании убедить акционеров в:

- надёжности компании: *La solidez de nuestros proyectos, la diversificación de activos y la fortaleza financiera permitirán a nuestra compañía continuar con el desarrollo creciente de nuestros planes de negocio…(2011)* [8]; *…Estas cifras demuestran que tenemos una empresa sólida, que seguirá consolidándose como una potencia mundial energética (2013)* [7];

- успешности компании: *A través de un rápido y exitoso proceso de liquidación total de nuestra presencia en Argentina, Repsol obtuvo más de 6.300 millones de dólares, lo que resultó ampliamente celebrado por el mercado y redundó en importantes beneficios directos para nuestra empresa y todos sus accionistas (2014)* [8]; *Hoy somos el país con las mayores Reservas Probadas de Petróleo del Planeta: 297 ml 571 millones de barriles. Además, hemos avanzado en la conquista de nuestra soberanía tecnológica como lo muestra la construcción en el país de la primera plataforma petrolera en la nación actualmente en operaciones en el Golfo de Paria Oeste (2011)* [7];

- правильности выбранного курса: *...2015 ha sido también un ejercicio positivo para Repsol ya que nuestra compañía culminó con éxito sus objetivos de crecimiento con la compra de Talisman (2015)* [8]; *Los logros alcanzados durante 2012 corroboran el papel de PDVSA como una empresa subordinada al Estado venezolano, destinada a garantizar el bienestar del pueblo venezolano y consolidar el Socialismo Bolivariano…(2012)* [7].

- заинтересованности в процветании клиента: *...nuestra estrategia sigue centrada en defender los derechos e intereses de todos nuestros accionistas (2012)* [8]; *Durante estos dos últimos años la estrategia de Repsol se ha centrado en defender los derechos e intereses de todos sus accionistas con una doble vertiente de actuación (2013)* [8].

Культурный контекст признается широким и сложным, формирующим способы чувствовать, мыслить и действовать как в каждом отдельном человеке, так и в обществе в целом [4, с. 29]. Венесуэла – полиактивная культура, характерными признаками которой являются высокая степень эмоциональности, внимание к

чувствам и семейным отношениям, выделение ключевой фигуры, сочетание социального и профессионального и др. [5, с. 29–31].

Эмоциональность – одна из главных характеристик текстов обращений Рафаэля Рамиреса, следовательно, стратегия формирования эмоционального настроя признаётся ведущей прагматической стратегией: *Esta empresa mira hacia el futuro porque es una Corporación sólida, porque tiene muy claro a dónde ir, porque comprende la dimensión de lo que significan sus decisiones y porque cuenta con una misión ideada por un gigante: Hugo Chávez, y ejecutada por miles de trabajadores petroleros que están comprometidos con esta Patria (2014)* [7].

Риторическая стратегия драматизации (яркие повторы, использование политических лозунгов) также повышает степень эмоциональности: *Hoy, a pesar de la guerra de precios por barril de petróleo, de la guerra económica, de las adversidades y de los enemigos de esta Patria, PDVSA presenta sus resultados operativos y financieros, fortaleciendo las mejores prácticas, transparencia y rendición de cuentas (2014, 2015)* [7].

Стратегия построения имиджа компании основана на главных социокультурных ценностях Венесуэлы – патриотизме и почитании семейных отношений [5, с. 552]. Так, ключевые слова, используемые в обращениях Рафаэля Рамиреса, – это *Patria, Venezuela, pueblo (venezolano), pueblo de Bolívar, estado venezolano, nacional, popular*, например: *Petróleos de Venezuela es del pueblo, ya no está desligada al destino de nuestra patria (2011)* [7].

Президент PDVSA позиционирует себя лично и компанию в целом в неразрывной связи с народом; компания – это один коллектив, одна семья, объединённая общими целями и мнениями (ср.: высокая степень коллективизма в классификации Г. Хофстеде [3]): *Más de cien mil hombres y mujeres, trabajadores petroleros, hemos jurado lealtad y estamos dedicados a hacer cumplir la Ley del Plan de la Patria…(2013)* [7]. Таким образом, адресант создает атмосферу единства и понимания посредством применения риторической стратегии отождествления себя с аудиторией.

Упоминание имени личности или исторического события, ключевых для Венесуэлы, подчеркивает важность компании и её статус (стратегия презентации статуса и роли), привлекает и удерживает внимание аудитории (риторическая стратегия привлечения внимания): *La Independencia Nacional es una reconquista materializada gracias a una lucha sin tregua encabezada por el Comandante Presidente, Hugo Chávez (2012)* [7]; *El 5 de marzo perdimos físicamente al líder más importante después del Libertador Simón Bolívar: el Comandante Presidente Hugo Rafael Chávez Frías, Líder Supremo de la Revolución Bolivariana, refundador de la República y padre de la Nueva PDVSA (2013)* [7].

Эмоциональность и контрастность обращения Рафаэля Рамиреса также усиливается за счет применения риторической стратегии противопоставления: *Los enemigos de la patria intentaron desconocer la voluntad del pueblo y fueron derrotados (2013)* [7].

Культура Испании характеризуется Р. Льюисом также как полиактивная [6] с такими ведущими признаками, как эмоциональность, красноречие и др. Однако, изучение текстов ежегодных посланий Антонио Бруфао показывает, что обращения президента Repsol не отличаются особой эмоциональностью. В работе Р. Льюиса это объясняется профессиональной принадлежностью: группы инженеров в технических компаниях имеют тенденцию действовать в рамках моноактивного поведенческого типа (достаточно бесстрастны, строго привержены фактам, предпочитают строгий деловой стиль) [6].

Так, например, Антонио Бруфао склонен к:

- сухости изложения материала: *Todo ello requiere encontrar un balance entre las demandas de desarrollo de la humanidad y la capacidad que tiene nuestro planeta de asimilar los impactos asociados a las necesidades de materias primas y recursos naturales (2013)* [8];

- детальному планированию: *Tras analizar más de 300 activos y empresas de todo el mundo y de meses de intensas conversaciones, el pasado diciembre cerramos el acuerdo de adquisición de Talisman Energy (2014)* [8];

- безличности в отношении к коллективу (в некоторых случаях): *Repsol continuó en 2011 trabajando por mejorar las condiciones laborales de su capital humano… (2011)* [8].

Прагматическая функция формирования эмоционального настроя реализуется при помощи установки адресанта на воспитание чувства гордости за компанию и её деятельность. Гордость – одна из основных национальных характеристик испанцев [5, с. 269], что неоднократно отмечается на лексическом уровне: *En lo que respecta a España, estamos especialmente orgullosos de los resultados de las inversiones industriales acometidas en las refinerías de Cartagena y Petronor… Todos los que formamos parte de Repsol estamos muy orgullosos del Campus (2012)* [8].

Г. Хофстеде классифицирует культуру Испании как феминнную [3], т. е. такую, где успех ассоциируется с качеством жизни. Следовательно, успешная компания – это компания, которая по качеству и эффективности ведения бизнеса является образцом для подражания. Таким образом, стратегии построения имиджа компании и презентации её положительных сторон выделяются как ведущие прагматические стратегии в текстах обращений Антонио Бруфао. Например:

- определённость планов и стабильность: *Nuestra hoja de ruta para los próximos años pone el foco en la rentabilidad y la eficiencia, y tiene como máximas la mayor creación de valor y la resiliencia de nuestros negocios (2015)* [8];

- перспективность: *Se trata de una oportunidad única para acelerar nuestros planes estratégicos (2014)* [8];

- эффективность: *...2012, un año en el que el beneficio neto superó los 2.000 millones de euros y reflejó muy positivamente el esfuerzo realizado por nuestra compañía para superar las grandes dificultades surgidas durante el ejercicio, fundamentalmente la crisis económica sufrida en España y Europa… (2012)* [8] и др.

Некоторая эмоциональная сдержанность Антонио Бруфао определяет ограниченный набор риторических вспомогательных стратегий. Так, прежде всего, президент Repsol прибегает к стратегии акцентирования или повторения важной информации:

- акцент: борьба с текущими вызовами в обращении 2012 года: *...con trabajo conjunto, somos capaces de afrontar cualquier desafío; Nos encontramos en un momento de grandes desafíos; ...la única capaz de dar respuesta a los nuevos desafíos; ...sólo podemos afrontar los desafíos con actitud de servicio, esfuerzo y trabajo en equipo (2012)* [8];

- акцент: развитие компании в обращении 2014 года: *...con el mayor entusiasmo y rigor posibles, emprender una nueva etapa de crecimiento y menor incertidumbre; ...que convierte a Repsol en uno de los grandes operadores a nivel mundial, con una sólida posición en países geopolíticamente estables y con alto potencial de crecimiento (2014)* [8].

Стратегия привлечения внимания реализуется, например, посредством повтора обращения к адресату в тексте послания: *Queridos accionistas; señores accionistas*. Текст посланий заканчивается личным обращением президента к акционерам, где он особенно подчёркивает единение компании (президент отождествляет себя с компанией) и акционеров, например: *Espero seguir contando con todos ustedes para que nos acompañen en este proyecto al que dedicamos todo nuestro esfuerzo (2014)* [8] и др. Г. Хофстеде характеризует испанское общество как коллективистское [3], где командная (совместная) работа воспринимается как нечто абсолютно естественное.

Таким образом, применение речевых стратегий в корпоративном дискурсе напрямую соотносится с интенциями адресанта. Прежде всего следует выделить семантическую стратегию убеждения как ведущую в текстах обращений обоих президентов: глава компании стремится убедить адресата (акционера компании) в её надежности и стабильности.

При сходстве основной стратегии наблюдаются различия в наборе применяемых вспомогательных прагматических (коммуникативно-ситуационных) и риторических стратегий. Главная причина кроется в особенностях культурно-исторического развития каждого народа.

Так, особенности культуры Венесуэлы – эмоциональность и импульсивность, коллективизм, семейственность, выделение ключевой фигуры – находят свое языковое воплощение в текстах ежегодных обращений президента компании PDVSA Рафаэля

Рамиреса, при этом прагматические стратегии прежде всего направлены на формирование эмоционального настроя, а также на презентацию статуса и роли компании, построение её имиджа. Реализация риторических стратегий также направлена на повышение уровня эмоциональности, усиление контрастности, привлечение внимания, создания атмосферы единства и понимания.

Культура Испании также влияет на реализацию национального корпоративного дискурса и выбор дискурсивных стратегий. Президент компании Repsol Антонио Бруфао применяет прагматические стратегии с целью создания положительного образа компании как образца для подражания, т. к. для испанцев крайне важно не потерять лицо и сохранить чувство собственного достоинства. Его речь менее эмоциональна, что объясняется принадлежностью к определенной профессиональной группе. Акцентирование важной информации (риторическая стратегия) также способствует созданию позитивного имиджа компании и формирует отношение акционеров к компании.

Итак, несмотря на использование одного языка общения, национальные корпоративные дискурсы Испании и Венесуэлы потенциально отличаются набором прагматических и риторических стратегий в силу очевидного влияния культурных и социокультурных факторов.

Литература

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / О. С. Иссерс. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

2. Колобова, А. А. Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний): автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 – «германские языки» / А. А. Колобова. Владивосток, 2007. 24 с.

3. Hofstede Insights. Country Comparison [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.hofstede-insights.com/country-c mp ri s n/sp i n,vene u e /

4. e n, A. B. Estrategias para el Desarr e munic ci n Profecional / A. B. e n. ic : Editorial Limusa, 2002. 200 p.

5. Lewis, R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures / R. D. Lewis. Boston, London: Nicholas Brealey International, 2006. 600 p.

6. The Lewis Model – Dimensions of Behaviour [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.crossculture.com/the-lewis-model-dimensions-of-behaviour/

Иллюстративный материал

7. PDVSA. Informe e Gesti n Anu 2011-2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.pdvsa.com/interface.sp/database/

8. Repsol. Informe Anual 2011-2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.repsol.com/es_es/corporacion/accionistas-inversores/informacion-financiera/informe-anual-consolidado/

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ЛЕКСЕМ МЕЖДУ ТЕМАТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ «СОЦИУМ» И «ПРОСТРАНСТВО» В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА ГРОЗНОГО

Давыдкина Анастасия Сергеевна

Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

nastya280798@yandex.ru

SEMANTIC MIGRATION OF THE LEXEMES BETWEEN THE THEMATIC GROUPS OF «SOCIETY» AND «LOCATIVITY» IN THE EPISTLES OF IVAN GROZNYJ

Davydkina Anastasia Sergeevna

Russian Federation, Simferopol,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье рассматривается семантическая миграция между тематическими группами «социум» и «пространство» в Посланиях Ивана Грозного. Описываются типы семантических моделей, возникающих в результате метафорического переноса пространственных координат на общественную систему.

Ключевые слова: семантическая модель, лексика, тематическая группа, пространство, Иван Грозный.

The article deals with the semantic migration between the thematic groups «s ciety» n «s locativity» in the epistles of Ivan Groznyj. The types of semantic models arising as a result of metaphorical transfer of spatial coordinates to the social system are described.

Keywords: the semantic model, vocabulary, thematic group, locativity, Ivan Groznyj

Базовыми категориями языковой картины мира на протяжении всей истории языка являлись пространство и

общество. Корни слов, обозначающих степени родства и пространственные объекты, которые используются и в современном русском языке, находили своё отражение ещё в общеславянском лексическом фонде.

Усиленное влияние старославянского языка на древнерусские памятники письменности, наблюдающееся к XVI в. – периоду царствования Ивана Грозного, обусловили широкое использование средств выразительности, основой для которых выступали семантические переносы различного рода. Некоторые из образных выражений использовались чаще остальных, что обусловило развитие вторичных значений лексем.

Тематические группы лексем (под тематической группой мы будем понимать «группу слов разных частей речи, объединённых общностью темы» [6]), базирующиеся на семантике «пространство» и «социум» приобретали, таким образом, несвойственные им до этого значения.

Стоит отметить, что при рассмотрении данных групп основой для формирования переносных значений являлись пространственные координаты. Базисами реального пространства являются местоположение и перемещение, определяемые соотнесенностью как минимум двух объектов в пространственном поле и характером собственно поля. При этом пространственные отношения концентрируются в позиции границы, отделяющей поле субъекта локализации от других пространственных зон. В связи с этим дифференцируются два типа пространственных отношений: динамический и статический. Под динамическим типом (перемещением) понимается нарушение границы какого-либо объекта пространства, под местоположением – непересечение такой границы [2, с. 9].

Кроме того, основой пространственных отношений являются оппозиции верх – низ, правый – левый, что также нашло отражение в образовании вторичных значений у слов тематической группы «социум».

Потенциал в формировании новых моделей мира, основанных на координатах реального пространства, отмечали многие учёные-семиотики, в частности Ю. М. Лотман:

«…асимметрия географического пространства и тесная связь его с общей картиной мира приводит к тому, что оно и в современном сознании остается областью семиотического моделирования. Достаточно указать на лёгкость метафоризации, вызывающей появление таких понятий, как Запад и Восток, на семиотический смысл переименований географических пунктов и т. д. География исключительно легко превращается в символику» [3, с. 284].

Публицистические тексты Грозного отличались социальной направленностью и имели вид открытого письма: «важная заслуга Грозного как публициста заключается в том, что, как отмечает ряд учёных, он раньше большинства современников обратился в своих посланиях не только к обозначенным в них адресатам, но и к широкому кругу других читателей. Публицистическое значение дипломатических посланий монархов той эпохи доказывается тем, что, помимо списков реальных посланий, широкое хождение имели и послания апокрифические, например приписываемые Ивану Грозному и Сигизмунду II Августу. Такие послания были призваны формировать общественное мнение в отношении каждого из правителей» [1, с. 159–160].

Специфика публицистики Ивана Грозного заключается также в использовании различных языковых средств, что обусловлено особым характером отражения индивидуальности автора в тексте: дипломатическая направленность и субъективное отношение к адресату формируют оппозицию государь-человек, в результате чего письма Грозного, несмотря на общую дипломатическую форму, приобретают полемические оттенки.

Политический характер этих текстов обусловливал широкое использование слов, обозначающих пространственные объекты, и слов социальной семантики:

Мы, великий ***государь, царь и великий князь*** *Иван Васильевич всея* ***Руси самодержец****, Стефану, Божиею милостью великому государю,* ***королю Польскому*** *и великому князю* ***Литовскому, Русскому, Прусскому, Жмудскому, Мазовецкому****, князю* ***Семиградскому****…*

Под словами социальной семантики мы понимаем лексику, обозначающую положение в социуме, родственные

взаимоотношения, а также отношения между двумя и более субъектами социума.

При рассмотрении текстов Ивана Грозного стоит учитывать различную цель их написания. Исследователи указывают, что ««Послания <…> по их характеру и содержанию могут быть разбиты на две группы: послания, предназначенные для русских адресатов, и дипломатические послания. К первой группе безусловно могут быть отнесены только три послания: в Кирилло-Белозерский монастырь, Василию Грязному и «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу. К числу дипломатических посланий относятся: послание английской королеве Елизавете, два послания шведскому королю Иоганну III, несколько посланий, связанных с ливонским походом 1577 г., и послание польскому королю Стефану Баторию. К этой же группе относятся и послания к польскому королю Сигизмунду II Августу и гетману Гр. Ходкевичу, написанные в 1567 г. от имени бояр, но фактически, по всей видимости, принадлежащие царю. Промежуточное положение между двумя названными группами занимают послания Курбскому и Тетерину. Эти «государевы изменники», проживавшие во время написания царских посланий в Польско-Литовском государстве, не были, конечно, иностранными правителями, которым подобает писать дипломатические грамоты, но вместе с тем они не были уже и подданными царя» [4, с. 426].

Таким образом, в Посланиях социальная семантика проявляется в большом объёме, что связано с характером и целью написания данных публицистических текстов.

Основным типом семантической миграции языковых единиц является метафорический перенос на основе пространственной оппозиции «верх – низ»:

Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел ***над вами господствовать****, а вы не хотели* ***быть под моей властью****, и я за то разгневался на вас?* – здесь власть выступает в качестве точки, закрепленной на вертикали пространства; субъекты социума могут находиться только ниже этой точки. Следовательно,

семантика пространственного параметра формирует модель социальной иерархии.

Типичным проявлением рассматриваемой пространственной оппозиции в высказываниях с социальным значением являются устоявшиеся титулы:

В этом наставлении было точно описано, как ты присылал к нашему ***высокому величеству*** *бить челом магистра Павла, епископа Абовского с товарищами, когда нашей степени величество было в своей вотчине в Великом Новгороде* – государь так же, как и в предыдущем примере, обозначает себя высшей точкой социума и в связи с этим использует в словосочетании прилагательное *высокий*, первично имеющее пространственное значение.

Еще одной важной характеристикой пространства, моделирующей социальную систему в Посланиях Ивана Грозного, является приближенность – отдалённость:

Тебе же следовало к нам прислать своего ***ближнего человека****, а с ним Антона или одного Антона. И нам неизвестно, передал ли эти дела тебе Антон или нет, про Антона года полтора не было известий* – в данном случае атрибутивная характеристика человека базируется на представлении о пространственных координатах и антропоцентрической парадигме. Таким образом, семантика пространственности трансформируется и лексема *ближний* из тематической группы «пространство» мигрирует в тематическую группу «социум».

Реже встречаются случаи перехода слов социальной семантики в тематическую группу «пространство». Обычно посредством таких языковых средств описание состояния человека вербализуется как местонахождение на каком-либо месте социальной ступени:

Ты же ***пребываешь в своем девическом звании****, как всякая простая девица* – социальное положение «девичество» приравнивается к ирреальному пространственному объекту, имеющему границы и являющемуся разновидностью местоположения.

Таким образом, миграционный потенциал лексем тематических групп «пространство» и «социум» реализуется в Посланиях Ивана Грозного в метафорическом переносе

значений, формирующем социальные модели по параметрам пространства. При этом мигрирующие лексемы приобретают вторичные, переносные значения.

Литература

1. Бачинская, Н. А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст (послание Стефану Баторию 1581 г.) / Н. А. Бачинская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2011. № 6 (68). С. 159–165.

2. Гак, В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В. Г. Гак // Теория функциональной грамматики. СПб. : Наука, 1996. 229 с.

3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.

4. Лурье, Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана I // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачёва, Я. С. Лурье ; перевод, комм. Я. С. Лурье. М.–Л., 1951. С. 496–497.

5. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье. М.–Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 552 с.

6. Рублёва, О. Л. Лексикология современного русского языка / О. Л. Рублёва. Владивосток, 2014. 250 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Долгополова Лилия Анатольевна

Российская Федерация, Симферополь, ГБОУВО «Крымский инженерно-педагогический университет»

Lilian2000@mail.ru

TRANSFORMATION OF INIFINITIVE CONSTRUCTIONS IN GERMAN

Dolgopolova Liliya Anatolievna

Russian Federation, Simferopol, Crimean Engineering and Pedagogical University

В статье рассматривается вопрос исторических изменений синтаксиса в немецком языке. Анализируются семантические и грамматические особенности инфинитивных конструкций немецкого языка в процессе грамматикализации, включая протоиндоевропейские, такие как *accusativus cum infinitive*. Установлено, что их грамматикализация произошла в результате синтаксического свёртывания

сложного предложения по типу грамматической аналогии с конструкцией аккузатива действия.

***Ключевые слова**:* инфинитив, инфинитивные конструкции, грамматикализация, грамматическая аналогия.

This article analyzes the historical changes in German syntax. It deals with the transformation of some infinitive constructions in German beginning from proto-Indo-European *accusativus cum infinitivo*. The research describes the features of their semantic and grammatical transformations during the grammaticalization. It is established that the grammaticalization is the result of the syntactic clotting of a complex sentence by the type of grammatical analogy like the construction Accusative Action.

Keywords: infinitive, infinitive constructions, grammaticalization, grammatical analogy.

Современный немецкий язык характеризуется разнообразием аналитических инфинитивных конструкций, отличающихся друг от друга семантикой и способом образования. Самой ранней следует считать *accusativus cum infinitivo*, которая встречается в древних индоевропейских языках и обладает статусом *падежной инфинитивной конструкции*. С вхождением инфинитива в глагольную систему активно развиваются сочетания инфинитива с финитной формой, на основе которого возникают инфинитивные аналитические конструкции как способ расширения глагольной парадигмы.

К падежным инфинитивным конструкциям мы относим сочетания инфинитива с его субъектом в падежной форме, характеризующиеся специфичными морфосинтаксическими признаками и особенным характером связи с объектом / субъектом финитной формы и инфинитивом.

В истории лингвистики известны три падежные конструкции, к которым относятся: *nominativus cum infinitivo, accusativus cum infinitivo* и дательно-инфинитивная конструкция (*dative subject*). Общим для них является морфосинтаксическая структура, реализующаяся за моделью «инфинитив + субъект в прямом / непрямом падеже».

В современном немецком языке распространена конструкция *accusativus cum infinitivo*, заимствованная переводчиками из латыни. Предикатом предложения выступают глаголы восприятия (*sehen*, *hören*, *fühlen*) или директивные глаголы (*lassen, heißen*). Спорным остаётся отнесённость к этому списку

глаголов *finden, bleiben* в предложениях типа *er fand sie im Stuhle sitzen* ´он застал её сидящей на стуле´. По мнению немецкого лингвиста И. Даля, конструкция с данными глаголами является результатом контаминации инфинитива и причастия I, которая произошла в средневерхненемецкий период [4, с. 100; см. также: 1, с. 80]. Употребление в письменных памятниках обеих форм – *sie bleibt liegen* (инфинитив) / *sie bleibt liegend* (причастие I) – происходит длительный период и находит отражение текстах ранненововерхненемецкого периода [1, с. 114].

В лингвистике существует предположение, что источником возникновения падежных инфинитивных конструкций является побудительное предложение с глаголами, управляющими винительным и именительным падежом. Эта гипотеза подкрепляется такими фактами: 1) древнейший случай *accusativus cum infinitivo* в древнегреческом засвидетельствован именно при директивно-информационном глаголе; 2) при директивных глаголах, не управляющих данной конструкцией, используют инфинитив, обозначающий предмет приказания, мольбы [2, с. 317–318].

По мнению И. М. Тронского, на момент возникновения этой конструкции в индоевропейском языке категории переходности не существовало, а флексии именительного и винительного падежей совпадали с флексией родительного [3, с. 93]. Согласно этому, конструкция *accusativus cum infinitivo* может строиться на отношении принадлежности, а это значит, что исходной может быть инфинитивная конструкция с объектом / субъектом в генитиве. Эта гипотеза достойна внимания, поскольку соответствует периодизации становления инфинитива, разработанной Д. Дистерхефт [5], где возникновение инфинитива связано именно с родительным падежом. Но в целом она не подтверждается какими-либо фактами существования конструкции с инфинитивом генитивом в индоевропейском праязыке.

Грамматикализация конструкции *accusativus cum infinitivo* происходит путём расширения семантики субъекта действия инфинитива, в результате чего он объединяет в себе функции субъекта инфинитива и объекта предиката, выраженного

финитной формой. В основе грамматикализации лежит тенденция к более компактному, напряженному строению предложения, что обуславливает слияние двух семантически связанных, но синтаксически свободных предложений в одно:

Ich hörte ihn. Er singt ein Lied Schuberts > Ich hörte ihn ein Lied Schuberts singen.

В латинском языке грамматикализация этой конструкции не ограничивается участием переходных глаголов в финитной форме. Она функционирует с непереходными и безличными глаголами и даже без опорного глагола:

(i) *ton dikastan* (акуз.) *krinein* 'судье решать'.

Вследствие сложившейся в современных германских языках грамматической традиции, которая предполагает обязательное наличие в предложении двух его главных членов – подлежащего и сказуемого, такой тип предложения (i) выявляется для этих языков невозможным.

Синкретический характер аккузативного субъекта / объекта конструкции *accusativus cum infinitivo* наиболее чётко проявляется при демонстрации структуры предложения в символах генеративной грамматики: становится очевидным его двухсторонняя связь с инфинитивом и предикатом:

Ich hörte ihn ein Lied Schuberts singen.

[S[ich] [VP hörte] [NP ihn PROак] [NP ein Lied Schuberts] [InfP singen]]].

Одним из факторов усложнения идентификации субъекта / объекта к инфинитивной группе или предиката является его размещение на границе между двумя клаузами – финитной и инфинитивной.

Расхождение в семантике финитных глаголов даёт основание для выделения двух семантических типов конструкции *accusativus cum infinitivo* – **аккузатив действия** с глаголами восприятия (*verlaufsdarstellender Akkusativ*) и **модальный аккузатив** с директивными глаголами [7, с. 776]. При трансформации предложения с аккузативом действия преображаются в сложноподчинённые предложения с союзом *wie:*

(ii) *Ich hörte ihn ein Lied Schuberts singen > Ich hörte,* ***wie*** *er ein Lied Schuberts singt.*

Предложения с модальным аккузативом трансформируются в сложноподчинённые предложения с союзом *dass*:

(iii) *Der Schaffner hieß ihn einsteigen > Der Schaffner will,* ***dass*** *er einsteigt.*

На наш взгляд, первый тип конструкций *accusativus cum infinitiv* не следует рассматривать как результат свёртывания сложного предложения. Эта конструкция встречается уже в старейших памятниках немецкого языка, в то время как сложное объектное предложение в древневерхненемецкий период оформлялось только союзами *thaz, oba, hwer, hwaz, huuelîh, uuâr*:

(iv) *Ik gihorta dat seggen* (HL:1) 'Ich hörte s s g en'.

(v) *Thár gisah er stántan gótes boton sconan* (OEB: 6.I,4, 21). 'И увидел он посланца Божьего, стоящего…'.

В предложениях с *hôran* наблюдается нарушение модели «финитум + прямой объект + инфинитив» из-за отсутствия субъекта / объекта (iv), которое сохраняется на протяжении всего развития языка:

(vi) *VVir hôrten ie dike singen von alten dingen* (XI ст.) (AL:1-2) 'Wir hörten sehr oft singen von alten Begebenheiten' (B, 43).

Это свидетельствует о том, что основной компонент высказывания направлен не на субъект инфинитивного действия, который в конструкции *accusativus cum infinitivo* одновременно играет роль стимула и агенса инфинитивного действия, а на саму информацию, выступающую источником восприятия. Субъект инфинитива по своему характеру является латентным; по правилам контроля PRO мы выходим на нулевой субъект со значением «люди». В немецком языке эту роль выполняет неопределённо-личное местоимение *man*:

Ich hörte das sagen > Ich hörte, dass ***man****… sagt.*

При трансформации выявляется актуализация валентности объектного аргумента инфинитива, выступающего источником, в то время как в предложениях с аккузативным субъектом / объектом инфинитив имеет внутренний аргумент – агенс. В первом случае мы имеем дело с пассивным (vii), во втором с активным залогом (viii), ср.:

(vii) *Ich hörte das sagen >Ich hörte, dass das gesagt wurde.*

(viii) *Ich hörte sie singen >Ich hörte, wie sie singt.*

В некоторых случаях возникает проблема идентификации падежа субъекта / объекта, как например:

(ix) *wîlen hôrt man kroyieren sô* (Gärtner: 1025*)* 'раньше мы слышали, что кто-то зовёт Герольда (или: как Герольд зовёт кого-то)'.

Без опоры на контекст невозможно однозначно установить семантическую роль объекта *Herold*, поскольку трансформация предложения допускает два варианта: объект – агенс (x) и объект – пациенс (xi):

(x) Früher hörte m n en Her rufen > Früher hörte m n, ss m n en Her ruft > Früher hörte m n, ss en Her gerufen wurde (пассив).

(xi) Früher hörte m n en Her rufen > Früher hörte m n, wie der Herold rief (актив).

Очевидно, что в предложениях с объектом – пациенсом мы имеем дело не с аккузативом действия, а объектным аккузативом. При трансформации аккузативный объект становится субъектом – пациенсом инфинитива. Формально такие предложения также относятся к *accusativus cum infinitivo.*

Подобная картина наблюдается в предложениях с глаголами *lassen* и *heißen*:

(xii) *Sie lassen den Baum fallen > Der Baum fällt.*

(xiii) *Sie lassen die Katze füttern > Die Katze wird gefüttert*

По наблюдениям М. Фритца, в современном немецком языке инфинитивные конструкции с *lassen* функционируют со значением: 1) действия, реализуемого при условии отсутствия препятствия со стороны субъекта (xii) (´позволяют´) и 2) действия, нереализуемого без вмешательства субъекта (xiii) [6, с. 134–137].

Глаголы *lassen* и его синоним *heißen* в немецком языке известны с периода первых письменных памятников (881–882 г.):

(xiv) *Lietz her heidine man Obar sêo lîdan* (LL: 12). 'Er ieß Hei en über See k mmen' (B, 13).

(xv) *Hiez her Hluduîgan Tharôt sâr rîtan* (LL: 22). 'Und so gebot er [Gott] Ludwig, hne Zögern rthin u reiten ' (B, 13).

Относительно лексемы *lassen* ´велеть, заставлять, позволять´, в лингвистике нет единого мнения. Допускают, что это слово имеет индоевропейское происхождение, но большинство учёных

склоняется к тому, чтобы рассматривать его как инновацию общегерманского периода [8].

В ранних текстах у *lassen* выявляется наличие значения разрешения действия, выполняемого другим субъектом, то есть по М. Фритцу значение 1):

(xvi) *enti si den lihhamun likkan lazzit* (M: 2-3). ' und (die Seele) en Körper iegen ässt ' (B, 18-19).

В то же время со значением 2) по М. Фритцу (действие, не реализуемое без вмешательства субъекта) употребляется глагол *heizzan:*

(xvii) *Man hiez do allenthalben wichen von den wegn der scœnen Chrimhilde* (NL: 297, 1-2). 'Über b t m n ru m, für ie schönen Fr u en en Weg frei u m ch en' (B, 139).

Примеры активного употребления конструкции *lassen* + *инфинитив* со значением 2) зафиксированы нами в текстах начала ранненововерхненемецкого периода (XVI ст.):

(xviii)/ *die Olha hat die Potten lebendig begraben lassen* (Herberstein:§ 28).

В более ранних текстах также встречается пассивная конструкция с инфинитивом, прогнозирующим последующее вхождение такой конструкции в глагольную парадигму:

(xix) *Bit, laß mich dir befolhen sein* (Sachs:15,5) 'bitt, lass mich dir befohlen sein' (B, 187).

Предполагаем, что в основе становления конструкции с пассивным значением лежит сочетание глагола *lassen* с инфинитивной группой, в которую входят субъект и объект действия инфинитива. Предложения с такими конструкциями были распространёнными в конце XV столетия:

(xx) *Den du die ding hast tragen lassen?* (Sachs: 140, 4). 'den du das Zeug hast tragen lassen?' (B, 195).

Субъект действия инфинитива при *heizzan* (*mir*) выступает в дативе, при *lassen* (*daz tor*) – в винительном падеже (xxv). В предложениях, где наличие субъекта не имеет коммуникативной значимости, он может не называться. Это ведёт к исчезновению тождественной по поверхностной структуре конструкции с *lassen* с активным значением: *lassen + объект в винительном падеже + инфинитив.* Отличие обеих конструкций выявляется на

глубинном уровне. В первом случае объект в аккузативе является субъектом-агенсом действия инфинитива (xxi), во втором – он представляет собой пациенса действия инфинитива (xxii), ср.:

(xxi) *Sie lassen **das Gras** wachsen **Das Gras** wächst* (агенс).

(xxii) *Sie lassen **das Gras** mähen **Das Gras** wird gemäht* (пациенс).

Постепенно конструкция *lassen + субъект-пациенс + инфинитив* распространяется и вытесняет из употребления инфинитивную конструкцию с глаголом *heißen*, оставляя за ней сферу высокого стиля [7].

Эволюция конструкции *accusativus cum infinitivo* в немецком языке коснулась также размещения в предложении её элементов и финитной формы. В ранних текстах наблюдается колебание местоположения инфинитива: от финальной позиции (v): *gihorta… seggen, muget … hœren sagen*; до почти контактной с финитной формой: *gisah er stántan gótes boton*. Субъект / объект также не имеет постоянной позиции и может находиться между финитной формой и инфинитивом: *Lietz her heidine man Obar sêo lîdan* или после инфинитива: *gisah er stántan gótes boton sconan*.

Таким образом, на протяжении всего развития в немецком языке наблюдается наличие только одной из возможных падежных инфинитивных конструкций, а именно: *accusativus cum infinitivo*, заимствованной из латыни. Эта конструкция в истории языка претерпевает семантические и формальные изменения.

В семантическом плане отмечается становление двух типов конструкций: аккузатива действия и модального аккузатива, исходным из которых является первый тип. В формальном плане наблюдается колебание позиции инфинитива на протяжении древневерхненемецкого периода и окончательное закрепление его в финальной позиции в ранненововерхненемецкий период; размещение субъекта / объекта, занимающего место между финитной формой и инфинитивом; опущение субъекта / объекта в определенном контексте.

Грамматикализацию конструкции модального аккузатива можно рассматривать как результат синтаксического свертывания сложного предложения по типу грамматической аналогии с конструкцией аккузатива действия. Обе конструкции

(аккузатив действия и модальный аккузатив) прошли все ступени грамматикализации и интегрировались в глагольную парадигму немецкого языка.

Литература

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. М. : Высш. школа, 1963. 336 с.

2. Красухин, К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис / К. Г. Красухин. М. : Языки славянской культуры, 2004. 452 с.

3. Тронский, И. М. О дономинативном прошлом индоевропейских языков [Электронный ресурс] / И. М. Тронский Режим доступа URL: http://www.philology.ru/linguistics1/tronskiy-67.htm

4. Dal, I. Kurze deutsche Grammatik auf historischer Grundlage / I. Dal. – [3., verbesserte Auf .]. Tübingen : Niemeyer, 1966. 228 S.

5. Disterheft, D. The Syntax Development of Infinitive in Indo-European / D. Disterheft Ohio : Slavia Press, 1980. 220 p.

6. Fritz, M. Grammatik und Semantik der Infinitivkonstruktionen von neuhochdeutschen *lassen* / M. Fritz // Der Infinitiv im Deutschen / J. F. Marillier, C. R i er (Hg.). Tübingen : Stauffenburg, 2005. S. 133–146.

7. DUDEN: Richtiges un gutes Deutsch. Wörterbuch er spr ch ichen Zweife sfä e / Hrsg. v n er Dudenredaktion, bearb. von Werner Scholze-Stubenrecht. [4., neu bearb. und erw. Aufl.]. Mannheim ; Leipzig; Wien ; Zürich: Du enver g, 1997 (Der Du en; B .9). 859 S.

8. Hennig, B. K eines mitte h ch eutsches Wörterbuch : [Stu ienbuch] / Beate Hennig. In Zusammenarbeit mit Christa Hepfer und unter Red. Mitw. von Wolfgang B ch fer. [5. urchges. Auf]. Tübingen : Niemeyer, 2007. XXIX, 499 S.

Список иллюстрированных материалов

AL – das Annolied [Электронный ресурс] // Bibliotheca Augustana. Режим доступа URL : http://www2.hs-augsburg.de~harsch/augustana.html

B – Богуславская И. В. История немецкого языка: хрестоматия / И. В. Богуславская. СПб. : КАРО, 2006. 320 с.

Gärtner – Wernher der Gartenaere: Meier Helmbrecht // Hrsg. Fr. Panzer [u.a.] – [10. Aufl.], Tübingen : Max Niemeyer, 1993. 95 S.

Herberstein – Sigismund von Herberstein: Moscovia der Hauptstat in Reissen [Электронный ресурс]. Режим доступа URL : http://www2.hs-augsburg.de~harsch/augustana.html .

LL – das Ludwigslied // Althochdeutsche Lesebuch / Zusammengestellt und mit Wörterbuch versehen v n W. Braune. [14. Aufl.]. Tübingen : Max Niemeyer, 1969. S. 136.

M – Muspilli // F. Vetter. Zum Muspilli : Und zur germanischen Alliterationspoesie. Metrisches – kritisches – dogmatisches. BiblioLife, 2010. 146 S.

NL – das Nibelungenlied // Nibelungenlied. Hrsg. G. H. Needler. BiblioBazzar, LLC, 2007. 532 S.

OEB – Otfrieds Evangelienbuch // Otfrids Evangelienbuch / Hrsg. P. Piper. BiblioBazzar, LLC, 2009. 364 S.

Sachs – Hans Sachs: Der f ren t Schu er im r eiß // Handbuch der iter tur in B y ern. m Frühmitte ters bis ur Gegenw r t. Geschichte un Interpretationen / Hrsg. von A. Weber. Regensburg, 1987. S. 175–186.

АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ДИСКУРСЕ Д. И. РУБИНОЙ

Дружинина Варвара Валентиновна,
Зебелян Кристина Андреевна
Россия, Москва, Российский университет дружбы народов 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Дружинина Анна Валентиновна
Россия, Сочи, Международный инновационный университет 354000, ул. Орджоникидзе, д. 10 «А»

AUTHOR'S PHRASEOLOGICAL UNITS IN D. I. RUBINA'S DISCOURSE

Druzhinina Varvara Valentinovna,
Zebelyan Kristina Andreevna
Russian Federation, Moskow, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)
Druzhinina Anna Valentinovna
Russian Federation, Sochi, International Innovative University

В узуальных фразеологических оборотах Д. И. Рубина находит источник прежде всего для структурно-семантического, семантико-стилистического и грамматико-стилистического обновления языкового материала своего произведения. Авторские фразеологические единицы являются контекстуально обусловленными и контекстуально актуализированными. Фразеологизмы делают тексты Д. И. Рубиной одним из наиболее мощных средств создания образов Времени.

***Ключевые слова**:* узуальные фразеологические обороты, авторские фразеологические единицы, языковой материал.

D. I. Rubina in the usual phraseological phrases finds the source primarily for the structural-semantic, semantic-stylistic and grammatical-stylistic updating

of the linguistic material of his work. The Author's phraseological units are contextually conditioned and contextually updated. The phraseological phrases m k e Rubin ' s te ts ne f the m st p werfu me n s f cre t ing im g e f Time.
Keywords: the usual phraseological phrases, the author's phraseological units, the linguistic material.

В данной статье нас будут интересовать словарные идиомы, которые в идиодискурсе Д. И. Рубиной подвергнутся графико-семантической и грамматико-семантической трансформации / модификации. Прежде всего рассмотрим пример графико-семантической трансформации общеязыковых фразеологизмов в идиодискурсе Д. И. Рубиной (единичный языковой контекст):

***** *Хорошо, что с начала истории тот догадался включить по бокам два небольших бра,* ***чёрт бы по-бра-л*** *этот стиль: полутёмный интим* [4, с. 399].

Своеобразное оформление узуального фразеологического оборота (*чёрт бы по-бра-л*) выступает графическим маркёром осуждающего отношения Кордовина к интерьеру в кафе. Фразеологизм-окказионализм ***чёрт бы по-бра-л*** является образно-экспрессивной единицей с прозрачной внутренней формой.

Словообразовательная модификация словарных единиц в тексте романа «Белая голубка Кордовы» также представляет для нас интерес. Приведем следующий пример словообразовательной модификации общеязыковой фразеологической единицы в идиодискурсе писателя:

***** *… до осмысленного построения картины у них* ***ручонки не доходят*** [4, с. 315].

В приведённом художественном фрагменте нас интересует пример словообразовательной модификации узуальной фразеологической единицы *не доходят руки*. Суффикс субъективной оценки -онк- маркирует презрительно-ироничное отношение Кордовина, мастера фальсификаций, к менее профессиональным «коллегам», которые «имитируют, как правило, только видимую часть, фактуру завершающих мазков» [4, с. 315].

Кроме рассмотренного выше примера словообразовательной модификации узуальной фразеологической единицы укажем на

иные случаи грамматической трансформации общеязыковых фразеологических оборотов в идиодискурсе Д. И. Рубиной:

** Только в деканате вдруг спохватились и профессора* ***погнали поганой метлой*** [4, с. 390].

Перед нами художественный фрагмент с примером грамматической модификации словарного устойчивого оборота (узуальные фразеологические единицы: *гнать / выгнать поганой метлой*); префикс *по-* (*погнали*) усиливает эмоционально-экспрессивный аспект плана содержания высказывания Кордовина о профессоре, который учил ленинградских студентов «практическим вещам».

** Сёма* ***посматривает во все глаза*** [4, с. 437].

Обратим внимание на узуальную фразеологическую единицу, находящуюся в основе индивидуально-авторского оборота, *смотреть во все глаза* (фразеологическое значение: «быть очень внимательным, бдительным, ничего не упускать из вида»). Префикс *по-* (*посматривать*) в авторском контексте переосмысливает содержание словарной устойчивой единицы: значение фразеологизма-окказионализма *посматривать во все глаза* можно определить следующим образом: «притворяться равнодушным, но ничего не упускать из вида» (разг., экспрес.). Перед нами окказионализм-алогизм.

Безусловно, одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя. Поэтому отметим, что в художественном дискурсе Д. И. Рубиной встречаются и *собственно авторские идиомы* (словосочетания / выражения, часто используемые только данным автором и обладающие теми или иными свойствами идиоматичности значения).

Несомненно, этот класс фразеологических единиц является в определённом смысле искусственным: истинный фразеологизм должен быть по определению единицей лексикона. Однако, несколько расширяя определение фразеологического оборота, можно выделить класс собственно авторских идиом (индивидуально-авторских фразеологических единиц), имея в виду потенциальную способность языка создавать в речи носителей новые фразеологизмы.

Приведём примеры собственно авторским идиом из романа Д. И. Рубиной «Белая голубка Кордовы»:

– ***Испанская метла*** как намек на колдовскую природу женщины-преподавателя испанского языка (разг., шутл.):

****** *– … Тогда привезу тебе* ***испанскую метлу****. – Что ещё за* ***испанскую****? – буркнула она. И попалась. – А на какой ещё ваша сестра там* ***летает****? – воскликнул он, ликуя…* [4, с. 303].

– ***Цветущий Альцгеймер*** в значении «явно выраженное слабоумие, предельная степень слабоумия» (разг., экспрес.):

****** *У бедняжки* ***цветущий Альцгеймер****. А старые вдовы – они чем особенно ценны? ... Слабым зрением и* ***цветущим Альцгеймером****: ни черта не помнят, кроме событий сегодняшнего утра* [4, с. 314].

– ***Чистый младенец*** – в значении «образец, идеал ухоженности»:

****** *Но Сёма –* ***чистый младенец****, подмытый и накормленный, вот, сам посмотри…* [4, с. 584],

****** *У меня мой Сёма ухожен, как* ***чистый младенец***! [4, с. 584],

****** *Он у меня лежит* ***чистый***, как ***младенец****!* [4, с. 585].

В связи с последними примерами (*ухожен, как чистый младенец*; *лежит чистый*, как *младенец*) отметим, что в синтаксической теории вопрос о типе предложения со сравнительным оборотом является спорным: сравнительный оборот не содержит в своем составе грамматического предиката, но в нем можно видеть скрытую предикативность (семантически он соответствует целой ситуации). М. А. Аверина считает, что такое свойство сравнительного оборота «позволяет его трактовать двояко: или как придаточное предложение особой структуры, или как член простого предложения, осложняющий его семантически и синтаксически» [1, с. 263].

Фразеологизмы – это единицы, помогающие моделированию и реконструкции фрагментов концептуальной картины мира художника слова. Собственно авторские идиомы – это своего рода микротексты, репрезентирующие особенности идиостиля (индивидуального стиля) писателя.

Яркой чертой идиостиля Д. И. Рубиной является, по нашим наблюдениям, соединение в *одном* контексте фразеологических единиц *различной* стилистической окраски:

** Она швырнула трубку, но это было уже не ссорой, а так,* ***грозой в начале мая****, и уезжать можно было* ***с лёгким сердцем****, тем более что за день до размолвки он съездил на рынок и* ***забил*** *тёткин холодильник* ***до отказа*** [4, с. 303].

Комментарий: ***гроза в начале мая*** (интертекстуальная единица, переосмысленная в художественном контексте; контекстуальное значение оборота – «нечто незначительное», (ирон.), ***с лёгким сердцем*** – «без всякой тревоги, без опасений», (разг.), /забить/ ***до отказа*** – в значении «полностью» (разг., экспрес.).

Узуальный фразеологизм *с лёгким сердцем*, по нашему мнению, является ключевым в рассматриваемом художественном контексте, и поэтому требует специального, лингвокультурологического комментария. Данная словарная фразеологическая единица в системе современного русского литературного языка употребляется в значении «в приподнятом настроении, спокойно, без опасений» [2, с. 600]. (Фразеологический оборот функционирует в синтаксических единицах в роли обстоятельства; порядок слов-компонентов в обороте фиксированный.)

В качестве альтернативных вариантов компонентов интересующего нас оборота *Большой фразеологический словарь русского языка* (2010) фиксирует фразеологическую единицу *с лёгкой душой.* Компонент «лёгкий» восходит «архетипической, то есть наиболее древней, форме осознания мира, противопоставляющей «лёгкий» и «тяжёлый», и соотносится с весовым кодом культуры [2, с. 600]. По мнению автора словарной статьи, посвящённой характеристике оборота *с лёгким сердцем* (*с лёгкой душой*), С. В. Кабаковой, «**сердце** «наследует» эмоциональные свойства **души»** [2, с. 600].

Фразеологизм *с лёгким сердцем* (*с лёгкой душой*) основан «на антропно-весовой метафоре, уподобляющей спокойное, ничем не омрачённое эмоциональное состояние человека лёгкости, неотягощённости **души** или **сердца**» [2, с. 600]; фразеологизм в целом «символизирует состояние, не омрачённое волнением и беспокойством за кого-л., за что-л.» [2, с. 600].

** Но вот кому подфартило, кто* ***расцвёл запоздалым цветом****, кто* ***вытащил билет лотерейный****, кому* ***улыбнулась***

судьба*… – да называйте как хотите это позднее счастье, но то, что Нюся, бабка Нюся* ***заслужила*** *его* ***горбом*** *– против этого кто ж попрёт!* [4, с. 478].

Комментарий: лексические обороты из высокой стилистической сферы: *расцвести запоздалым цветом*, *улыбнулась судьба*; *вытащить билет лотерейный*, *заслужить горбом* – единицы из стилистически сниженной сферы.

Объединение в рамках одного контекста языковых единиц различной стилистической маркированности реализует определенные ментальные установки писателя, свидетельствует об игровой комбинаторике в языковой ткани романа; стилистическое «смешение» языковых единиц в романе «Белая голубка Кордовы» репрезентирует важную для Д. И. Рубиной концептуальную метафору «язык – творчество».

Стилистическое «смешение» языковых средств в романе «Белая голубка Кордовы» может быть объяснено тем, что художественной (творческой) манере Д. И. Рубиной свойственна *живописность*. Художник, рисуя картину, использует (смешивает) *различные* краски. Писатель, создавая полотно художественного произведения, объединяет в его рамках *различные* стилистические ресурсы языка.

Эстетическая трансформация фразеологических единиц в системе текста романа «Белая голубка Кордовы» свидетельствует о разнообразных индивидуально-авторских ассоциациях, об определённой «семантической цепочке», рождающейся в процессе творческого мышления и отражающей восприятие действительности писателя.

В узуальных фразеологических оборотах писатель Д. И. Рубина находит источник прежде всего для структурно-семантического, семантико-стилистического и грамматико-стилистического обновления языкового материала своих произведений.

Выводы. Фразеологические единицы, функционирующие в тексте романа Д. И. Рубиной «Белая голубка Кордовы», выражают субъективное видение писателем объективного мира, «первичной» реальности. Индивидуально-авторские обороты стилистически маркируют отношение автора и героев

произведения к описываемой *ситуации.* Окказиональные фразеологические единицы в произведении Д. И. Рубиной «Белая голубка Кордовы» являются контекстуально обусловленными и контекстуально актуализированными.

Литература

1. Аверина, М. А. Фразеологизмы-союзы, оформляющие отношения сравнения // Системное и асистемное в языке и речи : материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.) / под ред. М. Б. Ташлыковой. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. С. 262–268.

2. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 784 с.

3. Дружинина, В. В., Зебелян, К. А., Демидова, К. Х. Авторская фразеология Д. И. Рубиной в романе «Белая голубка Кордовы» // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: I Международная научная конференция (17–20 октября 2017 г.): сборник научных статей. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 90–97.

4. Рубина, Д. Люди воздуха: трилогия в одном томе : романы. Белая голубка Кордовы. М. : Эксмо, 2013. С. 303–589.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ

Евтихова Ирина Митрофановна
Запольская Ирина Васильевна
Российская Федерация, Симферополь, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
pankowskaja@mail.ru

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF THE GERMAN LITERARY LANGUAGE IN SWITZERLAND AND GERMANY

Yevtikhova Irina Mitrofanovna
Zapolskaya Irina Vasilievna
Russian Federation, Simferopol, Crimean University of Engineering and Pedagogy

В статье рассматриваются лексические и семантические особенности немецкого литературного языка в современной Швейцарии и Германии. Анализ лингвистического материала раскрыл специфические случаи лексико-семантических черт в немецком языке Германии и его варианте в Швейцарии.

***Ключевые слова*:** семантика, лексема, диалект, гельвецизм, группа.

The article deals with the lexical and semantic features of the German literary language in modern Switzerland and Germany. Analysis of linguistic material revealed specific cases of discrepancies in the lexico-semantic features in the German language of Germany and its version in Switzerland.

Keywords: semantics, lexeme, dialect, helvetism, group..

В результате изучения и анализа лексико-семантических особенностей немецкого литературного языка в Швейцарии и Германии были выявлены несколько групп лексем, обнаруживающих инновационные процессы в области семантики.

К первой группе можно отнести специфический пласт лексики, имеющий типично швейцарские характеристики и встречающийся только на территории Швейцарии. Лексемы этой группы называются гельвецизмами. В своем большинстве эта лексика этимологически восходит к диалектным лексемам и

обозначает реалии жизни в Швейцарии. Указанные лексемы характерны только для швейцарского территориального варианта немецкого языка и практически не имеют хождения в немецком литературном языке Германии. С другой стороны, вся территория Швейцарии в диалектном отношении не представляет собой большого разнообразия, так как алеманнский диалект повсеместно распространен, и поэтому вся диалектная лексика, имеющая ярко выраженную швейцарскую окраску, понятна и широко употребляема на всей территории страны. Данный факт является основанием для того, чтобы включать эти лексические единицы в литературный язык швейцарского варианта немецкого языка [2, с. 15].

Многие названия, обозначающие предметы повседневной жизни, одежду, продукты или блюда национальной кухни, восходят к диалектной лексике, но на современном уровне развития языка могут быть рассмотрены как пласт литературного немецкого языка в Швейцарии. Обратимся к примерам:

1. Нем. Герм. die Bratkartoffeln «жареный картофель» – швейц. die Rosti: Stiller freute sich auf Rost (Штиллер радовался жареному картофелю) [4, с. 234].
2. Нем. Герм. Fischerkahn «рыбацкая лодка» – швейц. der Weidling:

Die beiden Polizisten in ihrem grünen Weidling mit dem stä tischen Wappen (Оба полицейских находились в зеленой рыбацкой лодке, на которой был городской герб) [4, с. 109].

Следующую группу представляют лексемы, относящиеся к официально-деловой лексике.

Нем. Герм. der Schweizerburger «гражданин Швейцарии» – швейц. der Ei g en sse. В данном случае мы имеем дело с гельвецизмами. Одним из самых известных гельвенизмов является лексема der Eidgenosse, обозначающая граждан Швейцарии, так как по-немецки Швейцарию часто называют Schweizerische Eidgenossenschaft «Швейцарская конфедерация». Лексема характерна только для немецкого языка Швейцарии. Словарь Википедии предлагает следующее объяснение: Eidgenosse steht für Schweizer (Гражданин значит швейцарец). Две лексемы удачно сведены в предложении из Словаря онлайн энциклопедии Википедия. Эти лексемы синонимичны, но их

можно противопоставить друг другу. Все словарные статьи, дающие перевод лексемы, будут иметь пометку: швейц. Ich bin stolzer EIDGENOSSE! (Я гордый гражданин Швейцарии!). Заглавие темы обсуждения в одной из самых популярных социальных сетей всего мира Facebook говорит само за себя. Швейцарцы гордятся своей причастностью к родной стране и её истории, поэтому они используют гельвецизмы, чтобы подчеркнуть свою самобытность и уникальность своего языка [2, с.12].

Нем. Герм. der Schwei er bürger «гражданин швейцарии» – швейц. der Stimmburger «гражданин Швейцарии, который имеет право голосовать на выборах»:

Die Haltung der Stimmbürger wird sich zunachst in der Stadt Zürich zeigen (Сначала количество граждан, имеющих право голосовать, будет посчитано в городе Цюрихе) [3, с. 340].

Отдельную группу лексем составляют заимствования. На формирование данного пласта лексики швейцарского варианта немецкого языка повлияли несколько видов факторов. К последним относятся экстралингвистические внешние условия формирования швейцарского народа и внутренние причины – влияние различных этнических групп. Заимствования из французского языка составляют наибольшее число лексем из других языков [2, с. 20].

Нем. Герм. feines Backwerk – швейц. die Patisserie:

… dieses blühende Geschöpf, das in der Schule durchgefallen ist und seine Hilfe braucht und dazu Patisserie iβt (Это цветущее существо, которое провалилось в школе и нуждается в его помощи, и для этого ест пирожные) [4,с. 277].

Определенный артикль, употребляемый с описываемым заимствованием die Patisserie, говорит о том, что имя существительное уже включено в морфологическую систему языка, но сохраняемая орфография и произношение указывают на его неполную адаптацию.

Многие лексемы в швейцарском варианте немецкого языка обнаруживают изменение своей семантики по сравнению с немецким литературным языком Германии [1, с. 127]. Их следует выделить в отдельную группу.

Нем. Герм. ie T chter «дочь» – швейц. «девочка»:

Er heir tete eine T ch ter u s bek n ntem H u s (Он сочетался браком с девушкой из известного дома) [4, s.123].

«Kaufmann in sehr guter Position, Witwer … sucht charmante, kinder-, heim-, und sportliebende Tochter… zwecks ernsthafter Ehe kennenzulernen» (Торговый агент, занимающий хорошую должность, вдовец … стремится познакомиться с очаровательной девушкой, любящей детей, домашней и спортивной с целью серьезных отношений и заключения брака) [4, c. 367]

«N ch h tte Richis seine T ch ter nicht unter ie retten e H u be gebracht. Noch hatte er sie nicht in das sichere Kloster von Saint-H n r t übergeset t» (Риши ещё не спрятал девочку, ещё не доставил ее под спасительный надёжный кров монастыря Сент-Оноре). «Bev r er sich in s H u s es russischen B tsch f ters in Te Aviv begab, suchte er eine russische Familie auf, um der dreieinh b jährigen T ch ter, ie u einer Krebsbeh n ung n ch Isr e gekommen ist, die hl. K mmuni n u reichen» (Прежде чем отправиться в дом российского посла в Тель-Авиве, владыка посетил русскую семью, чтобы причастить трехлетнюю девочку, больную раком, которая находится в Израиле для лечения).

Строки из знаменитого романа «Парфюмер» со страницы швейцарского информационного сайта демонстрируют расширение семантики в лексеме ie T ch ter, которая в немецком литературном языке Германии имеет значение «дочь», указывая на семейные отношения и кровное родство. В швейцарском варианте немецкого языка приобретается другая сема значения «девочка». Именно в таком значении данная лексема употребляется в романе Патрика Зюскинда и на странице интернет-сайта.

Дальнейшее расширение семантики можно проследить в сложной лексеме ie en t chter, которая в Швейцарии означает «продавшица».

Нем. Герм. die Verkäuferin «продавшица» – швейц. die Ladentochter:

Von der Ladentochter zur Detailhandelsfachfrau: Geschichte der Frauenbi ung un ie gesch echtsspe if ische Berufsw h (От

продавщицы к эксперту розничной торговли: История женского образования и специфический выбор профессии).

Заглавие раздела в книге по психологии швейцарского учёного содержит аналог лексемы со значением «продавшица», который принят на территории Швейцарии.

Нем. Герм. ie Sc hü erin «ученица» – швейц. die Lehrtochter:

Ein zweites Brot, das mir wieder die Lehrtochter verkaufte, verfütterte ich nn Schwänen m See (Я скармливал подсохший хлеб, который мне продавала ученица, лебедям на озере) [4, c. 103]. In der Schweiz sind die geschlechtsspezifischen Begriffe Lehrling und Lehrtochter bei der Revision des Berufsbildungsgesetzes (BBG) durch Lernende ersetzt worden (В Швейцарии специфически разделяемые по признаку пола понятия «ученик» и «ученица» при ревизии закона профессионального обучения (BBG) были заменены на понятие «учащийся»).

«Anf n gs Juni ist im Tessin eine 17-jährige ehrt chter u s em K n t n Schwy t t u fgefun en w r en ». (В начале июня 17-летняя ученица из кантона Швюц была найдена в Тессине мертвой).

Два случая употребления лексемы ie ehrt chter на новостном портале Швейцарии указывают на наличие собственного аналога лексемы «ученица» в швейцарском варианте немецкого языка. Аналог указанной лексемы в литературном немецком языке Германии является синонимом, противопоставляющим литературный немецкий язык и его территориальный вариант.

Нем. Герм. ie Sc hu e «школа» – швейц. die Tochterschule:

Damals ging ich noch in die Tochterschule (В то время я ходила в школу для девочек) (M. Frisch. Stiller, S. 265);

A s Höhere T ch terschu e, Höhere ä ch enschu e un regi n auch Lyzeum nach dem griechischen Lykeion bezeichnete man eine ä ch enschu e s r äufer er späteren ä ch engymn sien (Как название школ для девочек, так и название регионального лицея произошло от греческого слова «лицей», при этом школы такого рода были предшественниками более поздних женских гимназий).

m Apri 1904 n eröfnete ie Höhere T ch terschu e er St t Zürich erstm s eine K ss e für tur n innen (В апреле 1904 года

школа для девочек города Цюриха впервые набрала первый класс) [4, с. 68].

Анализ лингвистического материала показывает, что лексема ie T c hterschu e имеет историческое значение. Она обозначает один из первых государственных типов школ для девочек в Швейцарии. В лингвистическом аспекте интересной является корреляция семантики двух лексем, номинирующих понятие «школа». В литературном немецком языке Германии данное понятие гораздо шире, так как оно включает в себя как школы для мальчиков, так и школы для девочек, а также и смешанные школы. В варианте немецкого языка на территории Швейцарии семантическое поле лексемы сужается до обозначения только школы для девочек, о чем дополнительно указывает первый компонент лексемы.

Подводя итоги лексико-семантического анализа специфических черт лексики швейцарского варианта немецкого языка на фоне его аналогов в немецком литературном языке Германии, следует сказать, что с указанной точки зрения в лингвистическом материале выделяются четыре группы лексем, каждая из которых характеризуется отдельными особенностями, выделяемыми по сравнению с литературным немецким языком Германии.

В первую группу лексем был включён специфический пласт лексики, имеющей типично швейцарские характеристики и встречающийся только на территории Швейцарии. Во вторую группу были собраны лексемы, семантика которых при вхождении их в литературный вариант языка изменялась – расширялась или сужалась. Отдельную группу представляет пласт официально-деловой лексики, обнаруживающей расхождение в семантике при сравнении с немецким литературным языком Германии. Последняя группа лексем принадлежит нейтральному стилю, является общей лексикой, но в месте с тем указывает на несоответствие семантических полей в немецком литературном языке Германии и его территориальном варианте в Швейцарии.

Последовательный анализ обширного лингвистического материала раскрыл специфические случаи расхождения лексико-

семантических черт в немецком языке Германии и его варианте в Швейцарии.

Литература

1. Багана, Ж. Национально-культурная специфика как основная составляющая языковой нормы и языковой вариативности / Ж. Багана, В. Бондаренко, О. О. Чернова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 126–130.

2. Чернова, О. О. Динамика языковой системы современного литературного немецкого языка под влиянием внешних факторов: на материале немецкого языка Германии, Швейцарии и Австрии: автореф. дисс на соискание ученой степени докт. филол. наук: специальность: 10.02.04 / О. О. Чернова. Белгород, 2015. 23 с.

3. Amm n, U. Die eutsche Spr c he in Deutsch n , Österreich un der Schweiz: das Problem der nation en ri etäten / U. Amm n. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. 575 S.

4. Frisch, M. Mein Name sei Gantenbein: Roman / M. Frisch. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1964. 495 S.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ АББРЕВИАТУР В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Емельянова Ксения Юрьевна

Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ksyu_emelyanova@mail.ua

OCCASIONAL EQUIVALENTS OF ABBREVIATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Yemelyanova Ksenia Yuriyevna

Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk National University

В работе даётся описание окказиональных эквивалентов сложносокращённых слов. Выявлены особенности появления окказиональных текстовых соответствий у аббревиатур и квазиаббревиатур. Перечислены возможности образования эквивалентных словосочетаний, обоснованы причины их потенциального перехода в статус регулярных эквивалентов.

***Ключевые слова*:** сложносокращённое слово, синхронный подход, окказиональные словосочетания, текстовые эквиваленты.

In the given work the description of occasional equivalents of acronyms is given. The appearing peculiarities of occasional textual accordance of

abbreviations and quasiabbreviations are found. The possibilities of formation of these compound words are enlisted and the reasons of their potential transition to the stature of regular equivalents are proved.

Keywords: compound word, synchronous approach, occasional phrases, textual equivalents.

Целью работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – «ЭЛИТА») при кафедре русского языка Донецкого национального университета является составление Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь). Одной из особенностей данного словаря является указание всех обнаруженных в текстах частотных эквивалентов сложносокращённых слов. Появление новых методик поиска эквивалентов влечёт за собой нахождение новых словосочетаний. Так, например, в одной из недавних своих работ В. И. Теркулов описал методику прогнозировании токенных, леммных и номинатемных дешифровальных стимулов [3], которая позволяет находить достаточное большое количество новых текстовых эквивалентов, не обнаруженных при первичном поиске.

Однако в ряде случаев при нахождении регулярных текстовых эквивалентов сложносокращённого слова можно обнаружить словосочетания, которые встречаются малое количество раз. Такие словосочетания (нерегулярные эквиваленты) в работах «ЭЛИТА» называются окказиональными эквивалентами.

В. В. Борисов в своей монографии «Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках» отмечал, что графические сокращения разделяются «на окказиональные, или текстовые, и стандартные, общепринятые» [1, с.112]. Данное утверждение можно отнести не только к сложносокращённым словам, но и к развёрнутым на их базе словосочетаниям. Иначе говоря, наряду с окказиональными и стандартными аббревиатурами следует говорить об окказиональных и стандартных текстовых эквивалентах. «Дело в том, что буквально каждый пишущий может воспользоваться в личных записях создаваемыми им самим графическими сокращениями, своей собственной системой сокращённой записи слов и предложений. Разумеется, такие сокращения не могут

иметь общественной значимости…» [1]. В связи с этим следует сказать, что каждый пишущий и говорящий может не только создавать собственные сложносокращённые слова, но и собственные словосочетания (то есть расшифровки аббревиатуры) от «общепринятых» сокращений. Такие окказиональные словосочетания свойственны для каждого типа сложносокращённых слов: они могут быть производными как от абброэквивалентных аббревиатур, так и от абброморфемных и абброаффиксоидных квазиаббревиатур.

В теории «ЭЛИТА» к окказиональным единицам относятся словосочетания, баланс индексов (частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания [2, с. 7]) которых превышает отметку 500. Такие словосочетания не являются регулярными текстовыми эквивалентами сложносокращённого слова. Они существуют лишь в пределах малочисленных, обычно просторечных, текстов. Приведём примеры окказиональных словосочетаний для каждой разновидности сложносокращённого слова.

Гнездо эквивалентности («совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [2, с. 5]) абброэквивалентной аббревиатуры (сложносокращённое слово, возникшее в результате сокращения словосочетания) *авиавооружение* («совокупность размещаемых на летательном аппарате средств поражения противника» [4, с. 40]) составляют такие словосочетания: *авиационное вооружение* (243227 употреблений; баланс индексов (далее – БИ) – 0,08), *вооружение авиации* (38650; БИ – 0,48), *вооружение для авиации* (22894; БИ – 0,82), *вооружение авиатехники* (641; БИ – 29,18). Перечисленные словосочетания являются регулярными текстовыми эквивалентами сложносокращённого слова *авиавооружение*. Но наряду с ними был обнаружен эквивалент *авиакосмическое вооружение* (22 употребления; БИ – 850,05), который является окказиональным соответствием для аббревиатуры. Рассмотрим гнездо эквивалентности сложносокращённого слова *авиавыставка* («систематическое, заранее запланированное мероприятие, демонстрация достижений авиапромышленности;

место, в котором проводится это мероприятие» [4, с. 40]). Гнездо эквивалентности образуют такие регулярные словосочетания: *авиационная выставка* (48779; БИ – 0,82), *выставка авиации* (4780; БИ – 8,32), *выставка авиатехники* (10186; БИ – 3,9), *выставка авиационной техники* (14333; БИ – 2,77), *авиакосмическая выставка* (28922; БИ – 1,38), *выставка авиационного оборудования* (689; БИ – 57,7), *выставка авиационных моделей* (466; БИ – 85,32). Окказиональным эквивалентом для данной аббревиатуры является *авиатехническая выставка* (28; БИ – 1419,93).

В гнездо эквивалентности абброморфемной квазиаббревиатуры (сложносокращённое слово, возникшее в результате присоединения абброконструкта к слову) *авиадоставка* («транспортировка авиатранспортом грузов в определённые договором места» [4, с. 42]) входят такие словосочетания, как *авиационная доставка* (6040; БИ – 92,71) и *доставка авиацией* (1455; БИ – 384,86). Но нами были обнаружены и два окказиональных словосочетания: *авиационная система доставки* (173; БИ – 3236,86) и *доставка авиатехники* (420; БИ – 1333,28). Гнездо эквивалентности сложносокращённого слова *авиапромышленность* («отрасль промышленности, в которой осуществляются разработка, производство, испытания, ремонт и утилизация авиатехники» [4, с. 53]) составляют такие эквиваленты: *авиационная промышленность* (664500; БИ – 1,62), *авиакосмическая промышленность* (242500; БИ – 4,43). Окказиональными эквивалентами выступают *авиатехническая промышленность* (162; БИ – 6623,04), *авиаремонтная промышленность* (389; БИ – 2758,18). Необходимо отметить, что появление эквивалентов у абброморфемных квазиаббревиатур является результатом действия процесса псевдоунивербализации (развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением).

Особенностью окказиональных словосочетаний является то, что они могут переходить в разряд регулярных текстовых эквивалентов сложносокращённого слова. В случае с абброэквивалентными аббревиатурами и абброморфемными квазиаббревиатурами появление ещё одного эквивалента никак

не повлияет ни на их деривационный статус, ни на эквивалентностные отношения. Но совсем иная ситуация с абброаффиксоидными квазиаббревиатурами (сложносокращённые слова, возникшие в результате присоединения абброконструкта к базису, но практически не способные разворачиваться в слова и не имеющие текстовых эквивалентов).

Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры не имеют ни первичных, ни вторичных эквивалентных словосочетаний. На первый взгляд может показаться, что нельзя говорить о каких-либо эквивалентностных отношениях в этом случае. Но анализ абброаффиксоидных квазиаббревиатур показал, что эти сложносокращённые слова можно рассматривать на синхронном срезе языка.

Для абброаффиксоидных квазиаббревиатур возможны три ситуации эквивалентности:

1. отсутствие эквивалентов;
2. окказиональные словосочетания;
3. псевдоэквивалентность.

В данной работе нас интересует только второй случай, поэтому две остальные особенности здесь не будут освещены.

Появление окказиональных эквивалентов у абброаффиксоидных квазиаббревиатур объясняется действием корреляционного стереотипа: «каждому сложносокращённому слову соответствует эквивалентное словосочетание», то есть происходит заполнение «деривационной лакуны». Но заполнение «деривационной лакуны» – лишь попытка создать единицы, отсутствующие в лексической базе языка. Например, для сложносокращённого слова *астробиология* было найдено только два «эквивалента» – *астрономическая биология* (61 употребление; БИ – 1014,69) и *астрологическая биология* (4 употребления; БИ – 15474). Данные словосочетания являются окказиональными, а само сложносокращённое слово приобретает статус абброаффиксоидной единицы. Но не следует забывать, что любой язык постоянно развивается и претерпевает определённые изменения, поэтому нельзя, конечно, исключать возможности перехода таких словосочетаний из разряда «авторских» в разряд

«общеупотребительных», так как на данный момент никто не может точно сказать, войдет ли это словосочетание в активную лексику языка, например через 10 лет. Если количество употреблений какого-нибудь потенциального эквивалента сложносокращённого слова увеличится и перейдет обозначенный «рубеж», то можно будет говорить о переходе абброаффиксоидной квазиаббревиатуры в разряд абброморфемных квазиаббревиатур.

Все окказиональные словосочетания могут образовываться двумя способами:

1. Появляются в результате расшифровки дешифровального стимула (стереотип расшифровки абброконструкта [2, с. 6]) по стереотипной модели: определённую регулярную расшифровку абброконструкта имеют многие слова из аббревиатурной группы. Например, так образовалось окказиональное словосочетание *авиакосмическое вооружение* (см. выше). Дешифровальный стимул *авиакосмическое* встречается довольно часто в словосочетаниях при расшифровке абброконструкта *авиа-* (ср.: *авиакомплекс – авиакосмический комплекс*, *авиаинженер – авиакосмический инженер*, *авиаиндустрия – авиакосмическая индустрия*, *авиасалон – авиакосмический салон*, *авиамузей – авиакосмический музей* и т. д.). Таким же образом появился эквивалент *доставка авиатехники* (ср.: *авиаоборудование – оборудование авиатехники*, *авиаобслуживание – обслуживание авиатехники*, *авиапарад – парад авиатехники*, *авиапереброска – переброска авиатехники*, *авиапроизводство – производство авиатехники*).

2. Могут быть образованы по новой модели расшифровки абброконструкта, то есть окказиональной. Например, так появились словосочетания *обследование аллергологического больного* (18 употреблений; БИ – 852,44), *инженерия биологических систем* (415; БИ – 1369,74). Данная расшифровка встречается только у этих единиц.

Таким образом, наряду с регулярными текстовыми эквивалентами у сложносокращённого слова могут продуцироваться и окказиональные эквиваленты. Появление этих эквивалентов свидетельствует о существовании большого количества стереотипных расшифровок абброконструкта. Но

иногда можно найти единичные расшифровки, не встречающиеся у других сложносокращённых слов. Одной из особенностей окказиональных словосочетаний является то, что они появляются как у абброэквивалентных аббревиатур, так и у абброморфемных и абброаффиксоидных квазиаббревиатур. Важно учитывать, что такие словосочетания могут через определённое время перейти в разряд «общеупотребительных» эквивалентов. В этом случае у абброэквивалентной аббревиатуры и абброморфемной квазиаббревиатуры появится новый эквивалент, а абброаффиксоидная квазиаббревиатура трансформируется в абброморфемную квазиаббревиатуру.

Литература

1. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. М. : Воениздат, 1972. 320 с.

2. Теркулов, В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. С. 13–25.

3. Теркулов, В. И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов / В. И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции «Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи». Донецк, 2018. С. 69–79.

4. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Донецк, 2018. Т. 1. А–В. 277 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «СТРАХ» НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДОВ

Епифанцев Дмитрий Геннадьевич
ЛНР, Луганск, ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В. Даля»
777ariafandima@mail.ru

LEXICAL AND SEMANTIC INTERPRETATION OF THE TERM «FEAR» ON THE BASIC OF LEXICOGRAPHIC WORKS

Epiphantzev D. G.
LPR, Lugansk,
GOU VPO LPR «V. Dahl Lugansk national university»

В данной работе на основе лексикографических материалов выделены основные направления в трактовке анализируемого термина. Очерчены проблемы представления лексико-семантического поля концепта «страх» в период с 2014 по 2018 гг на Донбассе.

Ключевые слова: концепт «страх», эмоция, синонимы, антонимы, омонимы, гиперонимы.

In this article on the basis of lexicographic materials the main directions are highlighted in the essence of term understanding and its interpretation. The main problems of the lexical and semantic interpret ti n f the term “fe r” uring the period from 2014 to 2018 in Donbass region are stressed.

Keywords: the c ncept f «fe r», em ti ns, syn nyms, n t nyms, homonyms, hyperonimuses.

В современной лингвистике все чаще обращаются к понятию «концепт». Этот термин синтезирует лингвистическую и энциклопедическую информацию о понятиях, представлениях, эмоциях. В лингвистическом понимании концепты включают в себя лексемы и семантические образования, которые являются ключевыми для понимания национального менталитета. Именно концепт являет собой набор оценочно окрашенных представлений о национальном мироощущении и самосознании. Поэтому для глубокого понимания эмоциональной картины любого этноса, его представлений о действительности необходимо бережно и тщательно анализировать концепты данной языковой группы.

Концепты русского языка в разное время анализировали учёные: И. А. Вотякова, С. В. Зайкина, Л. В. Воронин, А. И. Ардзенадзе и др. Базисными эмоциями в русском языке являются «радость», «счастье», «гнев», «страх» и др. В нашей статье попытаемся проанализировать лексико-семантическое поле концепта «страх» и лексикографические средства его выражения.

Известный учёный-этнограф В. И. Даль под «страхом» понимал страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состоянье души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия [6]. Это определение является наиболее общеизвестным.

Лексико-семантическое поле страха зафиксировано в словарях таких учёных, как Н. А. Абрамов, З. Е. Александрова, А. П. Евгеньева, Н. П. Колесников, Н. Ю. Шведова, М.Р. Львов, Л. А. Введенская, В. В. Колесов, Л. Г. Бабенко, Ю. Д. Апресян.

Семантическое поле концепта «страх» является сложной лексико-семантической категорией.

По выражению почетного профессора СПбУ В. В. Колесова, в русском языке слово страх стало собирательно общим символом, включившим в себя разные ощущения – боязни, ужаса, испуга, опасения, тревоги и т. д. [7]. Однако страх, прежде всего, эмоция и чувство, и на это указывал Академик РАН Ю. Д. Апресян [2].

Одну из первых попыток обобщения синонимов к слову «страх» фиксируем в «Словаре русских синонимов» Н. А. Абрамова от 1915 года. В словаре лексико-семантическое поле замечают в таких глагольных сочетаниях: *быть в страхе, застыть от страха, набраться страху, наводить страх, нагонять страх, обмереть от страху, онеметь от страха, привести в страх, принять на риск и страх, принять на свой страх* [1]. Отмечаем, что учёный анализирует сходные по смыслу выражения, которые имеют как литературное, так и просторечное происхождение. В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой находим следующие синонимы концепта «страх»: ужас, боязнь, трепет, жуть, страсть (разг.), ужасть; опасение, опаска; испуг; эмоция, перепуг (разг.), фобос, фобия, тревога, мизофобия, ксенофобия, менжа, некрофобия, неофобия.

[3]. Доктор филологических наук А. П. Евгеньева в «Словаре синонимов» определяла такие синонимы к слову «страх»: ужас, боязнь, трепет, жуть, страсть, ужасть [5]. В этих двух словарях можно проследить абсолютное сходство синонимического ряда, в котором ученые ставят слово «ужас» на первое место, выделяя его близкую синонимию со словом «страх». Синонимический ряд исследуемой ядерной лексемы концепта имеет следующую градацию: слова «боязнь» и «трепет» подчеркивают определенные оттенки эмоции «страх», слово «жуть» является эмфатическим синонимом к слову «страх», слово «страсть» – частичным синонимом к слову «страх», а слово «ужасть» – синонимом, который употребляется в разговорной речи. В своей работе А. П. Евгеньева значительно сузила круг синонимов по сравнению со словарем З. Е. Александровой.

В «Словаре русских синонимов» доктора филологических наук Л. Г. Бабенко от 2011 года учёный фиксировал следующие синонимы к понятию «страх»: боязнь, испуг, опасение, паника, трепет, ужас, жуть (разг.), опаска (разг.), перепуг (разг.). [4]. Можно наблюдать небольшой семантический сдвиг путем добавления в синонимический ряд слова «паника».

Подчеркиваем, что синонимический ряд лексико-семантического поля концепта «страх» оставался довольно стабильным.

Интересные, но предсказуемые результаты показало исследование лексико-семантического поля концепта «страх» в период с 2014 по 2018 гг. на Донбассе. В ходе работы над статьей было проведено анкетирование жителей исследуемого региона. Одним из вопросов анкеты был вопрос об ассоциациях со словом «страх». Практическая ценность этого анкетирования заключается в том, что оно позволило выявить новые синонимы лексемы «страх», а именно: *взрыв, обстрел, авиаудар, ранение, мина, бомбоубежище, война, стрельба, «Град», жертва, разруха, катастрофа.* Выделяем, что эти синонимы вошли в жизнь респондентов различных возрастных категорий, различных профессий, мужчин и женщин. Трагические события (гибель главы ДНР А. В. Захарченко) 2018 года пополнили синонимический ряд у жителей Донбасса еще одним словом – «теракт».

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что семантическое поле концепта «страх» претерпело значительные изменения в нашем регионе за период военных действий. Это исследование позволяет дать более четкое представление об эмоциональной картине жизни Донбасса, которая ярко характеризуется изменением синонимического ряда слова «страх».

Теперь мы обратимся к словарям семантики и омонимов слова «страх».

Профессор Ростовского госуниверситета Н. П. Колесников в «Словаре омонимов русского языка» от 1976 года предоставил следующий омонимический ряд слова «страх». «Страх – 1) состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь; 2) то, что вызывает сильную боязнь, тревогу. Страх – 1. очень, крайне, чрезвычайно. 2. Выражает ужас, удивление, восхищение, и т.п. в отношении кого-то, чего-либо многочисленного или очень большого (сильного) (просторечье)» [8].

Анкетирование, проведенное в Донбассе с 2014 по 2018 гг, пополнило омонимический ряд слова «страх» такими толкованиями: *когда что угрожает жизни и здоровью человека; эмоциональное состояние человека, вызванное некой угрозой; глубокое переживание; боязнь за свою жизнь и жизнь близких; притупление рассудка; отрицательная эмоция.*

Описанием семантики слова «страх» занималась академик РАН Н. Ю. Шведова в «Русском семантическом словаре» 1998 года. Автор отмечает, что страх – «ощущение незащищённости, близкой опасности. Непреодолимый страх. Страх смерти. Дрожать от страха / со страху. Бледнеть, замереть от страха. Навести с. на кого-н. Набраться страху (испытать чувство страха; разг.). Бежать в страхе. С. обуял кого-н. Сердце зашлось от страха. Отпрянуть в страхе. Нагнать страху (напугать; разг.). Держать кого-н. в страхе (в полном повиновении и постоянной боязни). Не ведает страха кто-н. (о том, кто очень смел). Перебороть с. Под страхом чего-н. (под угрозой). На с. врагам (чтобы боялись враги). У страха глаза велики (посл. о том, кто, раз испугавшись, всего боится, преувеличивает опасность).

С. смотреть на кого-н. (о том, кто очень страшен, неприятен или плох; разг.). Животный с. (чувство инстинктивного страха)» [10].

В более поздней работе находим следующие выражения: *Рассказать о всяких страхах. Насмотреться, наслушаться страхов. Застращали всякими страхами* [9].

Таким образом, наблюдаем семантический сдвиг слова «страх» в период социальных потрясений. Можно сделать вывод, что семантическое поле концепта «страх» в лексикографических текстах, выражая одну из главных человеческих эмоций, долгое время остается довольно стабильным. Слова «боязнь» и «ужас» являются наиболее частотными к слову «страх».

Лексико-семантическое поле расширилось у жителей Донбасса за период социальных потрясений последних пяти лет. И если В. В. Колесов определял страх как «собирательно общий символ», то по результатам анкетирования можно наблюдать конкретизацию данной эмоции.

Литература

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов (Н. Абрамовъ, Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій) 4-е изд., доп. Петроградъ, 1915. 754 с.

2. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т, 1: Парадигматика / Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2009 568 с.

3.Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. / З. Е. Александрова Под ред. Л. А. Чешко Изд. 2-е, стереотип. М., Сов. Энциклопедия, 1969. 486 с.

4. Бабенко, Л. Г. Словарь синонимов русского языка / Л. Г.Бабенко М.: Астрель, АСТ, 2011. 350 с.

5. Евгеньева, А. П. Словарь синонимов. Справочное пособие / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975. 425 с.

6. Даль, В. И. Толковый словарь жив г о великорусского языка. Том четвертый / В. И. Даль. Тип. М. О. Вольфа. М., 1880–1882. 345 с.

7. Колесов, В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности [Электронный ресурс] / В. В. Колесов. В 2-х тт. СПб.: «Златоуст», 2014 С. 310. Режим доступа http://mab.ostrovdet.ru/avto/slovar-russkoy-mentalnosti-v-v-kolesov-d-v-kolesova-a-a-haritonov

8. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. / Н. П. Колесников. Тб., Изд-во Тбилисского ун-та, 1976. 623 с.

9. Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей

ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 2007. / Н. Ю. Швецова Режим доступа: www.twirpx.com/file/1822538/

10. Швецова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений /Н. Ю. Швецова. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998. Режим доступа https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235

О МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРЕ «РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КРЫМА»

Забашта Роман Валентинович

Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

zabrv@yandex.ru

ABOUT MACRO- AND MICROSTRUCTURE OF THE «RUSSIAN LINGUOCULTURAL DICTIONARY OF THE CRIMEA»

Zabashta Roman

Russian Federation, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Статья посвящена описанию концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма», в частности, принципам составления его макро- и микроструктуры. Составление такого типа словаря имеет не только теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофонов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Ключевые слова: русофония, лингвокультурологический словарь, региональная лексика, идеографическое моделирование, семантема.

The article is devoted to the description of the concept of the "Russian linguocultural dictionary of the Crimea", in particular, to the principles of compiling its macro- and microstructure. The compilation of this type of vocabulary has not only of theoretical importance for Russian philology, but also applied sense, namely: the involvement of all russophones into the history, culture and modern realities of the Crimea.

Keywords: russophonia, linguoculturological dictionary, regional lexicon, ideographic modeling, semanteme.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), проект «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» № 17-04-00187 (а).

За последние 10 лет в русистике Крыма активизировалось направление, которое можно назвать особым разделом георусистики – крымским лингвистическим краеведением, его предметом является описание языковой составляющей картины мира крымчан во всем многообразии литературной и внелитературной речи носителей русского языка полуострова. Возрастающий интерес к региональному варьированию русского лексикона, в том числе в условиях иноязычного окружения, свидетельствует об **актуальности** данной проблематики (работы В. И. Беликова, Г. Ю. Богданович, Ю. В. Дорофеева, Е. А. Журавлёвой, И. Н. Кошман, А. Мустайоки, А. Н. Рудякова и др.). Словари, посвящённые Крыму и его языку, немногочисленны, например, в 1989 г. вышла в свет книга «Крым: поэтический атлас» (сост. А. Н. Рудяков, В. П. Казарин), а в 2009 г. был опубликован краткий энциклопедический словарь «Полуостров Крым от А до Я» (сост. Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова) [1; 4]. Однако целостного лингвокультурологического словаря Крыма, отражающего основные факторы регионализации русского языка, создано не было.

Сегодня в Республике Крым сложилась уникальная геолингвистическая ситуация: функционирование русского языка в Крыму в определенный период может дать обширный эмпирический материал как для описания особенностей русского языка за пределами Российской Федерации (1954–2014 гг.), так и его региональных особенностей в новейший исторический период.

Цель предлагаемой статьи – охарактеризовать принципы составления макро- и микроструктуры «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» (далее – РЛСК) и проиллюстрировать действенность предлагаемого подхода примерами.

Общепринятым является тезис, согласно которому одним из важнейших признаков идентичности региона является вариант

языка, свойственная ему лексика, узус произношения, грамматические особенности (в том числе в условиях иноязычного окружения), а также географические названия и слова, обозначающие ключевые понятия региональной культуры или реалии социальной системы.

Теория регионализации русского языка в Крыму в нашем исследовании базируется на идее о русофонии как глобальном русскоязычном пространстве, имеющем ценностную структуру «центр – ядро – периферия» (А. Н. Рудяков), и на тезисе о том, что региональная культура – совокупность «культурных символов социальных и этнических общностей, проживающих в пределах данного региона» [8, с. 174]. После 2014 г. особое внимание учёных привлекает именно языковая и региональная идентичность Крыма: «Региональная идентичность отличается своей локальной социальностью и тенденцией к территориальной солидарности. Региональная солидарность – константа крымского сообщества, то насущно необходимое качество, которое способно консолидировать многонациональный Крым в период актуализации этнической и религиозной идентичности крымчан» [6, с. 151].

В ядерной части русофонии региональные варианты языка развиваются в том случае, если для большей части населения данной территории русский язык является родным, в том числе в условиях иноязычного окружения (для Крыма – украинский и крымскотатарский языки). Соотношение ценностных частей русофонии до сих пор не описано русистами, однако предложено общее понимание возможных границ: «Очевидно, что в разных подсистемах Русофонии интенсивность использования русского языка варьируется: где-то – это главное и единственное средство коммуникации, что свойственно центру системы, где-то – главное, но не единственное, что свойственно ядру системы, а где-то – неглавное и неединственное, что свойственно её периферии» [7, с. 8].

Составление РЛСК предполагает определение объёма словника: «Сегодня лингвострановедческий словарь может включать от 1000 до 10 тыс. словарных статей, тогда как словарь С. И. Ожегова охватывал описание от 50 до 80 тыс. слов. Мы

наблюдаем уменьшение количества описываемых единиц и увеличение толковой статьи. Авторы лингвострановедческих словарей включают не только лексическое значение, но и всевозможные фоновые и энциклопедические знания. Фактически, перед составителями такого словаря стоят следующие задачи:

- составление словника, отражающего концепцию словаря и охватывающего все стороны общественного развития;
- составление словарной статьи (соотнесение лингвистической и страноведческой информации);
- нахождение заголовочного слова, удобного для его поиска (учитывалась вариативность / синонимичность лексемы)» [5, с. 74].

Лексикографическое описание региональной лексики требует также определения состава этой лексики, её анализ, разработку концепции словаря и составление словаря. В связи с этим представляется необходимым решение следующих задач:

- определение состава выборочной совокупности эмпирического материала (выборки): регионализмы, этнографизмы, явления межъязыковой интерференции, топонимика, культурно и социально значимые для русскоговорящих Крыма понятия;
- составление макроструктуры: идеографическое моделирование понятийных зон, покрывающих содержание всех единиц, входящих в словник;
- составление микроструктуры: выбор принципа семантизации единиц словаря: активный принцип, предполагающий представление информации в направлении от понятия к словесной форме экспликации (принцип семантемы), т. е. лексикографическое описание предполагает оперирование 3-мя лингвистическими сущностями: языковым понятием, знаковой единицей (слово нарицательное, устойчивое словосочетание, оним) и позицией номинации (комплекс условий, которые обусловливают использование данного знака или его восприятие носителями русского языка);
- разработка специальной системы помет, позволяющей дифференцировать а) социально-демографические параметры, б) тип текстов, в которых используется единица, в) тематическая

группа, в которую входит единица (синопсис), г) оценка русскоговорящими крымчанами степени лингвокультурологической значимости реалии, обозначенной знаком, д) территория распространения и сфера использования единицы (общеупотребительные для Крыма, локализмы, урбанонимы, прагматонимы и т. п.).

Несомненный интерес для составления РЛСК представляют единицы, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона (например, *Крымская война, Бахчисарай, Юрий Александрович Мешков*), либо территориально-административными признаками (например, топонимы: *Белогорский район*, *Аю-Даг*, *Ласточкино гнездо, Массандра, Коктебель* и т. п.), либо культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма (например, *М. Волошин*, *А. Грин*, *ватник*, *блэкаут, вежливые люди, Крымский мост, Крымская весна, крымнашевец, Аксёнов,* слоган-хэштег *«КрымНаш», «КрымРоссияНавсегда»,* прецедентные фразы: «*Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань*», «*Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты*» и др.).

Для решения задачи создания макроструктуры словаря в исследовании применяется метод *идеографического моделирования*, предполагающий выделение понятийных полей на основе анализа содержательной стороны единиц словника. На основе анализа около 1,5 тыс. единиц (регионализмов, онимов, локализмов, просторечной лексики, прецедентных имен и фраз) нами были выделены следующие понятийные поля: 1) ОЙКУМЕНА, 2) ЭТНОС, 3) ИНДИВИД, 4) СОЦИУМ. Далее каждое из полей имеет свою тематическую структуру:

1.1. Населенные пункты, 1.2. Объекты инфраструктуры, 1.3. Достопримечательности, 1.4. Заповедные территории, 1.5. Военные объекты; 1.6. Краеведение;

2.1. Народы, 2.2. Языки, 2.3. Традиции, 2.4. Культура, 2.5. Верования, 2.6. Мифы;

3.1. Досуг, 3.2. Профессиональная деятельность, 3.3. Незаконные действия, 3.4. Персоналии;

4.1. Политика, 4.2. История общества, 4.3. Образование, 4.4. Наука, 4.5. Массмедиа.

Например, единица «Массандра», толкуемая как ‘посёлок городского типа на южном берегу Крыма’ в данной идеографической системе получает следующий адрес: ОЙКУМЕНА – 1.1. Населенный пункт.

Открытость моделирования обеспечивает возможность уточнения списка единиц, составляющих словник: тематические группы и подгруппы могут быть расширены, сужены или перевключены в другие микрополя.

Лингвокультурологическое описание региональной лексики – это лексикографическое описание единиц, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона, либо территориально-административными признаками, либо культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма.

РЛСК является одноязычным словарём, адресован филологам, культурологам и всем, кто интересуется живой речью Крыма и его социокультурным своеобразием; имеет два входа: алфавитный и идеографический. Объём словаря определяется выборками из текстов (русская классическая литература, современная публицистика Крыма, разговорная речь и просторечие) и данными экспериментальных исследований; предположительные объём словаря – 800–1000 словарных статей.

Обратимся к принципам организации микроструктуры РЛСК. Единицей словаря выступает семантема – единство языкового понятия и словесных средств его экспликации, т. е. лексикографическое описание предполагает оперирование 3-мя лингвистическими сущностями: языковым понятием, знаковой единицей (слово, устойчивое словосочетание, оним) и позицией номинации (комплекс условий, которые обусловливают использование данного знака или его восприятие носителями русского языка).

Приведем примеры семантемных статей составляемого словаря.

‘Практика самовольного занятия земельных участков в Крыму, осуществляемая начиная с 90-х годов XX века преимущественно представителями крымскотатарского народа, а также сам незаконно присвоенный такой земельный участок’ – ***самозахват***, *публ., разг.,* жаргонизм; образовано от

«самовольный захват земельного участка»; тематические группы «Деятельность», «Функциональное пространство»; ср. ***земля***; иллюстр.: *Муниципальные комиссии формируют перечень земельных участков под самозахватами, составляют списки нуждающихся граждан и определяют массивы, подлежащие бесплатному распределению. Окончательное решение по предоставлению участков принимает республиканская комиссия* [2].

‘Ситуация, возникшая после присоединения Крыма к России в 2014 г. и положительно оцениваемая со стороны тех или иных субъектов общественно-политического дискурса, а также само положительное отношение к данному историческому событию’ – ***Крымнаш***, *публ., общест.-политич., разг.*, неологизм; образован путём синтаксического словосложения от лозунга (предложения) «Крым наш!», тематические группы «Политика», «Общество», «Субъекты Российской Федерации». Иллюстр.: ***– Вы разошлись из-за событий на Украине? –*** *Не только. Мы не договорились по ряду технологических моментов, еще до мировоззренческих конфликтов. «Крымнаш» просто закрепил идеологические отличия* [3].

Как видно из примеров, зона вокабулы подаётся после зоны дефиниции, что обусловлено идеографической макроструктурой словаря, алфавитный указатель выполняет вспомогательную функцию. Важно отметить, что многие единицы, находящиеся в активном запасе современного русского лексикона, формируют элементы единой русской картины мира современности.

В заключение подведем **итоги**:

1. Крымское языковое сознание в настоящее время переживает важнейший период саморефлексии, стимулирующий исследование особенностей картины мира русскоговорящих в ненациональной республике и речевого поведения носителей русского языка в целом.

2. РЛСК отражает следующую информацию: национально маркированную лексику, использование которой обусловлено этническим составом полуострова; варианты слов и устойчивых словосочетаний как результат дивергентных процессов по отношению к другим формам русского национального языка

(прежде всего литературной и просторечной); культурно и исторически значимую для общенародного языка лексику (например, прагматонимы, онимы, обозначающие реалии Крыма и зафиксированные в текстах классической русской литературы); единицы, характеризуемые культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма (по результатам психолингвистических экспериментов).

3. Идеографическую макроструктуру РЛСК образуют следующие тематические поля: 1) ОЙКУМЕНА: 1.1. Населенные пункты, 1.2. Объекты инфраструктуры, 1.3. Достопримечательности, 1.4. Заповедные территории, 1.5. Военные объекты; 1.6. Краеведение; 2) ЭТНОС: 2.1. Народы, 2.2. Языки, 2.3. Традиции, 2.4. Культура, 2.5. Верования, 2.6. Мифы; 3) ИНДИВИД: 3.1. Досуг, 3.2. Профессиональная деятельность, 3.3. Незаконные действия, 3.4. Персоналии; 4) СОЦИУМ: 4.1. Политика, 4.2. История общества, 4.3.Образование, 4.4. Наука, 4.5. Массмедиа.

4. Микроструктура РЛСК подчинена активному лексикографическому принципу: от понятий к средствам их выражения. Единицей словаря выступает семантема – единство языкового понятия и словесных средств его экспликации, т. е. лексикографическое описание предполагает оперирование 3-мя лингвистическими сущностями: языковым понятием, знаковой единицей (слово, устойчивое словосочетание, оним) и позицией номинации (комплекс условий, которые обусловливают использование данного знака или его восприятие носителями русского языка).

5. Составление РЛСК имеет не только теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофонов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Литература

1. Богданович, Г. Ю. Полуостров Крым от А до Я : краткий энцикл. словарь на рус. и укр. яз. / Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова. Симферополь: Феникс, 2009. 274 с.

2. В Крыму будут легализованы самозахваты [Электронный ресурс] 30 июля. 2014. Режим доступа URL: http://www.3652.ru/news/587150

3. Голубева, А., Петров, Е. «Мы не ставим перед собой задачи адекватно оценить реальность» [Электронный ресурс] / А. Голубева, Е. Петров. Режим доступа URL: http://www.colta.ru/articles/media/3331

4. Крым: поэтический атлас / Сост. А. Н. Рудяков, В. П. Казарин. Симферополь: Таврия, 1989. 206 с.

5. Лановая, Т. В. Развитие лингвострановедческой лексикографии / Т. В. Лановая // Лінгвістичний вісник. Вип. 2. 2013. С. 72–75.

6. Лантух, Н. А. Крымская региональная идентичность как консолидирующий и мобилизационный фактор в новейшей истории Крыма / Н. А. Лантух // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 144–153.

7. Рудяков, А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире / А. Н. Рудяков. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 320 с.

8. Тен, Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю. П. Тен. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 329 с.

ВЕРБАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭМОЦИИ «CURIOSITY» (ЛЮБОПЫТСТВО) В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Зайцева Ирина Павловна, Ковалёва Анна Владимировна
Республика Беларусь, Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
irinazaj91@mail.ru, kovalyova.anna2012@yandex.by

VERBAL DESIGN EMOTION “CURIOSITY” IN ENGLISH LITERARY DISCOURSE

Zaitseva Irina Pavlovna, Kovalyova Anna Vladimirovna
Republic of Belarus, Vitebsk, Vitebsk state university named after P. M. Masherow

В статье прослеживается лексикографическое осмысление в английской лингвокультуре номинации одной из основных человеческих эмоций – “curiosity”, а также исследуется её «поведение» в англоязычных литературно-художественных произведениях («Ярмарка Тщеславия» У. М. Теккерея) с целью сопоставления её собственно языковой семантики и семантики контекстуальной, сформировавшейся в условиях прозаического художественного дискурса.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, «любопытство», номинации эмоций, словесно-художественный дискурс, «ярмарка тщеславия».

In the article the lexicographic interpretation of the nomination of one of the main human emotions – “curi sity” is c nsi ere n its «behavior» in English literary works («Vanity Fair» by W. M. Thackeray) is researched. The main aim of the research is to compare its language and contextual semantics, which was formed in prosaic literary discourse.

Keywords: «curiosity», lexicographics, lexicology, nomination of emotions, «Vanity Fair», word-literary discourse.

В современном языкознании ведущим, по общему мнению исследователей, является принцип антропоцентризма, в соответствии с которым постижение языка сводится, прежде всего, к изучению выражающей себя в разного рода текстах личности (различным коммуникативно-речевым проявлениям языковой личности). Истоки такого подхода восходят ещё к идеям учёных эпохи Возрождения, позднее – в первую очередь к работам В. Гумбольдта, подчеркнувшего деятельностный характер языка и его неразрывную связь с историей народа, которому язык принадлежит. Он утверждал, что «язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [5, с. 48]. Таким образом, язык является носителем культуры и индикатором всех изменений, происходящих в ней.

Идеи учёных прошлого, в частности В. Гумбольдта, продолжены в исследованиях современных лингвистов, в частности Ю. Д. Апресяна, утверждающего, что в любой картине мира «человек представляется как динамичное, деятельное существо: он выполняет интеллектуальные, речевые, физические действия и способен находиться в разнообразных состояниях (восприятия, мышления, желания)» [3, с. 37].

Одним из таких состояний, заслуживающим безусловного внимания со стороны различных наук, являются **эмоции**, которые, с учётом их природы, оказались сегодня в центре внимания многих научных сфер: психологии, лингвистики, философии и т. д., – будучи своего рода «точкой пересечения разных научных направлений, где каждая из наук оказывается

бессильна поступательно развиваться в одиночку и где интеграция знаний разной природы не только желательна, но фактически обязательна» [6, с. 110].

Нас в данном случае интересуют собственно лингвистический и лингвокультурологический аспекты изучения словесного оформления эмоций (в первую очередь – собственно номинаций эмоциональных состояний человека); оба означенных аспекта находятся в центре внимания современного филологического знания, что обусловливает актуальность работы.

Проблему способов выражения эмоций в языке и речи исследовали такие лингвисты, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Л. Н. Иорданская, И. Б. Левонтина, В. Ю. Апресян и др., работы которых составили методологическую базу исследования. Ю. Д. Апресян рассматривал проблему выражения эмоций в языке. Так, он разграничивает две основные лексические группы, связанные с обозначением эмоций: ***лексику эмоций*** (понятия об эмоциях, их объективация в языке) – например: «*страх», «ярость», «удовольствие», «отвратительный»*; и ***эмоциональную лексику*** (слова, использующиеся для выражения эмоций в речи): «*дружок», «ненаглядный», «голубчик», «миленький»* и т. п.

А. Вежбицкая стала одной из первых, кто поднял проблему лингвокультурной обусловленности слов, использующихся для номинации и выражения эмоций в речи. Она полагает, что эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат к какой-то одной конкретной культуре и содержат культуроспецифичную точку зрения. Таким образом, она считает, что именно лексические единицы, использующиеся для номинации эмоциональных состояний, являются культурно-обусловленными. Например, «русский язык имеет исключительно богатый репертуар лексических и грамматических выражений для разграничения эмоций и придания особой окраски межличностным отношениям (заветный, ненаглядный, родимый, светик мой). Сюда, в частности, относятся диминутивы (*голубчик, душенька, душа-человечек, Машенька*)» [4].

Цель исследования – наблюдение за «поведением» номинации *любопытство* (*curiosity*) в англоязычных литературно-художественных произведениях с целью сопоставления её собственно языковой семантики и семантики контекстуальной, сформировавшейся в условиях прозаического художественного дискурса.

Приступая к наблюдениям над текстовым материалом, целесообразно определить трактовку номинации «*curiosity»* в системе английского языка. Чтобы уяснить характер осмысления лексемы «*curiosity»* (любопытство) в английской лингвокультуре, обратимся к « ngm n Dicti n ry f ntemp r ry Eng ish» (Словарю современного английского языка Лонгмана) (далее – LDOCE), вышедшему в свет в 2005 году и содержащему наиболее частотные слова современного английского языка. Кроме того, DO E является довольно авторитетным словарём и содержит необходимую, ценную для нашего исследования информацию: в словарной статье присутствуют лексикографические пометы, а также обширный иллюстративный материал, взятый преимущественно из повседневного, живого общения, с включением устойчивых словосочетаний.

Заголовочное слово снабжено транскрипцией, грамматическими пометами; все приводимые в словарной статье значения также снабжены грамматическими пометами и иллюстративным материалом*: «the desire to know about something»* (дословно: «желание узнать о чём-либо») – первое значение – пометой о значении числа и исчисляемости / неисчисляемости существительного (ед. ч., неисчисл.) и иллюстрациями (4 предложениями) наиболее частотных контекстов употребления толкуемого слова: «*I opened the packet just to satisfy my curiosity»* (Чтобы удовлетворить своё любопытство, я открыл пакет). «*The news aroused a lot of curiosity among local people»* (Новости возбудили любопытство местного населения) «*She decided to follow him out of curiosity»* (Она решила проследить за ним из любопытства) «*Margaret looked at him with curiosity»* (Маргарет с любопытством посмотрела на него) – по нашему мнению, удачными.

Примечательно, что иллюстрирует это значение устойчивое словосочетание «*curiosity about»*, которое может быть переведено

на русский язык как «любознательность»; далее даётся ряд фразовых примеров с употреблениями данного словосочетания – например, «*Children have a natural curiosity about the world around them»* (У детей проявляется врождённая любознательность по отношению к окружающему миру).

LDOCE вмещает и второе значение лексемы «*curiosity»*: «*someone or something that is interesting because they are unusual or strange»* (‘кто-то или что-то интересное в силу своей уникальности и странности’), сопровождая его грамматическими пометами (указание на исчисляемость существительного). Ряд примеров в форме словосочетаний и предложений иллюстрирует возможности употребления данного слова: «*a house full of maps and other curiosities»* (полный географических карт и других любопытных / редких вещиц, дом); «*It’s not worth much, but I kept it for its curiosity value»* (Это не имело особой ценности, но я оставил у себя из-за его редкости); «*In the past, men who wanted to work with children were regarded as something of a curiosity»* (В прошлом мужчины, предпочитавшие работу с детьми, считались довольно странными). Под номером 3 в данной словарной статье толкуется паремия с компонентом «*curiosity»*: «*curiosity killed the cat»* (любопытство до добра не доводит).

В качестве материала для анализа номинации эмоции «любопытство» в художественном тексте был выбран роман «Ярмарка тщеславия» известного английского писателя У. М. Теккерея (вышло в свет в 1847–1848 гг.). Данное произведение является одним из самых знаковых произведений английской литературы и, помимо этого, представляет собой образец классического воплощения в словесно-художественном произведении живой английской речи.

Лексема «*curiosity*» используется автором неоднократно; так, в одной из частей произведения находим:

How many noble emigrees had this horrid revolution plunged in poverty! She had several stories about her ancestors ere she had been many months in the house; some of which Mr. Crawley happened to find in D’Hozier’s dictionary, which was in the library, and which strengthened his belief in their truth, and in the high-breeding of Rebecca. Are we to suppose from this ***curiosity*** *and prying into*

dictionaries, could our heroine suppose that Mr. Crawley was interested in her? – no, only in a friendly way [2].

Достаточно объёмный отрывок приведён с целью более полного раскрытия особенностей «поведения» лексемы «*curiosity»*. Как видим, в данном контексте *«curiosity»* – это обозначение не столько эмоции, сколько черты характера персонажа, его внутреннего облика, обусловленной стремлением к познанию окружающего мира и проявившейся в нём с ранних лет жизни. Лексема «*curiosity»* приобретает в данном контексте значение некого «интереса к явлениям действительности» (в данном случае интерес Кроули к предкам Ребекки), причём данный «интерес» может поощряться окружающими. Таким образом, в этом отрывке лексема «*curiosity»* имеет положительную коннотацию и в данном случае, как представляется, её значение совпадает со значением устойчивого словосочетания «*curiosity about»* из LDOCE.

Коннотативная «положительность» данной лексемы подтверждается, на наш взгляд, и переводом романа У. Теккерея, выполненным М. А. Дьяконовым, который считается одним из самых адекватных и качественных переводов:

«Какое множество знатных эмигрантов повергла в нищету эта ужасная революция! Не успела Ребекка хорошенько осмотреться в доме Кроули, как в запасе у неё оказалось множество рассказов о ее предках. Некоторые из них мистеру Кроули вскоре посчастливилось найти в словаре д'Озье, имевшемся в отцовской библиотеке, но это обстоятельство лишь укрепило его веру в их подлинность и в знатность происхождения Ребекки. Можем ли мы предположить, основываясь на такой ***любознательности*** и поисках в словаре, – могла ли наша героиня предположить, что мистер Кроули заинтересовался ею? Нет, речь могла идти разве только о дружеском участии» [7, с. 97].

Лексема «*curiosity»* функционирует и в приводимом далее фрагменте текста:

Rawdon and his wife generously gave their patronage to all such of Miss Crawley's tradesmen and purveyors as chose to serve them. Some were willing enough, especially the poor ones. It was wonderful to see the pertinacity with which the washerwoman from Tooting

brought the cart every Saturday, and her bills week after week. Mr. Raggles himself had to supply the greengroceries. The bill for servants' porter at the Fortune of War public house is ***a curiosity*** *in the chronicles of beer* [2].

В данном контексте лексема *«curiosity»* приобретает значение ‘обозначение чего-то необычного, неожиданного‘ (так, прислуга из трактира «Fortune of War» совсем не ожидает, что ей могут заплатить за их услуги). При этом связь с основным значением лексемы *(«the desire to know about something»* – желание узнать что-либо) тоже сохраняется: в данном случае значение рассматриваемой номинации может быть квалифицировано как ‘случай, способный вызвать это желание’, то есть в приведённом контексте значение варианта лексемы «*curiosity*» в принципе совпадает со значением *«someone or something that is interesting because they are unusual or strange»* из LDOCE.

На наш взгляд, в данном случае слово «*curiosity*» может быть переведено на русский язык как «любопытный случай», «что-то новенькое»; однако М. А. Дьяконову, как представляется, удалось подобрать более удачный перевод:

«Родон и его жена оказывали самое широкое покровительство всем торговцам и поставщикам мисс Кроули, которые теперь предлагали им свои услуги. Охотников находилось немало, особенно из тех, кто победнее. Удивительно, с какой неутомимостью прачка из Тутинга каждую субботу прикатывала свою тележку и подавала счета, из недели в неделю остававшиеся неоплаченными. Зелень поставлял сам мистер Реглс. Счёт за портер для прислуги из трактира «Военная Удача» являл собою ***подлинный курьёз*** в хронике питейного дела» [8, с. 23].

В приводимом далее фрагменте романа У. Теккерея наблюдаем несколько иную функционально-семантическую нагруженность введённой в текст лексемы «*curiosity*»:

He had the ***curiosity****, then, to ask Miss Briggs about the state of her private affairs – and she told his lordship candidly what her position was – how Miss Crawley had left her a legacy – how her relatives had had part of it – how Colonel Crawley had put out*

another portion, for which she had the best security and interest – and how Mr. and Mrs. Rawdon had kindly busied themselves with Sir Pitt, who was to dispose of the remainder most advantageously for her, when he had time. My lord asked how much the Colonel had already invested for her, and Miss Briggs at once and truly told him that the sum was six hundred and odd pounds [2].

Номинация *«curiosity»* в данном контексте использована, на наш взгляд, в своём основном значении: *«the desire to know about something»*. То есть приобретает значение чистого любопытства – эмоции с не совсем положительной коннотацией – из-за неодобрительного отношения окружающих к этому явлению (в нашем случае скорее это даже походит на «сование носа в чужие дела»: Лорд Стайн выпытывает у мисс Бриггс сведения о наследстве, о его точной сумме; та же по простоте душевной всё ему выдаёт).

Для передачи описанного смысла М. А. Дьяконов находит довольно удачный перевод:

«Затем он **полюбопытствовал**, в каком состоянии находятся личные дела мисс Бригс, и та чистосердечно рассказала его милости всё: как мисс Кроули оставила ей наследство; как Бригс отдала часть его своим родственникам; как полковник Кроули забрал другую часть, поместив деньги под вернейшее обеспечение и хорошие проценты, и как мистер и миссис Родон любезно взялись договориться с сэром Питтом, который озаботится наиболее выгодным помещением остальных её денег, когда у него будет время. Милорд спросил, какую сумму полковник уже поместил от ее имени, и мисс Бригс правдиво поведала ему, что сумма эта составляет шестьсот с чем-то фунтов» ((выделено нами. – И. З., А. К.) [8, с. 169].

Таким образом, проанализировав «поведение» лексемы *«curiosity»* в тексте (которое в целом оказалось довольно предсказуемым), можно прийти к выводу, что, будучи введённой в коммуникативно-речевое образование (в данном случае язык, помимо, прочих, выполняет и *эстетическую* функцию), данная номинация преимущественно функционирует в собственно языковых значениях, которые зафиксированы толковыми словарями, в частности LDOCE. В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» мы наблюдаем использование лексемы «*curiosity*» в

свойственных ей в английском языке значениях, в большинстве случаев – с небольшими семантическими сдвигами. Проведённые нами наблюдения позволяют сделать вывод о довольно устойчивой семантике данной лексемы.

Настоящая публикация посвящена лишь одному аспекту проблемы рассмотрения контекстуальных трансформаций одной из номинаций эмоций человека; перспективы дальнейшего исследования мы видим в более подробном изучении всего многообразия лексических единиц такого рода в английской лингвокультуре, а также в их сопоставлении с аналогичными элементами других лингвокультур.

Литература

1. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] / Режим доступа URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/curiosity.

2. Thackeray, William Makepeace. Vanity Fair [Электронный ресурс] / Project Gutenberg. Режим доступа URL: https://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm.

3. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

4. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

5. Гумбольдт, фон Вильгельм. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

6. Клобуков, П. Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) / П. Е. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: «Филология», 1998. Вып. 4. С. 110–123.

7. Теккерей, У. Ярмарка Тщеславия: Роман без героя. В 2-х ч. Ч. 1. / Пер. с англ. М. А. Дьяконова; Предисл. М. В. Урнова; Прим. М. Лорие, М. Черневич; Худож. В. М. Боровко. Мн.: Нар. асвета, 1987. 366 с.

8. Теккерей, У. Ярмарка Тщеславия: Роман без героя. В 2-х ч. Ч. 2. / Пер. с англ. М. А. Дьяконова; Предисл. М. В. Урнова; Прим. М. Лорие, М. Черневич; Худож. В. М. Боровко. Мн: Нар. асвета, 1986. 350 с.

ЛЕКСИКА КАЛАМБУРА КАК СПОСОБ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ В. ВЫСОЦКОГО

Земляк Мария Алексеевна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
marialogunovasev27@gmail.com

THE VOCABULARY OF THE PUN AS A WAY OF EMOTIONAL EXPRESSION IN THE POETIC TEXT OF V. VYSOTSKY

Zemlyak Maria Alekseevna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье анализируется экспрессивно-эмоциональная лексика в поэтическом тексте В. Высоцкого: представлены эксплицитно и имплицитно выраженные интенции автора. Сделан вывод об особенностях воплощения эмоционально-экспрессивного выражения смыслов при помощи индивидуально-авторских приёмов В. Высоцкого.

***Ключевые слова**:* экспрессивно-эмоциональная лексика, эксплицитно выраженный и имплицитно выраженный смысл, каламбур, антиномия, В. Высоцкий.

The article discusses expressive and emotional vocabulary in the poetic text of V. Vysotsky: presents explicitly and implicitly expressed intentions of the author. A conclusion is drawn about the peculiarities of the embodiment of the emotionally expressive expression of meanings with the help of V. Vysotsky's individual author's techniques.

Keywords: expressive and emotional vocabulary, explicit meaning, implicit meaning, pun, antinomy, V. Vysotsky.

Интерес к такому языковому феномену, как каламбур, в русской лингвистике возник еще в 20–40-е гг. XX столетия, тем не менее, проблема изучения каламбура остаётся актуальной на данный момент.

Особенности функционирования каламбура описывали в своих работах В. С. Виноградов, О. Ю. Коновалова, Б. Ю. Норман, Т. Б. Радбиль, В. З. Санников, А. П. Сковородников, Е. П. Ходакова, А. А. Щербина, были

сформулированы подходы к определению понятия каламбура и описаны некоторые аспекты в истории каламбурообразованння.

Исследование способов воплощения экспрессивно-эмоциональной лексики является важным фактором для установления закономерностей когнитивной репрезентации моделей каламбура, суггестивного своеобразия воплощения авторской оценки реальности, что определяет **актуальность** исследования.

Цель данной работы заключается в том, чтобы определить основные авторские средства и приёмы репрезентации эмоционально-экспрессивного выражения в каламбуре в поэтическом тексте В. Высоцкого.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**: рассмотреть способы образования положительной и отрицательной оценки описываемого факта реальности; провести анализ каламбура как разновидности антиномии, состоящей из контрастно противопоставленных компонентов; определить закономерности использования эмоционально-экспрессивных средств; представить семантические модификации каламбура в поэтическом тексте В. С. Высоцкого.

Эмоционально-экспрессивная лексика отражает чувства человека, его эмоциональное состояние, отношение к оцениваемому явлению, поэтому определение её функций в тексте является неотъемлемым фактом для формирования картины мира человека. Средствами воплощения экспрессивно-эмоционального выражения становятся слова, имеющие ассоциативные связи, образное и символическое значение. Употребление таких лексем, отмечает Л. В. Валеева, отсылает к бессознательному, определяет конкретные чувства человека [1, с. 32]. Экспрессивная лексика содержит оценку, которая может выражаться эксплицитно и имплицитно, что важно для установления аксиологической направленности кодирования языка.

Анализ эмоционально-экспрессивной лексики ключевых концептов становится важным, поскольку в них отображаются знания общества, отношение и оценка людей как культурный и исторический опыт и как факт наблюдаемой реальности.

Например, концепт власти, как отмечает Д. А. Черемохина, не имеет чёткой структуры, что является предпосылкой для дифференциации поэтических смыслов, не соотносимых с принятыми представлениями о власти [4, с. 10]. Рассмотрим данный концепт как важнейший в системе каламбура В. С. Высоцкого.

В контексте *И шерстят они нас в пух – / им успех, а нам испуг* [2, т. 1, с. 207] представлена положительная оценка для *нас* и отрицательная для *них*, персуазивный эффект базируется на негативном восприятии *их* (власти). Композиционный компонент *шерстить кого-либо в пух* ориентирован на лингвокультурный смысл известной паремии, то есть интересы тех, кого шерстят, не учитываются, они зависимы от субъектов, находящихся на социальной лестнице над ними.

Неявно представленная оценка власти репрезентируется в конструкциях, имеющих конверсивный характер, позволяющий указать на двойственность оценки, имеющей отношение к обоим противопоставленным объектам. Во фрагменте *Куда ни глянь – / Всё голытьба* [2, т. 1, с. 267] лексема *голытьба* имеет экспрессивную нагрузку и пейоративную оценку. *Куда ни глянь* – идиома, имеющая помету разговорное, экспрессивное [3, с. 323] и характеризующаяся амбивалентным употреблением. В сочетании компоненты обретают контаминированное значение, предполагающее усиление негативной оценки происходящего.

Для контекста *Да что ж они – / Как мухи мрут* [2, т. 3, с. 207] характерна концентрация внимания на местоимении *они,* то есть – народе. Приём накопления дискурсивных слов *да что ж* влияет на восприятие суггерендом происходящего. Отрицательно оцениваемое явление с участием их; оппозиция «сочувствующее отношение к ним / отрицательное к процессу с ними» формирует имплицитный образ власти – виновника смерти народа.

Противопоставленные позиции выражаются и по отношению к одному событию, способному кардинально повлиять на изменение положения человека. В контексте: *Кому – до ордена, / ну а кому – до «вышки»* [2, т. 1, с. 60] – человек понимает неоднозначность жизненных ситуаций, разрешение которых может быть фатальным или триумфальным для каждого.

Синтаксический параллелизм определяет антонимичную пару «орден / вышка», где имплицитно представлен концепт негативно оцениваемой власти. В контексте *Кровь лью я за Сережку Фомина – / А он сидит и в ус себе не дует!* [2, т. 1, с. 59] представлена оппозиция фразеологизмов «действие / бездействие». Позиция «я / он» определяет отношение к себе как к тому, кто сражается, а к другому – как к человеку, находящемуся в безопасности и безразличному ко всему. Фразеологическая антонимия имплицитно отражает отношение обычного человека к тому, кто имеет привилегии или комфортные условия обывательского существования.

Эмоционально-экспрессивная оценка также представлена по отношению к случайной удаче. Рассмотрим контекст: *Останутся у них в домах игорных / Одни хваленые зеленые столы* [2, т. 1, с. 98], в котором под зелёными столами подразумеваются столы для азартных игр. Противопоставленные компоненты выражают отношение автора к игрокам как к людям, надеющемся обрести мнимое счастье, незаслуженное богатство. В семантической оппозиции присутствуют ассоциативные связи с игрой, прибылью и риском, случайностью. Наблюдаем антиномию, свойственную каламбуру и выражающуюся в обусловленности контрарных ситуаций «ожидание успеха / предсказуемость проигрыша». Можно включить в антиномию третью имплицитно представленную позицию *надежда на удачу*. Все три компонента взаимодействуют и конфликтуют одновременно, поскольку семантической доминантой в позиции «отсутствие прибыли / наличие карточных столов» является непредсказуемость результата игры.

Во фрагменте *Манеры, поклоны, / Мегеры и матроны* [2, т. 3, с. 273] контаминация стилистически разнородных и пейоративно оцениваемых компонентов предполагает оппозиции «вежливость / неискренность»; «искусственность / соперничество». Суггестивная сила перечисления действий и лиц позволяет создать картину фальши и марионеточной жизни многих людей, показать, что внешняя культурность скрывает истинную, поверхностную, сущность общества. Синонимический ряд включает в себя парные компоненты, имплицитно

противопоставляемые: *манеры – мегеры*, *поклоны – матроны*. Антонимичная позиция внутри синонимичного ряда определяет оригинально-авторское представление об элите, формирует эмоционально-экспрессивный эффект.

Экспрессивно-эмоциональная оценка представлена по отношению к аксиологическим представлениям в современном мире. Так, например, выражение *Долой сегодня лишний интеллект!* [2, т. 3, с. 497] включает авторский оксюморон *лишний интеллект.* Создаётся иронический эффект и одновременно констатируется факт реальности, осознанной автором. Оппозиция «важность развития / нежелание развиваться» определяет сущность людей, приспосабливающихся и неспособных самостоятельно принимать решения. Суггестивная функция определяет мысли, соотносимые с личной позицией суггеренда как конформиста или нонконформиста. Следовательно, автор не ставит перед собой задачу победить деградацию, он пытается навести на размышления о собственном положении и выборе. Подобная экспрессивно-эмоциональная репрезентация авторского отношения представлена в контексте: *Когда вы рис водою запивали – / Мы проявляли интернационализм, / – Небось когда вы русский хлеб жевали, / Не говорили про оппортунизм!* [2, т. 1, с. 63], где представлена оппозиция «буржуазные интересы (оппортунизм) / интересы общества (интернационализм)». Негативно отношение к чужим: кто *рис водою запивал… русский хлеб жевал* [2, т. 1, с. 63], поскольку они умалчивали об истинных намерениях: *Не говорили про оппортунизм* [2, т. 1, с. 63]. Противопоставляются также физические потребности человека и общественные: «еда / общество». Наблюдаем соотношение событий, указывающих на одновременность происходящего, но противопоставленных с точки зрения отношений двух народов, их целей. Основной оппозицией в контексте является оценочное отношение субъекта: «отстаивание своих позиций (свой) / политика соглашательства (чужой)»..

В тексте В. С. Высоцкого представлена эмоционально-экспрессивная оценка музыки и ее атрибутов в разные эпохи. Например: *Заменят гитару электроорганы, / Электророяль и электропила* [2, т. 1, с. 150] – аномальность сочетания

компонентов связана с переходом от противопоставленности старинных и современных музыкальных инструментов к созданию гротескного ряда невозможного в музыкальном мире (*электропила*). Порождение ассоциативных связей гитары с электропилой вызывает эмоциональный шок, предполагающий новое восприятие: музыка соотносится с шумом пилы, то есть имплицитна оппозиция «музыка / шум», в которой определяется изменение качества музыки, её ухудшение. Экплицируется пейоративная оценка деградации музыкального вкуса в настоящем и будущем.

Эмоционально-оценочная лексика позволяет выразить отношение к исторически важным событиям. В контексте: *Он древние строения / Искал с остервенением* [2, т. 1, с. 99] оппозиция «прошлое / настоящее» предопределяет отношение к обществу, неспособному познать истинную ценность прошлого и в то же время проявляющему интерес к своим историческим корням. Подобная двойственность социальной и эмоциональной оценки свойственна лексике каламбура в поэтическом тексте Владимира Высоцкого.

Выводы. Эмоционально-экспрессивное выражение в каламбуре является особым семантическим компонентом реализации суггестивных целей. Описание имплицитных смыслов в тексте В. С. Высоцкого позволило выделить полярные элементы концептуального пространства каламбурного текста:
1) концепт дифференциации народа и власти, реализуемый при употреблении оппозиционных или просторечных фразеологизмов, контекстуальных антонимов;
2) аксиологическое пространство социального и индивидуального (конформизм / саморазвитие), возникающее при обращении к прошлому, негативно или положительно оцениваемому; формируется с помощью синонимических рядов, образованных путём корреляции антонимов и синонимов, а также с помощью параллельных структур антонимичных конструкций;
3) концепт искусства, формирующийся на основании ретроспекций, аномальных ассоциаций.

Литература

1. Валеева, Л. В. Семантическая модель суггестивной метафоры / Л. В. Валеева, К. В. Сухорукова // Наукові записки. Серія «Філологічна».

Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія». Вип. 24. 2012. С. 31–34.

2. Высоцкий, В. С. Собрание сочинений: в 4-х т. / В. С. Высоцкий. М.: Время, 2008. Т. 1. 400 с., Т. 3. 602 с.

3. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 334 с.

4. Черемохина, Д. А. Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В. С. Высоцкого): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Д. А. Черемохина. Белгород, 2015. 22 с.

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ТЮРКСКИХ ЗООНИМОВ

Ибрагимова Венера Февзиевна

Российская Федерация, Симферополь,
Крымский инженерно-педагогический университет
ibragimova.venera@gmail.com

RUSSIAN AND UKRAINIAN ANTHROPONYMS DERIVED FROM THE TURKIC ZOONYMS

Ibragimova Venera Fevziyevna

Russian Federation, Simferopol, Crimean University of Engineering and Pedagogy

В статье рассматриваются проблемы современных антропонимических исследований, связанных с изучением антропонимов. Русские и украинские антропонимы, образованные на базе тюркских основ (зоонимов). Изучены наиболее важные вопросы, необходимые для раскрытия поставленной цели: антропонимика на современном этапе развития, теории именования, семантика антропонимов.

***Ключевые слова*:** антропонимия, семантика фамилий, антропонимы, ономастика, зоонимы, оним.

The article deals with the problems of modern anthroponymic studies related to the study of anthroponyms. Russian and Ukrainian anthroponyms, formed on the basis of the Turkic bases (zoonims). The most important issues that are necessary for revealing the stated goal are studied: anthroponomy at the present stage of development, naming theory, semantics of anthroponyms.

Keywords: anthroponymy, semantics of surnames, anthroponyms, onomastics, zoonyms, onim.

Важность изучения русских и украинских фамилий с тюркской основой связана и с освещением вопроса о структурных компонентах антропонимов, с неразработанностью вопроса о мотивации славянских онимов различного происхождения.

Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью изучения семантики и истории развития антропонимов.

Цель исследования: выявить семантические особенности русских и украинских фамилий тюркского происхождения.

Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призмы, через которую можно видеть общество и культуру, в ней отражается познавательный опыт народа, его культурно-историческое развитие. В то же время имена собственные, выполняя ряд схожих социальных функций, имеют свои особенности в каждом конкретном языке, входя в систему данного языка, развиваясь по его законам. В ономастике, тесно связанной с социальными явлениями, необходимо учитывать взаимодействие языковых и внеязыковых факторов, определяющих в конечном итоге жизнь слова и его функционирование в речи.

У разных народов ономастикон формируется своеобразно, на базе своих законов, с учетом внутри- и внелингвистических факторов. Ономастическое пространство, по А. В. Суперанской, «это сумма имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов. Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время, но в ней всегда сохраняются элементы прежних эпох. У людей, принадлежащих к разным культурам, эпохам, территориям, ономастическое пространство имеет различное заполнение. При этом ономастизируются различные классы предметов» [5, с. 9].

А. В. Суперанская отмечает, что «сравнительное изучение имен разных типов позволяет выявить специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы» [5, с. 327].

Б. О. Унбегаун рассматривает русские фамилии славянского и неславянского происхождения с точки зрения их русификации.

Исследователь выделяет и распределяет фамилии тюркского происхождения на две группы. Первая группа «восходит к эпохе Московского княжества и связана с татарским игом в России (1240-1480 гг.)» [7, с. 292], «вторая большая группа фамилий тюркского происхождения связана с покорением в XIX в. огромных территорий в Средней Азии и на Кавказе с различным тюркским населением» [7, с. 294].

Б. Унбегаун исследовал русифицированные фамилии тюркского происхождения и рассмотрел происхождение фамилий славянского происхождения, которые образовались от прозвищ, собственных имен, от профессии, от названий животных [7, с. 202].

В. Д. Познанская при определении лексико-семантических групп фамилий рассматривает семантику словообразовательных основ, считая, что «изучение семантики основ фамилий даёт значительную информацию, представляющую интерес для историков, этнографов и в первую очередь – для лингвистов. Такое исследование дает богатый материал для сопоставительного изучения антропонимии разных территорий и разных языковых систем» [3, с. 15]. Учёный выделяет две группы фамилий: «1. Фамилии отапеллятивного происхождения; 2. Фамилии отономастического происхождения» [3, с. 15]. В первой группе фамилии распределены по следующим лексико-семантическим группам: 1. человек, его характерные черты; 2. фауна; 3. флора; 4. предметы материальной культуры; 5. единицы измерения, исчисления; 6. метеорологические явления природы; 7. время его членение; 8. названия болезней; 9. религиозно-мифологические представления; 10. названия игрушек, забав развлечений; 11. абстрактная лексика [175, с. 16].

При определении второй группы В. Д. Познанская утверждает, что своеобразие фамилий отономастического происхождения заключается в том, что они «создавались путем вторичной ономастической номинации» [3 с. 17].

Особенности использования общенародной лексики для создания фамилий и удельный вес в этом процессе тех или иных полей лексики определяет С. А. Лебеденко. На основе анализа

лексико-семантического состава аппелятивных основ исследователь делит фамилии на две группы: «фамилии, образованные от имен собственных (личных христианских собственных названий) – это отатропонимические фамилии, и от апеллятивов (прозвищ, названий профессий, занятий, мест жительства или рождения) – это отапеллятивные фамилии» [2, с. 8].

Среди славянских народов мы встречаем людей с фамилиями, образованными от зоонимов, – Баранов, Волков, Муравьев и др. В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий: воробей (Воробьев), голубь (Голубев), ворона (Воронов, Воронин, Воронихин, Воронков, Воронцов, Воронок), голубь (Голубев, Голубкин, Голубков, Голубушкин, Голубинский, Голубицкий), гусь (Гусев, Гусынин, Гуськов), лебедь (Лебедь, Лебедев, Лебедушкин), орел (Орлов), сокол (Соколов), соловей (Соловьев, Соловей), сорока (Сорокин), баклан (Бакланов), беркут (Беркутов), галка (Галкин), гоголь (Гоголь, Гоголев), грач (Грачев), дрозд (Дроздов), журавль (Журавлев), кукушка (Кукушкин), ласточка (Ласточкин), петух (Петухов) и др. [4, с. 202].

Фамилий, образованных от названия рыб, меньше – Ершов, Белугин, Карасев, Лещев, Сазанов, Карпов и др.

Однако среди фамилий, образованных от наименования зоонимов, встречаются основы тюркского происхождения. Например, антропонимы, образованные от тюркских основ существительных-зоонимов, мы поделили таким образом:

а) *антропонимы, образованные от основ, обозначающие названия животных: буга* (тюрк. *бугай* ‘бык’) → *Бугаев*, *Бугаенко*; *таушан* (тюрк. *таушан* ‘заяц’) → *Таушанов*, *Таушанин*, *Таушанко*; *коян* (тюрк. *къоян* (*у//о*) ‘кролик, кроличий’) → *Куян*, *Коянов*, *Куянко*, *Куяненко*, *Куянчик*; *улахлы* (тюрк. *улакъ* ‘козленок’) → *Улахлы*, *Улахов* (*Улаков*), *Улакин*, *Улахович; бака* (тюрк. *бакъа* ‘лягушка’) → *Бакаев*, *Бакаенко*, *Бакаин*; *бузав* (тюрк. *бузав* ‘телёнок’) → *бузавджи* ‘телятник’ (*Бузавджиев*, *Бузаджиев*);

б) *антропонимы, образованные от основ, обозначающие названия птиц: баклан* (тюрк. *баглан* ‘дикий гусь’) → *Бакланов, Бакланенко, Бакланко, Бакланин; карга* (тюрк. *къаргъа*, ворона’) → *Карганов*, *Каргин*, *Карганюк*; *кукош*, *кокуша* (*тюрк.* кокюш ‘индюк; индюшиный’) → *Кукош*, *Кокуша, Кокушев*, *Кукошенко*; *куш* (тюрк. *куш* ‘птица’) → *Кушев*, *Кушин*, *Кушко*, *Кушненко*; *лейлека* (тюрк. *лейлек* ‘аист’) → *Лелеков*, *Лелекин*, *Лелеченко*, *Лелеко*; *папий* (тюрк. *папий* ‘утка`) → *Папиев*, *Папиевский*, *Папийко, Папийджи, Папийджиев*; *таук* (тюрк. *тавукъ* ‘курица’) → *таукчи* ‘птичник’) → *Таукчи, Таукчиев;*

в) *антропонимы, образованные от основ, обозначающие названия насекомых*: *кобиляк* (тюрк. *кобелек* ‘бабочка’, ‘мотылек’) → *Кобиляк*, *Кобеленко*, *Кобелеков*; *курта* (тюрк. *къурт* ‘червь, насекомое’, *уст.* ‘волк’) → *Куртов*, *Куртин*, *Куртенко*, *Куртенюк*; *балкурт* (тюрк. *балкурт* ‘*пчела*’ *балджи* ‘пчеловод, пасечник’) → *Балджи, Балджиев;*

г) *антропонимы, образованные от основ, обозначающих названия рыб*: *балик* (тюрк. *баликъ* ‘рыба’) → *Балыков*, *Балыкин*, *Балыко*, *Балычко*, *Балычук*, *Балыковский*, *Балычак, Балычев*, *Балычевский*, *Балычевцев*, *Балыченко*, *Балыченков*, *Балычик*, *Балыкчиевский, Балыкчи*, *Балыкчиев*.

Антропонимы относятся к тем языковым средствам, которые дают возможность в чрезвычайно лаконичной форме передать большое смысловое и эмоциональное содержание. Нами была проанализирована семантика фамилий, рассмотрен вопрос о механизме образования антропонимов.

Русские и украинские антропонимы, образованные на базе тюркских основ представляют собой особый пласт славянской лексической системы.

В работе сделана попытка осветить пути проникновения тюркизмов в русский и украинский языки, показана степень адаптированности лексем языком-рецепиентом. Тюркизмы при заимствовании подвергаются фонетическому, семантическому и морфологическому освоению. Отдельные заимствования настолько ассимилировались, что воспринимаются как собственно русские или украинские, другие же сохранили свои специфические особенности языка-источника.

Литература

1. Баскаков, Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1979. 279 с.

2. Лебеденко, С. А. Лексические (апеллятивные) основы и словообразовательные типы антропонимов г. Днепропетровска : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С. А. Лебеденко. Днепропетровск, 1985. 23 с.

3. Познанская, В. Д. Антропонимия юго-восточной Украины : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов СССР (украинский язык)» / В. Д. Познанская. Харьков, 1983. 21 с.

4. Саморокова, Ю. А. Этимология русских фамилий [Текст] / Ю. А. Саморокова // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 97–99.

5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного : [монография] / А. В. Суперанская. М. : Наука, 1973. 368 с.

6. Суперанская А. В. Имя нарицательное и собственное / А. В. Суперанская. М. : Наука, 1978. 197 с.

7. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун. М.: Прогресс, 1989. 431 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОТСЫЛКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК СТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Игнатов Кирилл Юрьевич

Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

kirill72@yahoo.com

INTERTEXTUAL REFERENCES IN POETIC TEXTS IN STYLISTIC ANALYSIS

Ignatov Kirill

Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

Интертекстуальные отсылки связывают текст произведения с внетекстовой реальностью, отсылая читателя к географии, истории, политике, средствам массовой коммуникации, терминам, бытовым реалиям и другим областям культуры как семиотической системы. Анализ областей экстралингвистической реальности, связь с которыми актуализируется в тексте, может использоваться как один из способов характеристики авторского стиля. В статье обобщены результаты

сплошного анализа репрезентативного корпуса стихотворений Кэрол Энн Даффи, и полного корпуса стихотворений Майи Энджелоу с целью классификации интертекстуальных отсылок по типам референтов. Приводятся результаты количественного и качественного анализа.

Ключевые слова: стиль, стилистика, интертекст, интертекстуальная отсылка, референт, поэзия.

Intertextual references link the text of a literary work with the extra-linguistic reality, referring the reader to geography, history, politics, mass media, terminology, everyday culturally specific realia, and other constituent parts of culture as a semiotic system. The analysis of the areas of extra-textual reality with which connection is established in the text can be used as one of the ways of characterising the uth r's style. The paper summarizes the results of a systematic analysis of a representative corpus of poems by Carol Ann Duffy and the complete collection of poems by Maya Angelo, with the aim of classifying their intertextual references by the types of referents. The results of quantitative and qualitative analysis are presented.

Keywords*:* style, stylistics, intertext, intertextual reference, referent, poetry.

Материалом для исследования, с одной стороны, стала антология *Duffy, Carol Ann*. New Selected Poems. London: Picador, 2011 (revised edition), которая включает 151 стихотворение из семи ранее опубликованных сборников популярной британской поэтессы Кэрол Энн Даффи (р. 1955). По задумке издателей книга всесторонне представляет творчество Даффи, что позволяет говорить о репрезентативности выбранного поэтического корпуса для анализа авторского стиля. С другой стороны, исследовался полный корпус из 179 стихотворений видной американской писательницы, поэтессы и общественного деятеля Майи Энджелоу (1928–2014), которые составили шесть прижизненных сборников, а после её смерти были объединены в антологию *Angelou, Maya*. The Complete Poetry. New York: Random House, 2015. Историческая близость творчества авторов, признание критиков, широкая популярность среди читателей, соответственно, в Великобритании и США, активная жизненная позиция – всё это даёт основания для сопоставления с точки зрения стиля двух поэтов, представляющих Британию и США, «две страны, разделенные одним языком». Задачей такого сопоставления было опробовать метод интертекстуальных

отсылок на близком с литературной точки зрения материале для выделения стилистических отличий в авторской манере.

Под **интертекстуальной отсылкой** понимается непосредственное упоминание в литературном тексте имени объекта, процесса, события внетекстовой реальности художественного произведения или аллюзия на них. Говоря о экстралингвистической реальности произведения, мы имеем ввиду, что для понимания текста, содержащего подобную отсылку, недостаточно знания словарного значения составляющих слов и лексико-грамматических правил их соединения или закономерностей узуса, а требуется информация энциклопедического характера, выходящая за рамки литературного текста в область человеческой культуры как целенаправленной деятельности человека по познанию и изменению окружающего мира.

Рассмотрим для примера отрывок из стихотворения ‘On the Pulse of Morning’, написанного Майей Энджелоу к инаугурации Билла Клинтона 20 января 1993 г. (здесь и далее курсивом мы выделяем отсылки):

You, the *Turk*, the *Arab*, the *Swede*,
The *German*, the *Eskimo*, the *Scot*,
The *Italian*, the *Hungarian*, the *Pole*,
You the *Ashanti*, the *Yoruba*, the *Kru*, bought,
Sold, stolen, arriving on a nightmare,
Praying for a dream.

Выделенные отсылки передают общую идею: независимо от национальности, от турок в Азии, шведов в Европе до ашанти в Гане, йоруба на западе Африки и группы народов кру из Либерии и Кот-д’Ивуар, – люди, эмигранты в США, молятся об исполнении мечты. Перечисление названий народов повышает эмоциональную выразительность отрывка через детализацию образов. Все 12 выделенных отсылок относим к этнонимам, которые в целом образуют систему, где каждой единице, отдельному этнониму, соотнесён определённый набор характеристик народности, что и позволяет говорить об

этнонимах как семиотической подсистеме человеческой культуры. Именно этим и пользуется поэт, упоминая лишь название, но вызывая в воображении читателя живой образ.

Мечта в последней строчке приведённого отрывка – исключительно глубокое понятие с точки зрения американской культуры. Это и «американская мечта», вера в возможность каждого добиться успеха в жизни, и мечта, которая была у Мартина Лютера Кинга об обществе, свободном от пут расизма и дискриминации, и тот самый поиск счастья из Декларации о Независимости 1776 года. Тем не менее, все указанные реминисценции существуют в коннотативном поле самого слова *dream*, а не актуализируют связь с определённой областью внетекстовой реальности. Точно так же как семантическое наполнение самого концепта «мечта» зависит от исторического периода словоупотребления и культурного контекста, так же как и «дождь» для представителя российской культуры будет не совсем тем *rain*, к которому привык англичанин, поэтому мы не считаем, что в строке *Praying for a dream* отсутствует интертекстуальная отсылка. Несмотря на многообразие оттенков значений, описанное действие развивается в области языка, в отличие от этнонимов, отсылки к которым выводят читателя в область энциклопедических знаний.

Приведём примеры отсылок к другим типам референтов. Вот начало стихотворения Даффи ‘Education for Leisure’, лирический герой которого – гиперболизированный образ современного хулиганистого британского школьника:

Today I am going to kill something. Anything.
I have had enough of being ignored and today
I am going to play God. It is an ordinary day,
a sort of grey stirring in the street.

I squash a fly against the window with my thumb.
We did that at school. *Shakespeare*.
…

Вспомним слова Глостера из пьесы Шекспира «Король Лир»: ‘As f ies t w n t n b ys re we t th’ g s; / They ki us f r

their sp rt' (Act I , Scene 1). Цель использования отсылки – создание художественного образа путём проведения параллели между социальной ролью, которую выбирает себе подросток в отношении к окружающим и риторическим сравнением из пьесы Шекспира (по противопоставлению «gods / wanton boys» – «flies / people» в пьесе). Этот же пример демонстрирует два **способа введения интертекстуальной отсылки**: прямое упоминание имени (*Shakespeare*) и неявную аллюзию (*I squash a fly against the window with my thumb*).

Пример отсылки к популярной музыке находим в следующем отрывке из стихотворения 'Martial Choreograph' Майи Энджелоу, где не только упоминается имя популярного исполнителя Стиви Уандера, но и приводится цитата из его песни 'Do Like You', что демонстрирует третий **способ организации интертекстуальной связи**:

… y u n t he r the
bleat of triumphant war, its
roar is not in
your ears, filled with *Stevie Wonder*.

«*Show me like to do like you*
Show me how to do it».

Выделенные в примере музыкальные отсылки включены в группу референтов «искусство».

В самом общем случае референт интертекстуальной отсылки – человеческая культура, понимаемая как совокупность результатов и процессов целенаправленной деятельности человека по познанию и преобразованию окружающего мира, а также накоплению и передаче полученных знаний, охватывающая как материальную, так и духовную сферы. Поскольку отдельные элементы культуры наделены определённым значением и взаимосвязаны, то можно говорить о культуре как семиотической системе. Ю. М. Лотман писал: «С семиотической точки зрения культуру можно рассматривать

как иерархию частных семиотических систем, как сумму текстов и соотнесенного с ними набора функций» [2, с. 516].

Описанное понимание интертекстуальности очень близко к разрабатываемому в рамках филологической школы Московского университета понятию «вертикальный контекст». И. В. Гюббенет, удивительно тонких и глубокий филолог, стоявшая у истоков теории вертикального контекста и внёсшая огромный вклад в её развитие, писала: «вертикальный контекст – это принадлежность единицы текста. Любая единица текста, наглядно представляющаяся нам во всем разнообразии своих так называемых горизонтальных контекстов, может иметь еще и своеобразный вертикальный контекст, который непосредственно нашим чувствам недоступен» [1, с. 7]. Если горизонтальный контекст – непосредственное окружение единицы в потоке речи, то вертикальный контекст – это экстралингвистическая информация социального, исторического и культурного характера, на которую опирается автор в создании литературного произведения. Вопрос о составляющих вертикального контекста по-разному решается разными исследователями. Так, М. В. Михайловская пишет о составляющих вертикального контекста как о массиве «цитат, пословиц и поговорок, аллюзий, идиом, реалий, иноязычных внесений, вплетенных в ткань конкретного произведения речи, а также культурно-специфических коннотаций «обычных» слов» [3, с. 116]. Нам же представляется более рациональным пословицы, поговорки и идиомы считать неотъемлемой частью самого языка произведения речи, а никак ни его вертикальным контекстом или, в нашей терминологии, частью системы интертекстуальных отсылок. В то же время в вертикальный контекст стоит включить топонимы, лингвонимы, этнонимы наряду с другими «культурно-специфичными словами». Впрочем, этот вопрос нуждается в более детальном рассмотрении.

Интертекстуальные отсылки могут рассматриваться как один из показателей стиля (отдельного автора, художественного направления, литературного течения), причём они особенно важны в тексте стихотворения, поскольку именно здесь требования формы неумолимо накладывают ограничение на содержание. Характеристикой стиля может быть способ

организации отсылок, их функции в тексте и то, с какими именно текстами культуры, т. е. текстами подсистем, из которых и состоит культура как семиотическая система, устанавливаются интертекстуальные связи.

Анализ корпусов стихотворений Майи Энджелоу и Кэрол Энн Даффи приводит к выделению 18 антецедентов: географические отсылки (условно называемые топонимами), этнонимы и лингвонимы, иностранные слова и выражения, религиозные источники (разделяемые на христианство, ислам, буддизм и группу остальных религий), литература, фольклор, термины, массовая коммуникация (куда входят без разделения телевидение, кино и СМИ), классическая мифология, эргонимы (от греческого слова «работа», названия предприятий, торговых марок, организаций и т. д., т. е. всех собственных имён, связанных с хозяйственной деятельностью людей), спорт, политика, история, искусство (включая исполнительские и изобразительные искусства), и, наконец, реалии (культурно специфические материальные объекты). Такую классификацию подсказал сам материал исследования.

Для детализации группу «искусство» можно было бы разбить на исполнительское искусство, куда входят театр, танец и музыка (включая режиссуру, хореографию и композиторскую деятельность), и изобразительное искусство, которое включает живопись, графику, архитектуру, скульптуру. Этого не сделано, поскольку подобных отсылок не так много и излишняя детализация лишила бы представление материала наглядности.

В Таб. 1 представлено распределение всех интертекстуальных отсылок по группам референтов. Сопоставление данных показывает как сходные черты, так и существенные различия в системе референтов поэзии Энджелоу и Даффи.

Таблица 1. Доля референтов интертекстуальных отсылок в поэзии Майи Энджелоу (1) и Кэрол Энн Даффи (2), в %

N	Антецеденты	1	2
1	Топонимы	24.47	22.73
2	Этнонимы и лингвонимы	19.79	4.65
3	Иностранные слова	1.06	3.70
4	Библия и христианство	21.91	11.21
5	Ислам	0.43	0.53
6	Буддизм	0.43	0.21
7	Прочие религии	0.43	0.00
8	Литература	1.06	12.37
9	Фольклор	0.43	2.75
10	Термины	2.55	0.95
11	Кино и СМИ (в т. ч. телевидение)	1.70	3.17
12	Классическая мифология	0.85	2.64
13	Эргонимы	0.85	0.63
14	Спорт	0.64	0.11
15	Политика	1.70	0.53
16	История	8.30	9.09
17	Искусство	4.68	9.40
18	Реалии	8.72	15.33

Прежде всего, отметим, что для обоих поэтов самая большая группа референтов, занимающая почти четверть от всех отсылок, – топонимы. Это подчёркивает важность детализации в создании образов: стихи очень «конкретные», лишённые отвлечённых абстракций в образах. На втором месте для Энджелоу – христианство, для Даффи – реалии. Поэзия американской поэтессы оказывается более религиозной в своей художественности, а Даффи предпочитает детализацию, вписывая образы в бытовой культурный контекст. Третья по числу отсылок группа для Энджелоу – этнонимы и лингвонимы. Действительно, ей стихи более «многолюдны» – даже из приведённых примеров видно, как важно для неё представить широкую этническую картину современной Америки. Для Даффи эта группа оказывается незначительной по сравнению с

литературой и, лишь немного отстающим ей, христианством. А вот для американской поэтессы литература совершенно неважна, т. е. для стихов Даффи характера большая насыщенность литературными аллюзиями и реминисценциями.

Три наиболее значимые группы референтов для Энджелоу, топонимы, христианство, этнонимы и лингвонимы, составляют более двух третей, 66.17% всех отсылок. Для Даффи значимая тройка топонимов, реалий и литературы лишь немного превышает половину (50.43%) всех отсылок. Даже с прибавлением литературы (61.64%) две третьих не набирается, поскольку помимо главенствующих топонимов и реалий пять следующих по значимости групп референтов (литература, христианство, искусство и история) составляют около 10% каждая. История важна и для Энджелоу, но только после реалий.

Интересно, что среди «малых» референтов, доля которых в общем числе отсылок меньше 5%, для Энджелоу термины (‘Lighting a hundred *Watts* / Detroit, Newark and New York’) и политика (‘I’m a *cap’talist*, can you dig it?’) в три раза важнее, чем для Даффи, но для британской поэтессы более чем втрое существеннее оказываются иностранные слова и выражения (‘Consider / an Indian man in Delhi, Salaamat the *niyariwallah*’; niyariwallah на хинди означает «злой, бездарный, отталкивающий»), фольклор (‘for the like-minded *Bo-Peep*’) и классическая мифология (‘Right. That’s enough for. On with the *Muse*’).

Отметим, что у Даффи отсылок к религиям помимо христианства, буддизма и ислама – нет, а у Энджелоу – есть (например, к иудаизму через *rabbi* и древней индийской дхармической религии Джайнизм через *Jainist*).

Также представляет интерес показатель **плотности интертекстуальных отсылок**, который можно определить либо **по стихотворениям** как отношение числа стихотворений с отсылками к общему числу стихотворений (для Энджелоу 100/179=0.56, для Даффи 112/151=0,74) и **по строкам** как отношение числа отсылок к общему числу строк во всех стихотворениях (для Энджелоу 470/4782=0.10, для Даффи 946/5045=0,19). Показатель интертекстуальной плотности по

числу стихотворений 0.56 означает, что в среднем в двух стихотворениях будет одна отсылка, а показатель интертекстуальной плотности по строкам 0.10 означает, что в среднем на 10 стихотворных строк в тексте встречается одна отсылка. Поэзия Даффи оказывается более интертекстуальной по обоим показателям.

Литература

1. Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. М.: Изд-во МГУ, 1991. 206 с.

2. Лотман М. Ю. Семиосфера / М. Ю. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

3. Михайловская, М. В. К постановке вопроса о глобальном вертикальном контексте дискурса и его передаче в устном переводе / М. В.Михайловская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 115–122.

ДИСКУРС – ЗЕРКАЛО КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Ковалёв Валерий Иванович

ЛНР, Луганск, Луганский национальный университет имени Владимира Даля

kovalev477@gmail.com

DISCOURSE – THE MIRROR OF COMMUNICATIVE INDIVIDUAL

Kovalyov Valeriy Ivanovich

Lugansk, Lugansk Vladimir Dal National University

Автор анализирует различные подходы к определению коммуникативной личности. Даётся классификация, которая базируется на коммуникативной компетенции и результатах речевой деятельности. Автор доказывает, что коммуникативная личность более всего проявляется в дискурсе. Понятие «коммуникативная личность» следует включить в школьный курс русского языка.

Ключевые слова: дискурс, сильная коммуникативная личность, слабая коммуникативная личность, коммуникативная компетенция.

The author of the article analyses different approaches to the definition of n ti n «c mmunic tive in ivi u ». The c ssific ti n b s e n the communicative competence and speech activities is suggested. The author proves that communicative individual is mostly developed in the discourse. The

n ti n f «c mmunic t ive in ivi u » sh u be inc rp r te in «The urse f the Russi n ngu g e f r sec n ry sch s».

Keywords: discourse, strong communicative individual, poor communicative individual, communicative competence.

Антропоцентричный поворот языковедческих наук, начавшийся на исходе XX века и активно продолжающийся, привёл к существенному изменению проблематики исследований и понятийного аппарата. Одним из модных терминов в речеведении и лингводидактике XXI столетия стала **коммуникативная личность**. По сути, данное понятие является результатом конкретизации и углубления общепризнанной идеи Ю. Н. Караулова о языковой личности и её трёхуровневой структуре, включающей вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни [9, с. 43].

Гораздо меньше разработаны качественно-количественные оценочные характеристики этого понятия. Следует согласиться с выводом С. С. Тахтаровой, что коммуникативная личность представляет собою единство индивидуально-уникального и коллективно-стереотипного, социально-нормативного и лингвокреативного [14, с. 158].

В современных речеведческих дициплинах наметились три противоположных подхода к содержанию понятия **коммуникативная личность**.

Характерным примером первого является дефиниция О. В. Филипповой: «Коммуникативная личность – это человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности и способностей к общению» [15, с. 51]. Таким образом, ключевым семантическим элементом понятия выступает индивид как носитель определённого набора знаний, умений, компетенций, которые поддаются не только классификации, но и оценке.

Второй подход акцентирует внимание на продукции речевой деятельности, то есть вербальных отражениях общения (эта интерпретация восходит к работам В. В. Виноградова). Так, В. П. Конецкая видит в этом понятии «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью её индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью её коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном,

сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [11, с.169].

Третий подход ставит во главу дефиниции совокупность качеств и умений человека, актуальных для коммуникации. Иными словами, «устойчивую систему социальнозначимых свойств и качеств, характеризующих индивида как субъекта социальной коммуникации (коммуникативного актора)» [2, с. 189]. По нашему убеждению, аналогична позиция В. Б. Кашкина: «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессе коммуникации как коммуникативная компетенция индивида» [10, с. 54].

При всём различии указанных подходов – их можно и должно суммировать, так как, по нашему мнению, они описывают различные стороны одного сложного явления. Мы предлагаем следующую интегрирующую дефиницию.

Коммуникативная личность – это характерная для конкретного человека динамичная и диалектичная система соответствующих знаний, умений и навыков, которая формируется на основе обучения, опыта общения и самообразования, а проявляется в типичном для этого человека применении речевых тактик и языковых средств.

Иными словами, коммуникативная личность – это стиль общения, проявление индивидуальной коммуникативной компетенции. В более широком смысле – отражение личности в зеркале своих коммуникативных взаимодействий.

Кроме того, следует учесть, что в педагогическом дискурсе употребительна антитеза личность – не личность. Причём не только в теоретическом, но и в практическом аспекте, как форма объективной оценки. Очевидно, для организации эффективного коммуникативного образования следует расширить и дифференцировать оценочную базу рассматриваемого понятия, в первую очередь за счёт прилагательных.

Существующие классификации коммуникативной личности обычно базируются на психологических, этнокультурных и речеведческих критериях. Добавим, что многие авторы смешивают или употребляют синонимично термины **языковая** и **коммуникативная личность**.

О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина на основе индивидуальных особенностей высшей нервной деятельности разделяют коммуникантов на: 1) доминантных (стремящихся к лидерству); 2) мобильных (универсально коммуникабельных); 3) ригидных (поначалу стеснительных); 4) интровертных (безынициативных) [3, с. 189–198].

О. Б. Сиротинина строит классификацию на базе того, в какой мере человек владеет различными типами национальной речевой культуры: элитарной, среднелитературной, литературно-разговорной, фамильярно-разговорной, просторечной, народно-речевой. В идеале коммуникативная личность должна практически освоить «всю полноту языкового богатства» [13, с. 7].

В. И. Карасик в межкультурной коммуникации выделяет личности, для которых является естественным и типичным общение: 1) на родном языке; 2) на ксенолекте; 3) на изучаемом языке в учебных целях. В том же источнике есть ещё классификация, основанная на речевых идеалах человека: 1) эгоцентрическим личностям свойственны стремления к самопрезентации и красноречию, посредством установки на яркость и оригинальность языковых средств; 2) социоцентрические личности склонны к клишированности и социальной нормативности общения [8, с.142].

Близка к предыдущей классификация В. П. Нерознака: 1) стандартная языковая (по сути, и коммуникативная) личность, ориентированная на литературный язык; 2) нестандартная личность, которая часто отклоняется от принятых коммуникативных норм [12, с. 589].

И. Н. Горелов и К. Ф. Седов исходят из ведущей интенции речевого поведения: 1) конфликтный тип; 2) центрированный тип (точнее, эгоцентричный, нацеленный только на самовыражение);

3) кооперативный тип (ориентированный на следование принципам кооперативного общения по Г. П. Грайсу) [4].

Г. Г. Инфантова обращает внимание на то, что прилагательное *сильный* вошло в активный научный оборот, а также на то, что у этого понятия в современной лингвометодике есть важный для всех ее уровней практический аспект [6, с. 64]. Правда, она имеет в виду сильную языковую личность.

Ещё дальше в этом направлении идёт О. А. Кадилина. В своём кандидатском исследовании она доказывает, что в своих основных коммуникативных действиях языковая личность (и как автор речи, и как адресат) проявляет особенности индивидуального стиля, дающие основание оценивать её как 1) слабую; 2) усреднённую; 3) сильную (элитарную). Как видно, и здесь коммуникативная и языковая личность функционально тождественны.

В содержание понятия **сильная коммуникативная личность** диссертант включает следующие характеристики: умение выражать мысль не просто правильно, а ещё понятно и доступно для каждого конкретного адресата; развитый интеллект, позволяющий успешно осуществлять различные речемыслительные операции (анализировать, докладывать, обобщать, реферировать, возражать, прогнозировать и т. д.); соблюдение принципов кооперации, сотрудничества, вежливости и вообще культуры общения; эмоциональная устойчивость; целеустановка на эффективное общение в любой ситуации; развитые навыки самоконтроля и обратной связи; умение корректировать свои действия при первичной неудаче; понимание функций языковых средств; практическое владение основными коммуникативными стратегиями и тактиками; способность уклоняться от выполнения действий, вредных для себя; опыт в создании положительного имиджа; рефлексия; обаяние; умение просчитывать краткосрочные и долгосрочные цели общения, а также реакцию адресата; суггестивный потенциал; адаптивность [7, с. 9–10].

Кроме того, О. А. Кадилина считает универсальными для сильной языковой личности следующие свойства и умения, сформулированные Дейлом Карнеги: личная заинтересованность, искренность, доброжелательность и честность в любом

межличностном общении, активная демонстрация их проявлений; умение вызывать эмоции слушателей, апеллируя к их чувствам, насыщать речь эмоциональной мощью; конкретность, подъем и глубокая убежденность; способность заразить своим порывом и слушателей; как можно более полное понимание собеседника, своего рода проникновение в его личность, замыслы и мотивы речи; умение всегда говорить спокойно, очень мягко и дружелюбно, не допуская никакого принуждения и нажима; готовность к публичной самокритике для снятия лишнего напряжения в диалоге.

По нашему мнению, этот перечень нуждается в уточнении, обобщении, а главное – структурировании. Основным признаком, определяющим сильную коммуникативную личность, мы предлагаем считать эффективность её действий в реальном, неучебном общении. Если руководствоваться известной максимой *О действиях судят по результату*, то оценочного прилагательного *сильная* заслуживает личность, для которой типично: часто и бесконфликтно достигать своей цели в различных ситуациях при помощи коммуникативных средств.

По нашему выводу, для этого необходимым и достаточным является такой набор обобщённых свойств и умений: большой и разнообразный лексикон и грамматикон; понимание функций и потенциальных возможностей языковых средств; практическое владение основными речевыми жанрами (по М. М. Бахтину), знание правил и закономерностей успешного общения; наблюдение, анализ и самоанализ речевой деятельности; регулярно осмысляемый коммуникативный опыт…

Многоточие в конце перечня подчёркивает, что он рабочий и допускает дальнейшее уточнение. Однако в нашей экспериментальной работе со студентами и школьниками 5–11 классов мы исходили именно из сформулированных в предыдущем абзаце дефиниции и набора свойств.

Именно они обусловили программу, содержание и методику опытного развития коммуникативной личности учащихся. Её основными направлениями стали: создание и периодическое подкрепление мотивационной базы («Только сильная коммуникативная личность будет успешной в современном

глобально коммуникативном мире»); информирование об основных качествах сильной коммуникативной личности (с использованием наших научно-популярных статей, размещённых на сайте Открытой международной олимпиады школьников по русскому языку «Светозар»); формирование потребности и умения вести регулярное наблюдение и самонаблюдение; сочинение, редактирование и реализация текстов, которые принадлежат к актуальным речевым жанрам.

Наша исследовательская работа подтвердила целесообразность включения в учебно-познавательный процесс понятий **сильная** и **слабая коммуникативная личность**. Они становятся важными ценностными ориентирами для школьника. А критерием их различения является преобладающая успешность либо неуспешность в типичных ситуациях общения. Разумеется, при этом учитывается и этический аспект.

В результате экспериментальной работы получила подтверждение гипотеза о **дискурсе** как определяющем источнике оценки качества и уровня коммуникативной (языковой) личности. Именно регулярное наблюдение за реальной речевой деятельностью и её прагматическими результатами – позволяет квалифицировать и классифицировать её производителя.

В перспективе требуется разработать количественные показатели для данных качественных оценок. Кроме того, полезно унифицировать алгоритм (план) анализа дискурса для учебных заведений разных типов. Актуальные достижения науки заслуживают быстрого внедрения в практику преподавания, а через него – в интеллектуальный арсенал массового сознания.

Література

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

2. Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации: Учебное пособие / Д. П. Гавра. СПб.: Питер, 2011. 288 с.

3. Гойхман, О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. М.: ИНФРА-М, 2008. 272 с.

4. Горелов, И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 1997. 220 с.

5. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 194–200.

6. Инфантова, Г. Г. Сильная языковая личность: её постоянные и переменные признаки / Г. Г. Инфантова // Речь. Речевая деятельность.: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. А. Сеина. Таганрог, 2000. С. 63–69.

7. Кадилина, О. А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики: на материале текстов Д. Карнеги: автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – «английский язык» / О.А. Кадилина. Краснодар, 2011. 25 с.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с..

9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М.: Либроком, 2014. 264 с.

10. Кашкин. В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие / В. Б. Кашкин. М.: ФЛИНТА, 2013. 224 с.

11. Конецкая, В. П. Социология коммуникации: Учебник / В. П. Конецкая. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.

12. Нерознак, В. П. Языковая личность / В. П. Нерознак // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 587–591.

13. Сиротинина, О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление / О. Б. Сиротинина // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина. Н. Новгород, 1997. С. 7–12.

14.Тахтарова, С. С. Коммуникативная личность в параметрах смягчения / С. С. Тахтарова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 21. С.158–165.

15. Филиппова, О. В. Коммуникативная личность (содержание понятия и методика работы на уроке риторики)/ О. В. Филиппова // Русская словесность, 2002, № 5. С. 50–54.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Колесникова Ольга Вячеславовна,
Тарасевич Людмила Валентиновна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
olgakolesnikova128@gmail.com, Jumpinggrinch@yandex.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE SEMANTIC GROUP «EMOTIONAL STATE OF MAN» IN THE ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGY

Kolesnikova Olga Vyacheslavovna,
Tarasevich Lyudmila Valentinovna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье рассмотрены фразеологизмы со значением эмоционального состояния человека. Выявлены основные модели, лежащие в основе формирования эмотивных фразеологизмов. Лингвокультурологический анализ позволяет выявить национально-культурную специфику репрезентации эмоций во фразеологической картине мира русского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, эмоциональное состояние человека, национально-культурная специфика.

The article contains phraseological units with the meaning of a person's emotional state. Key models form the basis for the formation of emotive phraseological units. Lingvokulturologicheskiy analysis allows to reveal the national-cultural specificity of the representation of emotions in the phraseological picture of the world of the Russian language.

Keywords: phraseologism, linguoculturology, emotional state of a person, national and cultural specificity.

Одной из важных задач современного языкознания является изучение взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры. (В. Н. Телия, В. В. Воробьёв, В. М. Мокиенко, Е. М. Верещагин, В. А. Маслова и др.). Продуктом такого взаимодействия, в первую очередь, являются фразеологизмы.

Изучению фразеологии со значением эмоционального состояния человека посвящены труды таких известных лингвистов, как М. Л. Ковшовой, В. А. Масловой,

Ю. Ф. Прадида, В. Н. Телия, А. М. Эмировой и многих других.

Объектом исследования являются фразеологические единицы со значением эмоционального состояния человека.

Цель исследования – раскрыть природу фразеологизмов, описывающих негативные эмоции в лингвокультурогическом аспекте.

Анализ фактического материала позволил выявить основные модели, на которых базируются эмотивные фразеологизмы: (далее – ФЕ):

1) имя существительное + прилагательное (*скрежет зубовный* – выражение эмоции негодования; *милое дело* – выражение неудовольствия, возмущения);
2) существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже (*муки тантала* – «страдания, вызываемые созерцанием желанной цели и сознанием невозможности её достигнуть»);
3) существительное в именительном падеже + предложно-падежная форма существительного (*камень на сердце (на душе)* – «кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство»; *свинец на душе* – «кто-либо испытывает гнетущее, тяжёлое чувство»; *мороз по коже* – «возникает неприятное ощущение от страха»);
4) глагол + имя существительное (*кровь кипит* – «кто-либо пребывает в состоянии гнева»; *иметь зуб* – «испытывать гнев, недовольство кем-либо»);
5) глагол + примыкающее наречие и мн. др. (*стоять поперёк горла* – «раздражать кого-либо»; *смотреть косо* – «выражать недовольство, таить злобу против кого-либо»).

Проанализировав все модели, мы установили, что наибольшую часть составили фразеологизмы последней группы.

Идеографический подход к исследованию эмотивных ФЕ позволил распределить их по следующим группам: 1) Гнев. Ярость (*будь неладен* – восклицание, выражающее крайнее неудовольствие кем-либо, чем-либо); 2) Страдание. Мука (*свет не мил* – «кто-либо страдает, мучается»); 3) Беспокойство. Тревога (*бить в набат* – «проявлять беспокойство, тревогу, предупреждая о грозящей опасности»; 4) Страх. Ужас

(*вколачивать / вколотить душу в пятки* – «внушать страх, боязнь кому-либо»; 4) Отчаяние. Безысходность (*ломать руки* – «впадать в отчаяние»)[8, с. 195–206].

Наиболее многочисленной является группа со значением «гнев, ярость».

Лингвокультурологический подход к изучению ФЕ данной семантики позволил выявить их национально-культурную специфику и рассмотреть основные семантические модели, лежащие в основе формирования фразеологизмов:

1) Образ, основанный на оппозиции «верх – низ» [2, с. 143]: *камень с души (с сердца) свалился* – «о чувстве душевного облегчения, избавления от чего-либо гнетущего, тягостного, неприятного»; *ад кромешный на душе* – «кому-либо мучительно тяжело».
2) «Душа – вместилище эмоций» [2, с. 147]: *душа не принимает* – «кто-либо испытывает большое отвращение к кому-либо, чему-либо»; *душа болит* – «кто-либо страдает». В структуре таких ФЕ выделяется соматизм *душа,* соотносимый с религиозно-антропным кодом культуры, указывающим на весь комплекс представлений о душе как эмоциональном центре человека.
3) «Сердце – источник средоточия чувств» [2, с. 152]: *сердце кровью обливается* – «невыносимо сильное ощущение душевной боли»; *сердце падает / упало* – «неожиданно возникает чувство испуга, тревоги, отчаяния». В структуре этих ФЕ выделяется соматизм *сердце*, соотносимый с телесно-антропным кодом культуры, который указывает на всю совокупность представлений о сердце не только как о центре физической жизни человека, но и как о средоточии чувств и желаний.
4) «Голова – вещь (инструмент)» [2, с. 159]: *хоть головой об стену (стенку) бейся* – «выражение отчаяния, бессилия»; *хоть в пень головой* – «выражение бессильной досады, отчаяния».
5) Образ, основанный на отождествлении переживания негативных эмоций с физическими ощущениями: *зуб на зуб не попадает* – «кто-либо дрожит от сильного страха»; *ни жив ни мёртв* – «кто-либо очень напуган».

6) Образ, основанный на отождествлении переживания негативных эмоций с физиологическими изменениями в организме: *поджилки трясутся / затряслись* – «кто-то очень напуган»; *бросало в дрожь* – «кто-либо очень напуган».
7) «Переживание сильных эмоций приводит к деформации части тела или органа человека» [2, с. 170]: *кровь кипит* – «кто-либо пребывает в состоянии гнева»; *наливаться / налиться кровью* – «краснеть от возмущения, гнева».
8) «Сильное эмоциональное переживание – готовность к крайним мерам» [2, с. 176]: *хоть ложись да помирай* – «выражение отчаяния, бессилия»; *хоть плачь* – «выражение отчаяния, бессилия».
9) «Демонологический дух – источник крайнего выражения негативных эмоций» [2, с. 182]: *какого чёрта* – «употребляется для выражения гнева, недовольства»; *кой (какой) чёрт* – «выражение сильного раздражения, неудовольствия».

Образ «демонологический дух – источник крайнего выражения негативных эмоций». Чёрт предстаёт как антропоморфно-зооморфное, во многом подобное человеку, но сходное и с животным существо, покрытое чёрной шерстью, с рогами, хвостом и копытами, которое постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняя мелкие неприятности.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Фразеология располагает богатыми возможностями передачи эмоциональных состояний человека. Это может быть объяснено, во-первых, той исключительно важной ролью, которую играют эмоции в жизни человека, мотивируя и регулируя его поведение, накладывая отпечаток на всю жизнь. Во-вторых, эмоциональные состояния имеют яркое внешнее проявление в мимике, жестах, поведении и т. д. Экспрессивная сторона эмоций делает их легко доступными восприятию людей.

2. Семантика фразеологизмов анализируемой группы отличается своеобразием. Значение большинства ФЕ сложно и многогранно, фразеологизмы называют то или иное состояние

не однозначно, как слово, а передают своеобразное «смешение состояний», целую гамму переживаний. Здесь наглядно проявляется связь семантики ФЕ с экстралингвистическими явлениями, языковым отражением которых данные фразеологизмы являются.

3. Идеографический подход к исследованию фактического материала позволил представить основные семантические группы, по которым распределяются фразеологизмы: «Гнев. Ярость», «Страдание. Мука», «Беспокойство. Тревога», «Страх. Ужас», «Отчаяние. Безысходность».

4. В результате лингвокультурологического анализа эмотивных фразеологизмов были установлены их связи с различными кодами культуры, в большинстве случаев: с антропным, телесным, деятельностным и зооморфным. При этом связь с зооморфным кодом, как правило, порождает ярко выраженные отрицательные коннотации фразеологизмов. Выявлены базовые архетипические оппозиции, на которых основаны образы исследуемых ФЕ: «верх – низ», «внутреннее пространство – внешнее пространство», «разум – чувственное начало».

5. Выявлена национально-культурная специфика исследуемых единиц путём описания основных семантических моделей, лежащих в основе формирования фразеологизмов, таких как: «Душа – вместилище эмоций», «Сердце – источник средоточия чувств», «Голова – вещь (инструмент)», «Переживание сильных эмоций приводит к деформации части тела или органа человека», «Сильное эмоциональное переживание как готовность к крайним мерам», «Демонологический дух – источник крайнего выражения негативных эмоций», модели, основанные на отождествлении переживания негативных эмоций с физическими ощущениями и физиологическими изменениями в организме.

Литература

1. Апресян, В. Ю. Уступительность в языке / В. Ю. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 615–713.

2. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2007. С. 143–198.

3. Лук, А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. М. : Знание, 1982.

176 с.
4. Маслова, В. А. Преданья старины глубокой в зеркале языка / В. А. Маслова. М. : Пейта, 1997. 128 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : А Темп, 2006. 944 с.
6. Прадид, Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: эмоции человека / Ю. Ф. Прадид. Симферополь : Редотдел Крымского комитета по печати, 1994. С. 5–206.
7. Телицин, В. Л. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Л. Телицин. М. : ЛОКИД-ПРЕСС, 1999. 576 с.
8. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка / В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
9. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. СПб. : Специальная Литература, 1996. 192 с.

.

ДЕШИФРОВАЛЬНАЯ МАТРИЦА ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА «ЗАВОД, СВЯЗАННЫЙ С СОЗДАНИЕМ ТЕХНИКИ»

Крестьянинова Екатерина Сергеевна
ДНР, Донецк, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
katyakrest@mail.ru

DECIPHERING MATRIX OF THE ONOMASIOLOGICAL CLASS «ЗАВОД, СВЯЗАННЫЙ С СОЗДАНИЕМ ТЕХНИКИ»

Krestyaninova Ekaterina Sergeevna
DNR, Donetsk, Donetsk National University

Исследование посвящено описанию процессов формирования набора дешифровальных стимулов для сложносокращённых слов, входящих в аббревиатурное гнездо «завод». Автором рассматриваются дешифровальные матрицы ономасиологического класса «завод, связанный с созданием техники». Устанавливается влияние баланса индексов на позицию дешифровального стимула в дешифровальной матрице.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, ономасиологический класс.

The article is devoted to the description of the processes of forming a set of deciphering stimuli, for complex words that are included in the abbreviation «завод» s cket. The uth r c nsi ers the eciphering m t rices f the n m s i gic c ss «завод, связанный с созданием техники». We est b ish

the effect of the balance of indices on the position of the deciphering stimulus in the deciphering matrix.

Keywords: abbreviation, deciphering stimulus, onomasiological class.

Целью предлагаемой статьи является сопоставление набора дешифровальных стимулов (далее – ДС), которые обнаружены у слов из ономасиологического класса (далее – ОК) «завод, связанный с созданием техники», входящих в аббревиатурное гнездо «завод». Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: уточнить понятия «аббревиатурное гнездо» и «дешифровальная матрица», выявить совпадающие и различающиеся зоны дешифровальных матриц (далее – ДМ) слов, входящих в гнезда эквивалентности (далее – ГЭ) рассматриваемого ОК.

Гнездо эквивалентности (далее – ГЭ) – это деривационно связанные между собой эквивалентные единицы, способные к взаимозамене в эквивалентных текстах (далее – ЭТ) [4, с. 100]. В ходе работы Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) было выявлено, что аббревиатуры, входящие в один и тот же ОК, потенциально могут иметь одинаковый набор стереотипных моделей расшифровки сложносокращенного слова (далее – ССС), которые мы, вслед за В. И. Теркуловым, называем дешифровальными стимулами (ДС) [3, с. 19]. Например, ССС *гофроконтейнер* имеет такие текстовые синтаксические эквиваленты, как *контейнер из гофрированного картона, контейнер из гофрокартона, гофрокартонный контейнер*. Такие же ДС обнаруживаем, например, у слова *гофрокогтеточка* (*когтеточка из гофрированного картона, когтеточка из гофрокартона, гофрокартонная когтеточка*).

Гнезда эквивалентности с тождественным базисом (например, *автозавод, бумзавод, химзавод, фармзавод* и др.) формируют аббревиатурное гнездо (в нашем случае – *завод*).

Дешифровальная матрица (ДМ) – это совокупность ДС внутри ГЭ. ДМ не всегда реализуются в «чистом», идеальном виде: обнаружить совпадения дешифровальных матриц оказывается часто достаточно трудно. Тождество дешифровальных матриц обеспечивается ономасиологическим тождеством аббревиатур. Например, сходная ДМ может быть

у ***нефтезавода*** и ***молокозавода*** (трансгрессивное значение признака), но не у ***нефтезавода*** (трансгрессив: по переработке) и, например, ***автозавода*** (дестинатив: по производству).

По мнению М. Докулила, ономасиологическая модель имеет двухчастную структуру, то есть включает ономасиологический базис (далее – ОБ) и ономасиологический признак (далее – ОП) [1]. ОБ указывает на определённый понятийный класс – родовое понятие (для ОК «завод, связанный с созданием техники» отмечается один ОБ – «предприятие»), ОП – на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (для рассматриваемого класса отмечается ОП «техника»).

В отличие от словообразовательного гнезда, представляющего «упорядоченную совокупность однокоренных дериватов, связанных отношениями производности с одним непроизводным (базовым) словом – вершиной данного гнезда» [2], ССС и деривационно связанные с ними словосочетания связываются эквивалентными отношениями, при которых «значение производящего и производного совпадают» [5, с. 112], то есть отношениями взаимозаменяемости единиц в сознании говорящего, дающими возможность как равнозначного, так и неравнозначного их выбора в зависимости от интенции.

Равнозначную замену аббревиатуры в ЭТ обеспечивает презентативный дешифровальный стимул (ПДС), представляющий собой простое прилагательное, которое может свободно взаимозаменяться в текстах как с абброконструктом, так и с другими дешифровальными стимулами. Такой ДС отмечается во всех гнёздах эквивалентности описываемого ОК. Например: «***Автозавод*** *«Урал» перешел на 4-дневную неделю из-за падения спроса –* ***Автомобильный завод*** *«Урал», принадлежащий группе ГАЗ, перешел на четырехдневную рабочую неделю из-за изменения спроса на рынке полноприводной техники*» [https://snob.ru/news/155755]; «*Харьковский* ***велозавод*** *(заголовок) – Харьковский* ***велосипедный завод*** *– советское и украинское промышленное предприятие в Коминтерновском районе Харькова*» [https://ru.wikipedia.org/wiki].

Неравнозначную замену аббревиатуры в ЭТ реализуют модификационные интерпретативные ДС (модификативы), то

есть такие ДС, которые распространяет и уточняет структуру аббревиатуры и её значение. Обнаружить их в ЭТ с аббревиатурой проблематично. Будучи структурно сложнее аббревиатур, модификативы расширяют семантику аббревиатурного слова. Например, ССС ***автозавод*** (ПДС – ***автомобильный завод***) в ряде общих текстов имеет эквивалентное словосочетание ***автосборочный завод***. В отличие от отношений перезентативной эквивалентности, где ССС и его текстовый эквивалент могут взаимно заменять друг друга в текстах, модификативы формируют привативную оппозицию с немаркированным компонентом – аббревиатурой. Иначе говоря, им свойственна только односторонняя замена в тексте (как подведение частного под общее): *В Украине ликвидировали крупный* ***автозавод*** *по иску «Альфа-банка» – Кременчугский* ***автосборочный завод*** *закрыт* [https://ubr.ua/ukraine-and-world/events/v-ukraine-likvidirovali-krupnyj-avtozavod-po-isku-alfa-banka-3862570]. В таком случае слово заменяется словосочетанием в эквивалентном тексте, но словосочетание заменяет слово только в том тексте, в котором речь идёт именно об автосборочном заводе, поскольку существуют также автостроительные, авторемонтные заводы.

Анализ позволил выделить 7 гнезд эквивалентности из ОК «завод, связанный с созданием техники» (*авиа-, авто-, вагоно-, вело-, маш-, станко-, судозавод*).

Чтобы определить значимость ДС данных ГЭ в структуре дешифровальной матрицы, необходимо осуществить квантитативный анализ, предложенный В. И. Теркуловым для диахронического анализа аббревиатурных слов. Данный анализ осуществляется путём определения баланса индексов упоминания аббревиатурного слова и его эквивалента в поисковых системах.

Под балансом индексов (далее – БИ) понимается «частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [3, с. 18–19]. Если баланс индексов больше 1, это значит, что словосочетание употребляется в поисковых машинах реже слова. Это свидетельствует о вытеснении аббревиатурным словом производящего словосочетания (встречается крайне редко) либо

о вторичности этого словосочетания. Если БИ меньше 1, это значит, что аббревиатурное слово употребляется реже словосочетания, которое в таком случае является первичным по отношению к ССС. Например, можно говорить о том, что аббревиатура ***автозавод*** образовалось путем «сворачивания» словосочетания ***автомобильный завод***, поскольку БИ здесь равен 1. Встречаются случаи, когда модификатив имеет самый низкий БИ по отношению к другим ДС. Например, аббревиатура ***судозавод***, вероятнее всего, образовалась от словосочетания ***судостроительный завод*** (БИ – 0,1), но не от презентатива ***судовой завод*** (БИ – 104), возникшего в результате «развёртывания» аббревиатуры и являющегося социально незначимой её псевдоунивербализационной трактовкой. Схожую ситуацию наблюдаем у ***машзавода*** – ***машиностроительный завод*** (БИ – 0,3), ***машинный завод*** (БИ – 75), а также ***станкозавода*** – ***станкостроительный завод*** (БИ – 0,4), ***станочный завод*** (БИ – 482). От ДС с наиболее низким БИ (не от аббревиатуры) исходят эквиваленты, подчиняющиеся доминантному/детерминантному ДС, который имеет потенциально больше деривационно связанных эквивалентов, нежели само ССС. Например, ССС ***машзавод*** не встречается в ЭТ со словосочетанием ***завод машиностроения***, в отличие от ***машиностроительного завода***: «***ЗАВОД МАШИНОСТРОЕНИЯ*** (заголовок) – *Современное техническое оснащение* ***машиностроительного завода*** *позволяет выполнять работы любой сложности* [http://ksmnw.ru/nashi-uslugi/mashinostroenie/mashinostroitelnyj-zavod.html]. Поэтому нами принято выделять *косвенно* эквивалентный текст – один текст, в котором как абсолютные синонимы употребляются разные эквиваленты аббревиатуры, но аббревиатура не используется.

ДС рассматриваемого ОК можно распределить по следующим подгруппам:

1. Заводы по производству (***завод по производству авиалайнеров*** / ***автомобилей*** / ***автомашин*** / ***вагонов*** / ***велосипедов*** / ***станков*** / ***судов***).

2. Заводы по изготовлению (***завод по изготовлению автомобилей*** / ***вагонов*** / ***велосипедов*** / ***станков*** / ***судов***).

3. Заводы по выпуску (***завод по выпуску автомобилей***/ ***автомашин*** / ***вагонов*** / ***велосипедов*** / ***станков*** / ***судов***).

4. Заводы по сборке (***авиасборочный*** / ***автосборочный*** / ***вагоносборочный*** / ***станкосборочный*** / ***судосборочный завод***; ***завод по сборке автомобилей*** / ***автомашин*** / ***вагонов*** / ***велосипедов*** / ***станков*** / ***судов***).

5. Заводы по ремонту (***авиаремонтный***/ ***авторемонтный***/ ***вагоноремонтный***/ ***станкоремонтный***/ ***судоремонтный завод***; ***завод по ремонту вагонов***/ ***станков***/ ***судов***).

6. Заводы по строительству (***авиастроительный*** / ***автостроительный*** / ***вагоностроительный*** / ***машиностроительный*** / ***станкостроительный*** / ***судостроительный завод***; ***завод по строительству вагонов*** / ***станков*** / ***судов***; ***завод авиастроения*** / ***вагоностроения*** / ***машиностроения / станкостроения*** / ***судостроения***).

Существование ДС не предполагает обязательного заполнения его позиции в ДМ. Наличие у аббревиатуры эквивалента признается только в том случае, когда баланс индексов его общего употребления (частное от деления количества употреблений аббревиатуры на количество употреблений словосочетания) не превышает 500 (при минимальном количестве употреблений – 100). Например: *В центре Челябинска мог появиться крупный* ***авиазавод*** *– На месте парка отдыха имени Юрия Гагарина в послевоенном Челябинске мог оказаться крупный* ***авиасборочный завод*** [https://ura.news/news/34403]. *Авиазавод* и *авиасборочный* завод, хоть и встречаются в ЭТ, однако их баланс индексов составляет 910, что значительно превышает «порог» в 500 единиц.

В ходе работы было выявлено, что вершиной гнезда эквивалентности для описываемого ОК является ДС с наиболее низким балансом индексов. Полученные результаты могут послужить хорошей базой для дальнейших изучений. Структуре ДМ, как показал анализ, присуща иерархия, то есть детерминация, последовательность уровней, определенность.

Основной целью дальнейших исследований в данной области является выявление механизма структурирования ДС.

Литература

1. Докулил, М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроизводства : резюме (на русском языке) / М. Докулил. Прага, 1962. 114 с.

2. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Изд. 5-е, испр. и дополн. Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. 486 с.

3. Теркулов, В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. Вып. 3 (29) : Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. С. 13–25.

4. Теркулов, В. И. Гнёзда эквивалентности сложносокращённых слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : ежеквартальный научный журнал. № 3 (19). Владикавказ, 2015. С. 99–105.

5. Филиппова, Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : уч. пособие / Л. С. Филиппова. М. : Флинта : Наука, 2009. 248 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ СЕМАНТИКИ АКТАНТОВ НА СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА-ПРЕДИКАТА

Кручинкина Нина Дмитриевна

Россия, Саранск. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

ndk-07@mail.ru

THE FEATURES OF THE IMPACT OF ACTANTS SEMANTICS ON THE SIGNIFICANCE OF THE VERB-PREDICATE

Kruchinkina Nina Dmitrievna

Russia, Saransk,

National research Mordovia state University N. P. Ogarev

В статье на примерах французского и русского языков показано, как в синтагматике пропозитивной структуры осуществляется воздействие семантики функциональных партиципантов предложения – актантов – на

семантику глагола-предиката в соответствии с универсальным принципом семантического согласования.

***Ключевые слова*:** актант, семантическое согласование, глагол-предикат, предложение, семантический признак.

The article shows, by the examples of French and Russian languages, how in the syntagmatics of propositive structures materializes the influence of the semantics of functional participants of a sentence – actants – on the semantics of verb-predicates, in accordance with the universal principle of semantic agreement.

***Keywords*:**: actant, semantic agreement, verb-predicate, sentence, semantic trait.

Так как предложение в функциональной традиции отечественной лингвистики считается базовой коммуникативной единицей, уже этот факт логически поднимает его статус как синтаксической единицы на семантический уровень. Известный французский синтаксист Л. Теньер фактически рассмотрел в известном труде оба эти плана предложения [19]. С одной стороны, он показал, как синтаксически системно рассматривать структурную парадигму предложения, с другой – охарактеризовал предложение образно как драму – событийно, то есть увидел в нём и семантически целостную составляющую функциональной синтаксической структуры [19, с. 102].

Это, вполне возможно, сыграло свою роль в дальнейшем в развитии в отечественной лингвистике синтаксической семантики [11, с. 76–77], в которой было принято считать предложение базовой единицей синтаксической семантики [12, с. 37–39]. Ономасиологический подход к этой базовой единице синтаксической семантики позволил считать его полным (событийным) знаком, который обладает своей функциональной синтаксической структурой и своим функциональным событийным содержанием [5, с. 14–18; 13, с. 9–10].

Л. Теньер синтаксическую иерархию предложения считал вербоцентрической и построил на этом принципе синтаксических отношений категоризацию функциональных структур предложения. Впоследствии принявший актантную теорию Л. Теньера, развивший её описание и в семантическом аспекте при анализе языков разных типов Ж. Лазар представил и другой взгляд многих лингвистов на проблему синтаксического центра предложения [16, с. 100–109; 17, с. 97–104] как создаваемого

предикативной связью подлежащего и сказуемого. Необходимо сказать и о продуктивности идей актантной теории Л. Теньера. Другие лингвисты продолжили развивать в своих исследованиях многие положения его теории, в том числе и идею базового свойства синтагматического потенциала языковых единиц и глагола в первую очередь – валентность уже не только в функционально-синтаксическом, но и в функционально-семантическом плане [21]. О влиянии актантов на семантику глаголов во внутрисловной парадигме в русском языке см. [14].

Анализ актуализации вариантов семантического содержания глаголов-предикатов в предложениях как французского, так и русского языков показывает, что направление семантизации глагола как части речи и как функциональной составляющей предложения происходит центростремительно. Это означает, что семантика глагольных лексем в предикативной функции при синтагматической актуализации зависит от грамматической и лексической семантики, тех функциональных составляющих синтаксической структуры предложения, с которыми глагол-предикат находится в отношениях, по терминологии Ю. Д. Апресяна, сильного глагольного управления [1, с. 32–49].

Отношениями сильного синтаксического управления характеризуются в первую очередь отношения глагола-предиката с прямым дополнением, которые обосновывают его потенциал прямопереходности. Поэтому в семантическом плане наибольшее влияние на синтагматический вариант значения глагола-предиката как переходного глагола оказывает изменение семантики второго актанта, то есть прямого дополнения [10, с. 313–316] (ср.: *La femme glissa l'enveloppe au livreur* (Dictionnaire des verbes français) / *Женщина передала конверт отправителю*. *Pour son anniversaire, on lui a donné un disque* (Dictionnaire du fr nç is n gue tr ng ère). / *На день рождения ему подарили пластинку*. Актанты с предметным значением *l'enveloppe, un disque* / *конверт, пластинку* определяют предметное значение глаголов-предикатов *glissa, a donné, передала, подарили*. Семантически все эти глаголы эквивалентны французскому *donner* и русскому *дать (давать)* с функциональной классемой адресации, значение которой актуализируется в приведённых

примерах трёхактантной функциональной структурой предложений.

При использовании вторых актантов с непредметным значением глагол-предикат реализует непредметный вариант парадигматического значения: *Elle lui glissa un mot à l'oreille* (R bert m th ique) / *Она шепнула ему на ушко какой-то секрет. Je vous donnerai ma réponse dans deux jours* (Dictionnaire du fr nç is n gue t r ng ère) / *Я дам тебе ответ через несколько дней*. В обоих языках в этих примерах в роли второго актанта (прямого дополнения) уже выступают лексемы с информационным значением. В результате в глаголах-предикатах проявляется не предметное, а информационное значение: глагольные лексемы семантически соответствуют архилексемам *dire / сказать*. Как и в предыдущем случае, синтаксически вторичные значения глаголов-предикатов реализуются в идентичных – трёхактантных – функциональных структурах предложений.

Подобное синтагматическое изменение первичного значения глагола-предиката происходит и при изменении лексико-грамматического содержания позиции первого актанта и, возможно, вместе с этим и второго актанта. Покажем это на примерах одних и тех же глагольных лексем в пропозитивных функциях глаголов-предикатов: *Au cours de l'attaque de la banque, un passant a été blessé* (Dictionnaire du français langue trangère): семантический инвариант [6, с. 22–26] – Au c urs e ' tt qu e e banque on b ess un passant . *В ходе атаки ранило одного прохожего.* / *Ma remarque l'a blessé*... (Dicti n n i re u fr nç is n gue tr ng ère). *Мое замечание его ранило* (глубоко обидело). *Vous m'avez écrasé un pied* (Dicti nn ire e fr nç is). *Вы мне раздавили* (отдавили) *ногу* / *Le peuple était écrasé d'impôts* (Le Petit Robert): семантический инвариант – Les impôts nt cr s le peuple. *Народ был раздавлен* (задавлен) *налогами.*

В первых примерах каждой из приведенных пар с идентичными глагольными лексемами в функции глаголов-предикатов (сказуемых) в роли агентов действия во французском языке референциально выступают физические лица, а в роли испытывающих их воздействие конкретное физическое лицо (*un passant, прохожий*) и конкретный орган тела (*un pied, нога*). В

такой лексико-семантической дистрибуции глаголы-предикаты *a été blessé*, *avez écrasé, ранило* ассимилируют значения физического воздействия. В примерах *Au cours de l'attaque de la banque, un passant a été blessé* и *В ходе атаки ранило одного прохожего* дополнительным лексико-семантическим маркером, позволяющим интерпретировать значение глагола-предиката как физическое воздействие являются и синтаксемы *au cours de l'attaque* и *в ходе атаки* со значением временнóго действия.

Во вторых примерах каждой из пар французского и русского языков в семантической функции агентов действия выступают не реальные референты, а отглагольные имена со значением речевого воздействия *remarque, замечание,* имя явления *impôts, налоги.* В роли же объектов воздействия выступают имена лиц в коллективном (*peuple, народ*) или заместительном (*l', его*) обозначении. Функционально в такой именной дистрибуции имена первых актантов в данном случае выступают в семантической функции причины воздействия на лиц, и глаголы-предикаты семантически и онтологически обоснованно приобретают значение психологического воздействия.

Такие проявления семантической зависимости от лексико-семантического окружения синтагматического значения глагола семантически являются вполне закономерными потому, что в противном случае имели бы место референциально-семантические аномалии.

Подчинительные отношения между конституентами в синтагматике имеют универсальный характер. Они проявляются на разных языковых уровнях как манифестация комбинаторики. Например, на фонологическом уровне синтагматическая субординация звуков проявляется в явлении ассимиляции.

На грамматическом уровне наиболее жёсткая многомерная субординация характеризует отношения прилагательного и существительного, когда прилагательное оформляется морфологически в тех же грамматических категориальных признаках, что и существительное, от которого прилагательное грамматически зависимо. Такая грамматическая зависимость прилагательного называется согласованием.

Если объяснять сущность грамматического согласования в терминологии структурной лингвистики, то она заключается в том, что классемы рода, числа или рода, числа и падежа существительного ассимилируются прилагательным, однако формы проявления этих классем в виде флексий у существительного и прилагательного различны: они имеют разные формальные парадигмы проявления этих категорий.

По аналогии с этим видом жёстких подчинительных отношений те виды синтагматического семантического уподобления глагола-предиката, которые были рассмотрены выше, были названы согласованием в его семантической разновидности – семантическим согласованием [2, с. 443; 4, с. 380; 7, с. 25]. В этом случае семантически главный конституент синтагмы инициирует включение в синтагматически зависимый конституент один или несколько семантических признаков семантической структуры своего значения. Таким образом, семантически главный и семантически зависимый конституенты синтагмы имеют в результате общий семантический синтагматический сегмент, который позволяет В. Г. Гаку вполне мотивированно назвать его синтагмемой [4, с. 376; 7, с. 23; 8, с. 281], которую он оценивает как «связующий семантический компонент».

Очевидно, синтагматическая избыточность в большей или меньшей степени характерна для любого языка синтетического или аналитического строя. Поэтому вполне объяснимо, почему Ш. Балли описывает этот факт достаточно детально на грамматическом уровне. Лингвист называет такого рода грамматическую избыточность обязательным грамматическим плеоназмом [3, с. 169–172].

Обязательный грамматический плеоназм характеризуется неоднократной грамматической манифестацией одной и той же категории. Так, например, во французском языке для обозначения лица глагола-предиката используется личное местоимение и флексия или форма глагола в глагольной лексеме: *nous partons; il est content.* В русском языке примером обязательного грамматического плеоназма является, например, употребление флексий рода, числа и падежа одновременно и в существительном и в грамматически зависимом от него

прилагательном: *появиться в красивом голубом платье*; *майскими короткими ночами*; *принадлежать перу великого русского писателя*.

Синтагматическая комбинаторика не может не интересовать лингвистов в рамках актуализации процесса субординативных отношений. Синтагматическая сочетаемость компонентов синтагм – важнейшая проблема и семантической синтагматики. Этот феномен – основа функционирования любого языка в синтагматическом плане.

В разные периоды развития лингвистики это явление рассматривалось в разных вариантах проблемы. В период фиксации интереса к словосочетанию внимание было обращено, например, на взаимодействие конституентов синтагм на лексико-семантическом уровне, что позволило, например, Э. Косериу описать так называемые лексические солидарности [9, с. 93–104]. В его понимании для них характерны одинаковые семантические признаки в главном и зависимом членах словосочетаний. Он расклассифицировал их по степени лексической зависимости конституентов.

В период господства идей структурной лингвистики развитие теории синтагматических отношений языковых единиц и, соответственно, описание закономерностей синтагматических семантических отношений уже и на базе пропозитивных номинантов происходило на структурированной семантической основе в рамках атомистической теории морфологической семантики [13].

Структурирование значения и изучение компонентов значения привело и к выявлению глубинных причин лексико-семантической сочетаемости. Анализируя морфологию процесса семантической комбинаторики, лингвисты выявили итерацию семантических признаков (компонентов значения, семантических множителей) одного элементарного содержания, которые были поэтому мотивированно названы изотопами, или изосемами, а сами феномены, соответственно, изотопией (*isotopie*) [13, с. 69–72] и изосемией (*isosémie*) [18, с. 41]. Практически кроме различия во внутренней форме эти обозначения в содержательном аспекте соответствовали тому феномену,

который затем В. Г. Гак и обозначил термином семантическое согласование.

Адепты использования семантической морфологии, то есть атомизации значений лексем фактически приходят к тому же мнению относительно необходимости итерации элементарных семантических признаков (сем), что и Ш. Балли, отмечавший обязательность грамматического плеоназма. А.-Ж. Греймас мотивирует эту необходимость тем, что наличие изотопии избавляет от асемантичности высказываний [15, с. 111–112]. Б. Потье придерживается того же мнения, считая, что изосемия обеспечивает семантическую гармонию («*L'harmonie sémantique… entre plusieurs lexies*») [18, с. 41].

В структурной семантике отмечается, что с точки зрения морфологической семантики грамматическая и лексико-семантическая субординация принимает за основу такие семантико-морфологические дихотомические признаки имён существительных как *конкретность* /*абстрактность*; *одушевлённость* / *неодушевлённость*; *антропонимичность* / *зоонимичность* / *неантропонимичность*; *вещество* / *продук*т; *физический объект* / *идеальный объект*; *натуральный предмет* / *искусственный предмет*. Эти характеристики существительных в семантическом согласовании имеют семантико-синтаксическую значимость [13, с. 42–54]. Они соотносимы также с естественным различием предметов и явлений действительности.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа) / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. 1964. № 3. С. 32–49.

2. Апресян, Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М. : Наука, 1972. С. 439–458.

3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. / Ш. Балли. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. 416 с.

4. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М. : Наука, 1972. С. 367–395.

5. Гак, В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) / В. Г. Гак // Язык как знаковая система особого рода. М., 1967. С. 14–18.

6. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. М. : Междунар. отношения, 1977. 264 с.

7. Гак, В. Г. О семантическом инварианте предложения / В. Г. Гак // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 22–26.

8. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.

9. Косериу, Э. Лексические солидарности / Э. Косериу // Вопросы учебной лексикографии. М., 1970. С. 93–104.

10. Кручинкина, Н. Д. Ментальное пространство каузации и его пропозитивная репрезентация / Н. Д. Кручинкина // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 18. С. 313–316.

11. Кручинкина, Н. Д. Некоторые базовые принципы существования и развития языка / Н. Д. Кручинкина // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. В двух томах. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2016. Том 1. С. 66–79.

12. Москальская, О. И. О предмете синтаксической семантики / О. И. Москальская // Проблемы синтаксической семантики. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. С. 37–39.

13. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О. И. Москальская. М.: Высш. школа, 1974. 156 с.

14. Петрова, Л. А. Взаимодействие глагольных и именных парадигм во внутрисловной деривационной структруе многозначной глагольной лексемы (на материале глаголов физического действия) : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. А. Петрова. М., 1992.16 с.

15. Greimas, A.-J. S m ntique structur e: recherche e m t h e / A.-J. Greimas. P. : Larousse, 1966. 262 p.

16. Lazard, G. L’actance / G. Lazard. P. : PUF, 1994. 286 p.

17. Lazard, G. Actancy [Actance. English] Actancy / G. Lazard (Empirical approaches to language typology; 19). Ed. by G. Bossong and B. Comrie. Berlin : Mouton de Gruyter, 1998. 222/305 p.

18. ttier, B. S m n tique g n r e / B. ottier. P. : PUF, 1992. 237 p.

19. Tesnière, . E m ents de syntaxe structurale / L. Tesnière. . : Klincksieck, 1959. 659 p.

20. Valency: theoretical, descriptive, and cognitive issues / Ed. by Th. Herbst, K. Göt -Votteler. (Trends in linguistics. Studies and monographs; 187). Berlin : Walter de Gruyter, 2007. 384/407 p.

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСНЫХ МАРКЁРОВ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ

Кулыева Айгуль Альбертовна
Россия, Уфа, Башкирский государственный университет
aicool@rambler.ru

DISCOURSE MARKERS INFLUENCE ON INFORMATION PERCEPTION

Kulyeva A.A.
Russia, Ufa, Bashkir State University

Статья посвящена изучению и анализу дискурсных маркеров, которые играют регулирующую роль в коммуникации. Они выполняют вспомогательную функцию и влияют на восприятие информации коммуникантами. В статье рассматриваются различные подходы зарубежных и отечественных лингвистов к данным языковым элементам и употребляется различная терминология дискурсных маркеров.

Ключевые слова: дискурс, дискурсные маркеры, языковые элементы, когнитивно-функциональная модель, коммуникативные единицы.

The article is devoted to the study and analysis of discourse markers, which play regulative role in communication. They perform assistive function and influence on information perception by communicators. The article gives a panorama of various approaches of foreign and native linguists to the given language elements and reviews the different terms of discourse markers.

***Keywords*:** discourse, discourse markers, language elements, cognitive-functional model, communicative units.

В когнитивной лингвистике изучение дискурсных маркеров представляет немаловажное значение, так как они играют регулирующую роль в коммуникативном акте. В системе языка дискурсные маркеры представляют собой «языковые элементы, лишенные лексического значения и не привносящие дополнительной информации тексту, задача которых – разделительная и различительная функции в речевых актах» [4, с. 87]. Эти языковые средства помогают внести информацию наиболее эффективными способами, придают особое значение определенной информации, помогают собеседникам достичь понимания всех звеньев информации. Дискурсные маркеры имеют давнюю историю возникновения. Впервые о них было упомянуто в III–II вв. до н.э. александрийскими учеными.

Интерес к дискурсным маркерам наблюдался в научных трудах учёных XVII в. Дж. Локка, Г. В. Лейбница [3, с. 53]. По мнению Л. В. Правиковой, наибольший объем исследований дискурсных маркеров был проведен зарубежным лингвистическим сообществом [6, с. 22–34]. В большей степени системным изучением занимались Л. Бринтон, К. Варнер, В.Дейк, Я.-О. Остман, Д. Шифрин, А. Фулен.

В современной лингвистике встречаются различные названия терминологии дискурсных маркеров. Можно встретить такие понятия, как «прагматические частицы», «дискурсные частицы» [8], «вспомогательные коммуникативные единицы» [2]. По Ван Дейку, это макроконнекторы, так как они сигнализируют о новых макропозициях, а также придают связность дискурсу в целом [1, с. 66]. Довольно оригинальное описание дает американский лингвист Р. Лонгакер, который называет их «загадочными частицами, рассыпанными по тексту как соль и перец для придания ему вкуса и аромата, для создания особого языкового и стилистического эффекта» [9].

Основное применение дискурсных маркеров состоит в помощи коммуникантам в оформлении речи на всех стадиях дискурсивного процесса – во время создания, реализации и восприятии дискурса. Одной из основных функций дискурсных маркеров является разделение речевого акта на части. Эти единицы отражают взаимодействие между автором речи и её адресатом, передают информацию в оценочно-интерпретационном, контакто-регулирующем плане межличностных отношений [5, с. 56].

Многообразию дискурсных маркеров и других элементов дискурса (commentary pragmatic markers, focus particles, pause markers and interjections) соответствует множество выполняемых ими функций, которые могут меняться в зависимости от контекста, положения, в котором оказывается элемент. Дискурсные маркеры подвержены языковым процессам, что определит их способность развиваться в новых грамматических функциях. Рассматриваемые единицы семантически и структурно разнородны. Они могут быть представлены как наречия (*apparently* – очевидно, *basically* – в основном), частицы (*just* –

именно, *only* – только), союзы и союзные слова (*because* – потому что, *however* – однако), вводно-модальные слова (*probably* – вероятно, *of course* – конечно, *firstly* – во-первых), глагольные формы с неактуальной предикативностью (*I mean* – имею в виду, *you know* – знаете), словосочетания и выражения (*furthermore* – более того, *more or less* – более или менее , *so to speak* – можно сказать, *in a way* – таким образом) и целые предложения (*there is no doubt that* – несомненно, что… , *it is widely accepted that* – общепринято, что…). Передаваемая информация с использованием данных маркеров существенно облегчает понимание информации адресатом.

Дискурсный маркер обозначает изменение ментального состояния коммуникантов, а также их реакцию и отношение к ситуации в ходе дискурсивного взаимодействия. Дискурсные маркеры представляют собой знаковые заместители знания, входящие в языковую способность коммуникантов и составляющие существенный момент в её использовании. Общим для всех дискурсных маркеров является наличие определённого когнитивного потенциала, помогающего интерпретации высказываний [3, с. 53].

Диссертация Д. Шиффрин является первым крупным исследованием дискурсивных маркеров за рубежом. Она рассматривала ряд разговорных маркеров: *so-так, поэтому; but-но; and-и;oh-о; well- ну; now-сейчас; then-затем; like-подобно;I mean- имею в виду,* которые она определяет как «синтагматически зависимые элементы, разграничивающие единицы диалога», а также связующие рядом расположенные высказывания [9]. Её развёрнутое определение включает синтаксическую автономность, определённую интонацию, полифункциональность – способность одновременно функционировать на разных дискурсивных планах и создавать связный целостный дискурс. Согласно Дж. Редекер, дискурсивные операторы, такие, как союзы, наречия, междометия, придаточные предложения привлекают внимание слушающего к тому, как связано последующее высказывание с непосредственным дискурсивным контекстом [11].

По мнению некоторых лингвистов, термин «маркер» является знаком или сигналом для слушающего о том, как

следует интерпретировать сообщение говорящего, а термин «дискурсная частица» обозначает часть речи и чаще всего бывает короткая и односложная [7]. Дискурсивные частицы функционируют как хранилище новых значений, которые развиваются от взаимодействия в соответствии с определёнными принципами, характеризующими грамматикализацию.

Создана когнитивно-функциональная модель, объединяющая лексические единицы и их сочетания, характеризующиеся особым дискурсивным статусом. Дискурсные маркеры влияют на уровень восприятия информации реципиентом. Согласно модели, предложенной М. В. Каменским, каждая дискретная единица представляет собой функциональный слот, включающий определённый набор дискурсных маркеров. Дискурсные маркеры обладают следующими характеристиками: 1) лингвистическим статусом, который отражает лексическую и грамматическую принадлежность дискурсного маркера; 2) дискурсивной функцией; 3) иллокутивным потенциалом; 4) когнитивной нагрузкой. Модель представлена на 2-х уровнях классификации дискурсных маркеров. Дискурсные маркеры на верхнем уровне сгруппированы по характеру их воздействия на когнитивные представления коммуникантов во время дискурсивного взаимодействия.

Дискурсные маркеры нижнего уровня сгруппированы по функциональным слотам, соотносящимся с набором характеризующих их параметров модели [3, с. 54]. М. В. Каменский приводит пример, где рассматривает функциональный слот *whereas (тогда как, несмотря на то, что)* в контексте, где анализирует свойства дискурсного маркера. Рассматриваемый дискурсный маркер можно отнести к неполнозначным лексемам, а по грамматической принадлежности его можно отнести к союзам и соединительным словам. *Дискурсивная функция* данного дискурсного маркера состоит в выделении двух контрастирующих частей высказывания. *Иллокутивный потенциал* рассматриваемого дискурсного маркера основан на создании контраста и усиления внутреннего противоречия в высказывании [3, с. 55]. Его *когнитивная нагрузка* состоит в актуализации в сознании

реципиента контрастного содержания высказывания на смысловом уровне. Например: A final important difference related to the nature of the risk may be that some workplace mortality risks tend to involve sudden, catastrophic events, *whereas* air pollution-related risks tend to involve longer periods of disease and suffering prior to death. Перевод: Последнее важное различие, связанное с природой риска, может быть, что некоторые случаи смертности на рабочем месте, как правило, связаны с катастрофическими событиями, *в то время как* риски загрязнения воздуха могут повлечь за собой продолжительные периоды болезни и страданий до смерти (официально-деловой дискурс) [10]. Согласно исследованию, можно сделать вывод, что дискурсные маркеры, вводящие информацию, создают контраст с существующими когнитивными представлениями о контексте дискурса или могут отменять её в зависимости от типа дискурса.

Выводы. Дискурсные маркеры являются специфическим когнитивным феноменом языковой системы. Дискурсные маркеры многофункциональны и их использование коммуникантами создаёт контраст при дискурсном взаимодействии и может существенно отличаться и варьироваться согласно дискурсу. Многие маркеры могут выполнять самые разнообразные функции. И чем чаще употребляется в речи или на письме тот или иной элемент, тем более разнообразным становится спектр выполняемых им функций.

Литература

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. М. : Прогресс, 1989. С. 66.

2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 207 с.

3. Каменский, М. В. Дискурсные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии / М. В. Каменский // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 1. С. 53.

4. Котов, А. Е. Социокоммуникативные особенности функционирования дискурсивных маркеров [Электронный ресурс] / А. Е. Котов. Режим доступа: URL: www.ncstu.ru.

5. Кулыева, А. А. Билингвизм в социокультурном пространстве // Казанская наука. № 9. 2017 г. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. С. 56–58.
6. Правикова, Л. В. Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы / Л. В. Правикова // Вестник ПГЛУ. 2000. № 4. С. 22–34.
7. Aijemer, K. Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach. Edingburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013.
8. Karna, A. Evolution of a category: past and present of the particles / [Электронный ресурс] / A. Karna. Режим доступа URL: www.let.rug.nl/-vdwouden/particles/karna.htm
9. « y stery» p rt ic es n ff i es / R. Longacre // Papers from the 12th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. April 23–25, 1976. Chicago Univ. Press. p. 468–475.
10. Open American National Corpus. URL: http:/ americannationalcorpus.org/ OANC/index.html
11. Redeker, G. Linguistic markers of discourse structure / G. Redeker // Linguistics. 1991. Vol. 29. P. 1139–1172.
12. Schiffrin D. Discourse Markers: Semantic resource for the Construction of Conversation. Dissertation. Pennsylvania: University of Pennsylvania, 1982.

ПРОЯВЛЕНИЕ АСИММЕТРИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА В ПОЗИЦИОННОМ СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Курмакаева Нина Петровна
Донецкая Народная Республика, Донецк,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
kurmakayeva@mail.ru

THE MANIFESTATION OF ASYMMETRICAL DUALISM IN THE POSITION OF THE SENTENCE

Kurmakaeva Nina Petrovna
D netsk e p e's Repub ic, Donetsk,
Donetsk National University

В статье предлагается функциональный подход к анализу и квалификации «неадекватных» явлений в позиционном составе предложения. Описаны закономерности и следствия заполнения синтаксических позиций по принципу функциональной эквивалентности как проявления асимметрического дуализма в синтаксисе. Уточнён ряд ключевых понятий теории синтаксиса.

Ключевые слова: асимметрический дуализм, позиционный состав предложения, функциональная омонимия, функциональная парадигма, функциональная эквивалентность, функционально-семантический потенциал синтаксической позиции.

The article proposes a functional approach to the analysis and determination of «inadequate» phenomena in the positional composition of the sentence. The regularities and consequences of filling syntactic positions on the principle of functional equivalence as manifestations of asymmetric dualism in syntax are described. A number of key concepts of the theory of syntax have been refined.

Keywords: asymmetric dualism, positional composition of the sentence, functional homonymy, functional paradigm, functional equivalence, functional and semantic potential of the syntactic position.

Нередко при разборе предложений на занятиях по синтаксису студенты сталкиваются с затруднениями в квалификации того или иного компонента как члена предложения (ЧП), поскольку обнаруживают некую «неадекватность его поведения», неоднозначность, функциональную размытость. И действительно, во многих речевых построениях, как известно из научных источников, выявляется «синкретизм» (Л. Ельмслев), «асимметричный дуализм» (С. Карцевский), случаи «синхронной переходности» (В. В. Бабайцева), «синтаксическая транспозиция» (О. М. Ким), «транспозиция членов предложения» (О. Лешка), «синтаксическая деривация» (Е. Курилович), «функциональная эквивалентность» (В. В. Лущай) и прочие факты, что «существенно затрудняет идентификацию членов предложения» [3, с. 585], разрушает корреляцию их с частями речи (ЧР). Все эти «неадекватные» феномены создают в языке так называемые зоны неустойчивости, дискуссии по существу которых не привели учёных к единству взглядов. Поиски компромисса продолжаются, хотя нередко звучат голоса о необходимости отказаться от синтаксической категории ЧП как «схоластической» (Г. А. Золотова). Так, Академическая Русская грамматика (1980) вместо ЧП ввела понятие «компоненты структурной схемы предложения». Г. А. Золотова сделала ставку на синтаксему как минимальную синтаксическую единицу.

Если вспомнить историю синтаксиса, то термин «член предложения» возник именно из-за отсутствия однозначного

соответствия между различными формами ЧР и выполняемыми ими в предложении синтаксическими функциями. О том, как из синтаксиса выкристаллизовывались части речи, писали И. И. Мещанинов, Р. И. Аванесов, Е. В. Кротевич и др. В настоящее время содержание понятия ЧП существенно изменилось в сравнении с традиционной грамматикой. За ним, по словам В. А. Белошапковой, «стоит понятие *синтаксической позиции*, которое составляет достижение синтаксической науки, не утратившее своей значимости и в наши дни», но которому уделяется недостаточно внимания.

Вне поля зрения лингвистов нередко остаются очевидные различия в свойствах словоформ, предназначенных для данной синтаксической функции, и форм слов или словесных комплексов различной степени сложности, «выдвинутых» в определённую позицию как неспециализированных для нее со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсюда идут незатихающие споры о позиционном составе ряда предложений и прямые или косвенные указания исследователей, начиная от А. А. Потебни, на необходимость разрешения проблемы корреляции ЧП и замещающих их определённых форм тех или иных ЧР через выявление специализированных и неспециализированных словоформ в позиционном составе предложений различной структурной организации.

В настоящее время данная проблема интенсивно и последовательно разрабатывается нами в русле идеи С. Карцевского об асимметрическом дуализме языкового знака [1], спроецированной на синтаксис. Суть подхода – в обнаружении закономерностей заполнения позиционного состава предложения при строгом разграничении специализированных словоформ (морфологизованных ЧП) и неспециализированных словоформ (неморфологизованных ЧП). Если исходить из того, что любое синтаксически членимое предложение имеет позиционный состав, значит, любую синтаксическую позицию может занимать либо специализированная для нее словоформа («знак адекватный» – по С. Карцевскому), морфологизованный ЧП (МЧП), либо неспециализированная форма (комплекс), то есть знак «неадекватный»,

вторичный по функции, неморфологизованный ЧП (НМЧП), *функциональный эквивалент морфологизованного* (в концепции В. В. Лущай [5; 6]).

Концептуальной следует признать мысль А. А. Потебни о соответствии синтаксических мест не всей ЧР, а *определённым формам определённых частей речи*: «Как личный глагол есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим, есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого; так и обстоятельству присвоена особая форма, наречие» [7, с. 124]. По сути, в этом определении обоснована идея МЧП, или специализированных словоформ для соответствующих синтаксических позиций.

Проф. Т. П. Ломтев утверждал, что ЧП – это «не формы слов, а *позиции* в предложении». В своих трудах по синтаксису он подробно исследовал позиционный состав предложения, а о закономерностях заполнения позиций высказывался в духе А. А. Потебни: «Позицию в предложении может занимать только отдельная форма, а не слово вообще» [4, с. 44]). В трудах Т. П. Ломтева понятие «синтаксическая позиция» наполнилось содержанием и прочно вошло в лингвистический обиход.

Синтаксическую позицию мы вслед за В. В. Лущай определяем как «синтаксически значимое место, которому присущ определённый функционально-семантический потенциал в предложении как структурно-смысловом целом; единица позиционного состава предложения как член бинарной оппозиции» [5, с. 119]. Понятие *позиционный состав предложения* (ПСП) в современной синтаксической науке приобрело конструктивный характер. На наш взгляд, оно должно признаваться ключевым в грамматике.

Формально-грамматическая и семантическая рамка ПСП может быть смоделирована с помощью особых местоименных словоформ – МЧП для соответствующих позиций. В. В. Лущай называет их формальными МЧП, «которые эксплицируют иерархию структурно-семантических отношений в предложении как целостной единице» [6, с. 87]. Их контурная семантика позволяет служить «концептуальными рамками единиц

позиционного состава»: *тогда-то там-то такой-то тот-то сделал то-то тому-то тем-то затем-то (потому-то)* [там же]. Эти словоформы обладают предельной степенью обобщённости, что и позволяет им контурно отображать функционально-семантический потенциал синтаксических позиций в предложении. Одновременно они являются и актуализаторами центростремительных сил в ПСП.

Данная метамодель двусоставного распространённого предложения демонстрирует, что его ПСП может быть заполнен как МЧП, так и НМЧП, причём МЧП в его составе могут быть двух типов: формальные (местоименно-наречные) и информативно полноценные (знаменательные): *Только и слышишь: сделай то, иди туда, приди тогда… – Сделай уроки, иди домой, приди вовремя…*

А НМЧП, как формы (комплексы различной степени сложности), выдвинутые в несвойственные позиции, могут быть только семантически и информативно полноценными, но, как правило, синкретичными в силу возникающей асимметрии знака, значения и функции, когда лексико-семантическая данность знака накладывается на функционально-семантический потенциал синтаксической позиции. Причём семантика позиции частично нейтрализует исходные признаки словоформы: *кофе по-турецки = кофе турецкий* (функционально-семантическая рамка ПСП: *тот-то такой-то*).

Таким образом, мы приходим к пониманию, что не только сама словоформа, но и её позиция в предложении наделена семантикой. Функционально-синтаксическая семантика отражает уровень ПСП и структуру мыслительного процесса. Информативное же значение ЧП более конкретно. Вспомним: функционально-синтаксическое значение подлежащего – носитель модально-временного признака; сказуемого – модально-временной признак носителя, а их информативное значение проявляется более разнообразно и зависит от лексического наполнения соответствующих ЧП. Так, у подлежащего – это активный деятель, носитель состояния, предмет бытия или оценки и т. д.; у сказуемого – это действие, состояние, бытие, местонахождение, наличие/отсутствие, оценка, признак по

качеству, свойству, принадлежности и проч. Они отображают структуру объективной действительности (в терминологии В. Н. Мигирина). Следовательно, в предложении параллельно реализуются сразу два феномена: структура мыслительного процесса (в ПСП) и структура объективной действительности (в ЧП).

Вполне можно согласиться с В. В. Лущай: «…если в членах предложения различать и соотносить функционально-синтаксические и информативные значения, то нет необходимости противопоставлять понятия “член предложения” и “синтаксема”» [5, с. 89].

Развивая эту мысль, мы склонны полагать, что синтаксема и ЧП соотносятся как общее и частное: синтаксема – обобщённая функционально-семантическая единица, а ЧП – конкретная её реализация в предложении. Так, синтаксема-локатив *из Крыма* в силу своей полифункциональности может реализоваться в различных ЧП и выполнять различные синтаксические функции, соответственно, стягивая на себя семантику той синтаксической позиции, которую занимает в данном конкретном случае:

1) *Яблоки привезли* ***из Крыма*** (*оттуда-то* = приглагольный распространитель, обстоятельство места, наречная функция, то есть функциональный эквивалент адвербиума, что схематично можно отразить так: ≈ *Adv*);

2) *Яблоки* ***из Крыма*** *лежали на прилавке* (*такие-то* = присубстантивный распространитель, несогласованное определение, адъективная функция, то есть функциональный эквивалент адъектива: ≈ *Adj*);

3) *Яблоки были* ***из Крыма*** (*были такие-то* = именная часть составного именного сказуемого, то есть функциональный эквивалент морфологизованного сказуемого: ≈ V_f).

Возможно и окказиональное употребление данной словоформы: *Ваше «из Крыма» прозвучало очень соблазнительно: значит, вкусные* (*то-то* = предицируемый компонент, подлежащее, выраженное неспециализированной словоформой, то есть функциональный эквивалент номинатива ≈N_1).

Как видно из схемной семантики, во всех этих позициях данная словоформа реализуется как знак «транспонированный» (по Карцевскому), то есть НМЧП. Это обнаруживается в двойственности знака, синкретизме, возникающем вследствие противодействия категориального значения словоформы функционально-семантическому потенциалу занимаемой синтаксической позиции.

В этом наблюдается проявление асимметрического дуализма языкового знака на уровне синтаксиса, когда знак одновременно стремится быть и омонимом, и синонимом (в полном соответствии с точкой зрения С. Карцевского). Так, возникающая функциональная межчастеречная синонимия *из Крыма – крымские,* кажется, сомнений не вызывает. А вот омонимия синтаксического уровня требует разъяснения. В ряде своих работ, в частности в [2], мы сформулировали вытекающее из логики наших рассуждений следующее понимание функциональных омонимов: это одна и та же словоформа в разных синтаксических позициях как знак «адекватный» и знак транспонированный, например: 1) ***В синем*** *небе звёзды блещут* (А. Пушкин): А j_6 – прилагательное в функции определения, МЧП; 2) *Вам хорошо* ***в синем.*** – Adj_6 – прилагательное в функции дополнения, НМЧП.

Выдвигаемая в различные синтаксические позиции, словоформа *из Крыма* тоже демонстрирует функционально-синтаксическую омонимию, при этом на частеречном уровне она продолжает оставаться неизменной.

Принцип асимметрического дуализма лежит в основе функциональной деривации полифункциональной словоформы, что отображается в развитии функциональной парадигмы той или иной словоформы. Так, исследуемая нами единица представлена четырьмя функциональными дериватами, которые можно объединить в четырёхчленную функциональную парадигму.

Учет важнейшей для синтаксиса закономерности – способности знака выдвигаться в несвойственные для него позиции в качестве функционального эквивалента МЧП (в структурных схемах он отмечен знаком ≈) – служит делу упорядочивания и системы ЧР, и системы ЧП.

Особенно развитую функциональную парадигму имеют номинативно-субстантивные и адъективные словоформы. Например: *Наступила* ***пора*** *бабьего лета* (N_1); *Ранняя* ***пора*** *– а мы уж на ногах* ($N_{1\ N1}$); *Детство – счастливая* ***пора*** (≈V_f)*; Теперь отдохнуть самая* ***пора*** (≈V_f)*; Хоть с пустой сумой, да* ***пора*** *домой* (≈V_{f3s}). Словоформа *пора* имеет пятичленную функциональную парадигму, где три последних примера – это образцы «транспонированной значимости того же знака» (по С. Карцевскому), то есть реализация одной и той же словоформы в предицирующей функции разных структурных схем с несовпадающим функционально-семантическим потенциалом, но без изменения частеречной принадлежности.

К настоящему времени эти явления остаются недостаточно изученными, а потому дискуссии о соотношении ЧР и ЧП, о количестве и свойствах частей речи сохраняют актуальность.

Литература

1. Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.

2. Курмакаева, Н. П. Системность в синтаксисе сквозь призму асимметричного дуализма / Н. П. Курмакаева // Мир языковых форм. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8. СПб., 2015. С. 57–62.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

4. Ломтев, Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 168 с.

5. Лущай, В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Лущай. Донецк: ДонНУ, 2010. 255 с.

6. Лущай, В. В. Позиционный состав предложения и типология синтаксической связи: учеб. пособие / В. В. Лущай. Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2012. 126 с.

7. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня // Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

ЭКСПРЕССИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Т. АВЕРЧЕНКО

Кучерявых Юлия Николаевна
Россия, Краснодар,
ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента»
amagikana90@mail.ru

EXPRESSION IN AVERCHENKO'S PROSE

Kucheryavikh Julia Nikolaevna
Russia, Krasnodar, Southern Institute of Management

В статье рассматриваются особенности экспрессии в художественных произведениях А. Т. Аверченко, определяющиеся зависимостью друг от друга элементов построения, формирующих эмоциональную маркированность высказывания. Поэтому представляется возможным различать некоторые типы оценочности (нерефлексивную и рефлексивную), основанные на соотношении лингвистических и экстралингвистических средств её репрезентации в художественном тексте. Прогнозируемый адресатом смысл фразы создается за счёт ожидаемого им порядка слов для исходной синтаксической конструкции. Реализация иронического или комического смысла, заложенного создателем художественного произведения в состав лексем, зачастую становится понятной только из окружающего контекста.

Ключевые слова: языковая игра, комический эффект, метафора, парадокс, оценочность, аппликативная конструкция, фразеология, каламбур, фоновые знания, вертикальный контекст.

This article deals with the features of expression in A.T. Averchenk 's prose, determined by the dependence of the construction elements on each other, forming the emotional marking of the statement. Therefore, it is possible to distinguish some types of evaluation (non-reflexive and reflexive), based on the ratio of linguistic and extralinguistic means of its representation in a literary text. The meaning of the phrase predicted by the addressee is created by the expected word order for the original syntactical construction. The realization of ironic or comic meaning, incorporated by the Creator of the work of art into the lexemes, often becomes clear only from the surrounding context.

Keywords: language game, comic effect, metaphor, paradox, evaluation, applicative construction, phraseology, pun, background knowledge, vertical context.

Аркадий Тимофеевич Аверченко, главный редактор журнала «Сатирикон», создал собственную уникальную

комическую манеру повествования, задав на долгие десятилетия вектор развития отечественной сатирико-юмористической прозе и журналистике. Художественный мир писателя обладает многообразием сатирических типов персонажей, каждый из которых поражает обилием различных приемов создания комичного и иронического эффектов, используемых им для решения своих коммуникативных или прагматических задач с целью удивить, рассмешить, воздействовать на собеседника.

Экспрессия в художественном произведении проявляется с помощью собственно и несобственно языковых средств, а также с учетом вертикального контекста, поэтому важным становится не только прямое значение слова, но и его дополнительные оттенки, которые эмоционально воздействуют на читателя.

Например, выделяем оценочные реплики в представлении героев романа «Шутка Мецената» друг другу:

Тот, что на диване, – хозяин дома – Меценат, а этот низший организм у его ног – Мотылёк [2, с. 157].

В Толковом словаре оборот «низший организм» имеет множество смыслов, среди которых: «1) простейший по своему развитию, примитивный и 2) занимающий последнее место в каком-нибудь ряду, младший» [9, с. 417]. Но так как биологически человек является «высшим» организмом, то в соответствии с этим выражение «низший организм», обращенное к нему, приобретает ироническое значение. А использованием полученной метафоры «низший организм» автор акцентирует внимание на возникшей антитезе между ироничным обращением-характеристикой говорящего (полагающего, что хозяин дома, Меценат, является «высшим» организмом) к другу Мотыльку (поэту Паше Круглянскому), как «низшему» организму, формируя таким образом игровой парадокс «между стандартной формой и значением знака, а также новой ассоциативной обработкой того или иного вида языкового знания» [5, с. 26]. Следовательно, полученный логический игровой парадокс формируется и функционирует, учитывая все уровни языковой системы.

Оценочность, на наш взгляд, – цель использования иронических приёмов как в разговорной речи, так и в художественном произведении, среди которых исследователями-

лингвистами (Т. А. Гридиной [6], М. А. Пчелинцевой [10], О. П. Ермаковой [7] и др.) различаются рефлексивные (основанные на экстралингвистических отношениях и вертикальном контексте) и нерефлексивные (функционирующие на семантическом уровне языка) способы создания оценки и экспрессии.

Историко-культурный контекст, упоминаемый в той или иной реплике героев, зависит от целевых установок автора, особенностей восприятия и энциклопедизма читателя, необходимых для экспликации нового неожиданного смысла:

Но сейчас же, вспомнив о казённой продаже водки, гость сконфузился и покраснел…

– Конечно, те, кто занимается физическим трудом должны её пить, потому что, как это говорится: mens sana in Квисисана… Но напряжённый умственный труд, ваше пр-во, требует трезвости [3, с. 61].

Полагаем, что в представленном фрагменте средством репрезентации рефлексивной иронии как элемента языковой игры является парадокс. Создаваемое в результате смысловое противоречие – «пить нельзя, но пить необходимо» – подтверждается аппликативным оборотом «*mens sana in Квисисана»* («Здоровый дух в „Квисисане“» – Петербургском ресторане), этимологически восходящем к латинскому изречению «« ens s n in c rp re s n » – «в здоровом теле здоровый дух» [13, с. 257]. Таким образом, интерпретация возникшего противоречия провокационна и приводит к комической развязке, требующей от интеллектуала «трезвости мысли», совмещенной с желанием быть не трезвым при условии физической работы.

Особое место среди лингвистических рефлексивных средств создания комического занимают устойчивые обороты (или фразеологизмы, крылатые выражения и т. д.), являясь большей частью образными единицами языка, с прозрачной внутренней формой в тексте могут быть средствами эмоционально-экспрессивной характеристики явлений или персонажей произведения:

– Стареем, брат, мы…– А с рёбрами благополучно? – С какими рёбрами? – Беса в ребре не ощущаешь? – Какого беса? – Ну, говорят же: седина в бороду, а бес… и так далее [4, с. 292].

В данном примере наблюдаем комическую картинность устойчивого фразеологического оборота, обусловленную одновременным обыгрыванием прямого и переносного значений аппликируемых языковых единиц: от передачи буквального смысла в начале диалога до его абстракции в конце диалога.

Смысловое «достраивание» базового фразеологизма, как способ создания языковой игры, отмечаем в следующем фрагменте:

– Свиные котлеты – ему! Ибо сказано: кесарево кесарю!... [4, с. 313].

Как известно, крылатое выражение «кесарю кесарево» обычно употребляется в значении: «каждому своё, каждому – по заслугам» [11]. Этот устойчивый оборот воспроизведён А. Т. Аверченко в исходном виде с сохранением состава единиц, но с иронически дополненным и семантически расширенным полученным значением – «подать свиные котлеты», то есть «воздать персонажу по его заслугам от разгневанных друзей». Пародийное употребления союза «ибо», относящегося к «устаревшей высокой лексике художественной речи» [12, с. 287], и требование «подать свиные котлеты» формируют ироническую коннотацию всему дальнейшему диалогу персонажей.

Приемы же нерефлексивной иронической дискредитации явления или состояния героев писателем применяются с целью показать ничтожность общества, окружающего говорящего:

Все это были люди, по большей части отвергнутые всем остальным светом за бездарность и неспособность к жизни, и, таким образом, на нашем маленьком, окружённом неизмеримыми степями островке, собралась самая чудовищная компания глупых, грязных и бездарных алкоголиков, *отбросов и обгрызков брезгливого белого света* [1, с. 11].

Скрытая негативная оценка становится явной, когда «игровой акцентуации подвергаются определенные фрагменты информации, прагматически значимые для автора сообщения» [8]. Поэтому иронически маркированное использование лексем

со сниженной коннотацией (*«алкоголики, отбросы, обгрызки брезгливого белого света»*, то есть «маленькая часть, оставшаяся от какого-нибудь предмета, мало пригодная для употребления» [12, с. 587]) показывает негативное отношение «*брезгливого белого света*», «испытывающего отвращение ко всякой замеченной или мнимой нечистоплотности» [12, с. 49], а также ко всему низкому и нежелательному, по его мнению, для существования. Следовательно, языковая игра основывается на отрицательной рефлексивной или нерефлексивной иронической социальной или моральной оценке, которая «при всей «безобидности» своей формы выступает как действенное средство формирования мнения по важным вопросам политики и общественной жизни» [8].

Каламбур, выступающий в качестве приёма создания языковой игры, также является носителем различной информации о говорящем или ситуации общения. При этом важен учет в составе такой «игры слов» как минимум двух языковых единиц. Причём каждая из них имеет свое структурно-семантическое оформление, элементы которого, на наш взгляд, влияют на формирование содержания или звукового оформления всего художественного игрового приема:

– Нет, где там! Я его так тогда отделал, что придётся мне жить отдельно от этого отдела – простите за плохой каламбур [2, с. 232].

Рассмотрим состав языковых единиц, который употребляется в данной реплике: 1) «отделал» в значении «сильно выбранил»; 2) «жить отдельно», то есть «обособленно, самостоятельно»; 3) «отдел» в качестве «части учреждения или предприятия» [12, с. 627–628]. Полагаем, что при сохранении семантики каждой лексемы авторские «новые» смыслы «наталкиваются» друг на друга, стимулируя продолжение речетворчества персонажа. Имеющееся значение слова, план содержания, не отменяет предыдущее, а фонетическое оформление становится основой комического эффекта, возникающего при восприятии читателем именно плана выражения. Значит, каламбурный эффект заключается не только в лексико-семантической, но и фонетической организации

шутливого оборота, репрезентирующих лингвистическую специфику игры слов.

Таким образом, экспрессия передаваемой информации формируется на различных уровнях языковой и внеязыковой систем, обладает двуплановостью оценки содержания, понимание которой возможно, как при учёте собственно лингвистического (нерефлексивная), так и экстралингвистического (рефлексивная) компонентов интерпретации подтекста высказывания, а каламбурный эффект литературных сочинений Аркадия Аверченко имеет структурно-семантическую организацию и фонетические закономерности построения словесной игры.

Литература

1. Аверченко, А. Т. Весёлые устрицы / А. Т. Аверченко. М.: АСТ, 2010. 477 с.

2. Аверченко, А. Т. Нянька / А. Т. Аверченко. М.: Вече, 2013. 320 с.

3. Аверченко, А. Т. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 1. Весёлые устрицы / А. Т. Аверченко. М.: Дмитрий Сечин, 2012. 380 с.

4. Аверченко, А. Т. Чудеса в решете / А. Т. Аверченко. М.: Эксмо, 2014. 448 с.

5. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – «Русский язык» / Т. А. Гридина. М.,1996. 566 с.

6. Гридина, Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т. А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25–26 апреля 2002. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2002. С. 25–31.

7. Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка / О. П. Ермакова. М.: Флинта, 2011. 107 с.

8. Негрышев, А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) [Электронный ресурс] / А. А. Негрышев // INTER-CULTUR@L-NET: Международный электронный научно-практический журнал. Выпуск 5. Владимир, 2006. Режим доступа UR : http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шеведова. М.: А Темп, 2008. 944 с.

10. Пчелинцева, М. А. Ирония как форма языковой оценки в творчестве русских писателей-эмигрантов [Электронный ресурс] / М. А. Пчелинцева // Современные проблемы науки и образования. М.,

2010. № 6. С. 106 – 110. Режим доступа URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=4564.

11. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / под ред. В. Серова. М.: АСТ, 2003. Режим доступа URL: http://lib.ru/ling/wingw.txt/.

12. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

13. Цыбульник, Ю. С. Крылатые латинские выражения / Ю. С. Цыбульник. М.: Эксмо, 2007. 992 с.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ НА МАТЕРИАЛЕ МАТРИЦЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Михайлова Екатерина Николаевна

ДНР, Донецк Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»

katia200995@mail.ru

FORECASTING COMPLICATED COMPOUND WORDS AND THEIR EQUIVALENTS ON THE MATRIX OF THE FORECASTING MATRIX

Mikhailova Ekaterina Nikolaevna

DNR, Donetsk, State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk National University»

Исследование посвящено описанию закономерностей формирования отношений эквивалентности «аббревиатура – словосочетание» при помощи дешифровальных стимулов абброконструктов. Автором рассматриваются принципы формирования и использования матриц прогнозирования эквивалентности при составлении «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов».

Ключевые слова: гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, матрица прогнозирования.

The article is devoted to the description of the regularities of the formation of equivalence relations «abbreviation – collocation» with the help of deciphering stimuli abbrokonstrukts. The author considers the principles of the formation and use of equivalence prediction matrices in the compilation of the Tolkovo-equivalence dictionary of complex words.

Keywords: nest of equivalence, deciphering stimulus, prediction matrix.

Исследование, представленное в статье, является частью программы, реализуемой «Экспериментальной лабораторией исследований тенденции аббревиации» (ЭЛИТА) по составлению «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка» под руководством проф. В. И. Теркулова, который разработал основные принципы синхронного описания сложносокращённых слов (далее – ССС) [3, с. 273–283].

Актуальность исследования определяется потребностью в разработке методик прогнозирования эквивалентных аббревиатуре словосочетаний и собственно ССС, необходимых для оптимизации работы по составлению «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка».

Целью работы является описание принципов прогнозирования при помощи матрицы прогнозирования, в которой исследователю предоставляется информация о возможных структурно-ономасиологических типах эквивалентов ССС. Для достижения поставленной цели нужно определить, в каких отношениях находятся эквивалентные словосочетания между собой и по отношению к аббревиатуре и дать классификацию матриц прогнозирования.

Понимание ССС как единицы, находящейся в мотивационных отношениях со словосочетанием и содержащей в своём составе более одного эквивалента компонентов этого словосочетания, позволяет не только рассматривать ССС на синхронном срезе языка, но и производить классификацию эквивалентных им словосочетаний и на основе этого осуществлять прогнозирование эквивалентных отношений «слово – словосочетание». Следует отметить, что ССС, как правило, имеет не один эквивалент, а несколько, тем самым, формируя не словообразовательную пару, а **гнездо эквивалентности** (далее – ГЭ), под которым мы понимаем совокупность словосочетаний, вступающих в эквивалентностные отношения с аббревиатурой и употребляющихся с ней в общих текстах. Например, в ГЭ *авиамеханик* входят следующие единицы: *авиационный механик*, *механик авиационных двигателей*, *механик авиадвигателей*.

Наличие ГЭ у ССС определяет ряд важных положений. Во-первых, этим подчёркивается не случайный, но регламентированный семантический характер единиц, формирующих ГЭ: в ГЭ могут входить только те словосочетания, которые состоят с аббревиатурой в эквивалентностных отношениях. Так, ССС ***автосигнализация*** со значением «*процесс передачи сигналов о протекании какого-либо процесса, об опасности*» формирует ГЭ, в которое входят словосочетания ***автоматическая сигнализация*** и ***автоматизированная сигнализация***. При этом вокруг этой же аббревиатуры, но со значением «*автомобильное устройство для подачи сигналов об опасности угона*», формируется параллельное ГЭ в которое входят эквиваленты ***автомобильная сигнализация***, ***сигнализация для автомобилей***, ***сигнализация для автомобиля***, ***сигнализация на автомобиль***, ***сигнализация на авто***, ***сигнализация автомобиля***, ***сигнализация для авто*** и т. д.

Во-вторых, важно отметить иерархическое положение единиц в ГЭ, определяющееся при помощи **баланса индексов** (далее – БИ), под которым мы понимаем частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания. Для более точного ранжирования ССС согласно их БИ нами используются реперные точки, входящие в два блока:

1. Блок после реперного знака◄ с индексом меньше 1:

- 1: – БИ от 1 до 0,2;
- 0,1: – от 0,1 до 0,02;
- 0,01: – от 0,01 до 0,001.

2. Блок после реперного знака ► с индексом больше 1:

- 10: – БИ от 1,1 до 10;
- 20: – от 11 до 20;

И т. д. до 100;

- 100: – от 91 до 100;
- 200: – от 101 до 200 и т. д.

Например, в ГЭ ***авиадетали*** эквивалентные словосочетания располагаются по принципу увеличения БИ следующим образом: ◄ 1: ***детали для авиации*** ► 10: ***авиационные детали***, ***детали для авиационных двигателей***, 20: ***детали для авиамоделей,***

детали авиационного двигателя, 30: ***детали авиационных конструкций*** и т.д. Это позволяет определить не только место каждого эквивалента по отношению друг к другу и к ССС, но и спрогнозировать какие единицы могут формировать ГЭ.

Наконец, в-третьих, нами отмечается наличие системного характера в формировании единиц ГЭ, о чём свидетельствует возникновение серии формул, упорядоченных в отношении к их структурной организации. Другими словами, эквивалентные ССС единицы в пределах одного ГЭ реализуются по регулярным структурным схемам. Например, для ГЭ ССС *автоаксессуары* отмечается такая серия формул: **в+Сущ1ед**, **для+Сущнескл**, **для+Сущ2ед**, **в+Сущ6ед**, **для+Сущ2мн**, **Сущ2ед**, **на+СУЩнескл**, **на+Сущ6мн** и т. д. Эти формулы отмечаются в ряде схожих ССС, что также позволяет говорить о предсказуемости возникновения эквивалентных словосочетаний в пределах одного ГЭ.

Прогнозирование эквивалентов при текстовой проверке имеет своей целью выявление лакунарности и полного заполнения ГЭ.

Матрицы прогнозирования классифицируются в зависимости от стереотипных моделей формирования эквивалентных словосочетаний, т.е. **дешифровальных стимулов** (далее – ДС). Мы выделяем матрицы прогнозирования **презентативных**, **релятивных** и **интерпретативных** дешифровальных стимулов.

Под **презентативным ДС (ПДС)** понимается такая регулярная модель формирования эквивалентов, которая реализует обобщённое значение ССС и используется в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС: Например, ***бухоотдел – бухгалтерский отдел***, ***бурвышка – буровая вышка***: *Чтобы* ***бухотдел*** *стал надёжным тылом для руководителя, к подбору бухгалтеров, а главное – главбуха, нужно подойти очень внимательно и ответственно –* ***Бухгалтерский отдел*** *– необходимое звено каждой средней и крупной компании* (http://www.buhgalteria.ru/article/n127749);

Под **интерпретативным ДС (ИДС)** мы, вслед за А.И. Бровцом, понимаем такой ДС, который распространяет и уточняет структуру аббревиатуры и её значение. Например, ПДС

аббревиатуры ***автобат – автомобильный батальон***, ИДС той же аббревиатуры выражается словосочетанием ***автотранспортный батальон*** [1, с. 14–15]. Главным отличием ИДС от ПДС является не способность свободно взаимозаменяться в текстах с ССС, а возможность создавать привативные отношения с немаркированным компонентом: здесь происходит некое уточнение ПДС, например ***Автобат*** *«четыре тройки» был расформирован в 2003 году – В мае 1945 года на базе Отдельной автомобильной роты приказом НКВД СССР был сформирован Отдельный* ***автотранспортный батальон*** [http://www.foto.kg/galereya/3702-otdelnyy-avtomobilnyy-batalon-voyskovaya-chast-3333gorod-osh-vyezd-avtokolonny.html].

Релятивный ДС в качестве отдельного вида предложил выделять В. И. Теркулов, который под РДС понимает такой ДС, который использует презентативный ДС с добавлением релятивной актантной семантики [4, с. 147]. Например, слову ***автоаренда*** эквивалентно словосочетание ***аренда авто***, где зависимое слово выступает в роли объекта, который подвергается распределению (дистрибутив): ***Автоаренда*** *– это та услуга, которая поможет вам недорого получить напрокат хороший автомобиль – Затраты на* ***аренду авто*** *намного меньше затрат на покупку автомобиля в собственность* [*http://avtoprokat-spb.ru/articles/avtoarenda*].

Каждая матрица прогнозирования включает в себя следующую информацию о ССС и его эквиваленте: описываемый абброконструкт, характеристика формы ДС, ономасиологический класс базиса и ДС и глубинный падеж эквивалента (абброконструкта). Основной целью такой матрицы является создание реестра форм ДС, с помощью которого и может осуществляться дальнейшее прогнозирование эквивалентных словосочетаний, а следовательно, и выявление лакун ГЭ. Например, в матрице прогнозирования релятивов ДС ***для авиации***, имеющий дестинативное значение, является регулярным и реализуется по схеме **для+Сущ2ед**: ***снаряд для авиации***, ***станция для авиации*** и т. п. В ГЭ ССС ***авиаоборудование*** обнаружен только один релятивный эквивалент со значением посессивности: ***оборудование авиации***,

где ДС соответствует формуле **Сущ2ед**. Поскольку валентность ономасиологического класса базиса «***объединение предметов***» не только посессивна, но и дестинативна, нами был спрогнозирован упущенный ДС, а именно ***оборудование для авиации***, с формулой ДС **для+Сущ2ед**. Однако здесь требуется уточнение: реестр форм ДС должен опираться на схему лексической сочетаемости слова, занимающего позицию ономасиологического базиса.

В результате нашего исследования нами было выделено несколько видов прогнозирования: формальное, семантическое и по производности.

Формальное прогнозирование при формировании ГЭ ССС опирается на реестр характеристик ДС, созданный с помощью матрицы прогнозирования.

Семантическое прогнозирование предназначено для прогнозирования РДС и связано с наличием референта в толковании ССС и его актантной реализации в эквивалентном словосочетании. Например, в значении ССС ***авиаконструктор*** «конструктор летательных аппаратов и *авиадвигателей»* присутствуют два референта «*летательных аппаратов*» и «*авиадвигателей*», которые могут быть реализованы в эквивалентных словосочетаниях следующим образом: ***конструктор авиадвигателей*** (13500 употреблений в Им.п. ед.ч.), ***конструктор авиатехники*** (339 единиц в Им.п. ед.ч.). Частотность употребления доказывает существование данных единиц в лексическом поле современного русского языка.

Наконец, последний вид прогнозирования – **по производности** – связан непосредственно со ССС. Каждое ССС состоит из сокращённого эквивалента какого-либо слова, то есть **абброконструкта** и полного слова, которое в свою очередь может быть либо производящим, либо производным, например, в составе ССС ***грузоподъёмник*** слово «*подъёмник*» является единицей мотивированной словом «*подъём*», следовательно, можно предположить существование ССС ***грузоподъём***. Слово же «*подъёмник*» является производным для «*подъёмный*» из чего также следует предположение о существовании ССС ***грузоподъёмный***. Слово «*подъёмный*» является мотивирующей единицей для появления мотивированной единицы

«*подъёмность*», следовательно, можем предположить о существовании ССС ***грузоподъёмность***. Итак, формируя словообразовательную цепочку полных слов, находящихся в составе ССС, мы можем прогнозировать появление ССС.

Итак, матрица прогнозирования ССС и их эквивалентов является неотъемлемой частью рабочего инструментария при составлении «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка», так как предоставляет панорамную картину возможной эквивалентности ССС.

Отдельного внимания заслуживает ряд ССС, у которых найдено только одно эквивалентное словосочетание. Поскольку, как мы отмечали выше, ГЭ не формируется в пределах одного эквивалентного словосочетания, ССС и эквивалент образуют словообразовательную пару. В таком случае стоит выяснить, не упущены ли какие-то эквиваленты ССС. Если верен первый вариант, то тогда напрашивается вывод о том, что не все ССС имеют способность формировать многокомпонентные ГЭ. В любом случае, для решения данной задачи, чему и планируется посвятить последующие работы, понадобится матрица прогнозирования. Также в дальнейшем планируется разработать реестр форм ДС для каждого ономасиологического класса, базиса и ДС.

Литература

1. Бровец, А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул / А. И. Бровец // Новые горизонты русистики: научный журнал. Донецк, 2017. С. 13–17.

2. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1981. 198 с.

3. Теркулов, В. И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «Толково-словообразовательном словаре сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов // Реквием филологический. Донецк, 2015. С. 273–283.

4. Теркулов, В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.): сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. Т. 2. С. 140–147.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЛАВИИ

Меркулова Инна Александровна
Россия, Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
igel1@yandex.ru

THE TYPOLOGICAL SEPARATION OF THE LEXICAL-SEMANTIC AREA OF SLAVIA

Merkulova Inna Aleksandrovna
Russia, Voronezh, Voronezh Snane University

В статье приводятся результаты исследования лексики 14 славянских языков методом параметрического анализа словаря в рамках нового направления сопоставительных исследований – лексической нуклеологии. Полученные данные расширяют и углубляют имеющиеся представления о близости славянских языков в области лексики.

Ключевые слова: славянские языки, ядро лексики, квантитативные методы, лексико-семантическая типология..

The article presents the research of the lexicon of the 14 Slavic languages by parametric analysis of the vocabulary in the framework of the new directions contrastive researchs, lexical nucleoli. These data broaden and extend the existing view of the proximity of Slavic languages in the sphere of vocabulary.

Keywords: slavic languages, lexico-semantic nucleus, quantitative methods, lexico-semantic typology

В начале XXI века лексико-семантическая типология всё более укрепляет свои позиции как самостоятельная лингвистическая дисциплина.

Знакомство с работами лингвистов-типологов показывает, что существенным для лексико-семантической типологии является: 1) описание лексических систем разных языков по единому плану, на основе единой методологической базы; 2) поиск параметров варьирования языков в разных лексических зонах; 3) поиск универсального лексического набора, состоящего из универсальных лексических значений.

Попыткой решения этих задач является предлагаемый подход, основанный на понимании лексико-семантической системы языка как множества номинативных единиц, соотнесённых с внеязыковой действительностью и связанных

синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими связями в концентрически (по «принципу матрёшки»: ядро в ядре) организованное целое. Следовательно, если стремиться к адекватному описанию лексической системы и построению типологии систем, необходимо ориентироваться на ядро.

Можно говорить о наличии количественных и качественных критериев отнесения слов к ядерной лексике, среди которых выделяются следующие: частотность, отсутствие стилистической окраски, наддиалектность, устойчивость, простота морфологической структуры (непроизводность), продуктивность, широта сочетаемости, значимость в номинативной системе языка (В. Р. Ардан, С. Н. Бук, Е. М. Верещагин, В. В. Виноградов, И. А. Галуцких, Г. Дёрфер, В. Г. Костомаров, А. А. Кретов, А. М. Кузнецов, В. В. Морковкин, А. А. Поликарпов, М. Сводеш, В. И. Скибина, А. Е. Супрун, А. В. Филиппов, П. Я. Черных, Н. М. Шанский, Л. П. Якубинский, Н. А. Янко-Триницкая). Описания лексики, которые на практике учитывали бы комплекс этих критериев ядерности, сложны и трудоёмки.

Одним из примеров является квантитативная лексикология в версии проф. В. Т. Титова. Им предложена и реализована на лексикографическом материале шести романских языков методика количественного анализа лексикографических данных, получившая название параметрического анализа лексики [3; 4].

Воспользовавшись этой методикой, предлагаем обозначить новый раздел сопоставительной лексикологии – лексическую нуклеологию (от лат. nuc eus ‘ядро’ и греч. g s ‘слово, учение’), посвящённую исследованию, сопоставлению и классификации параметрических ядер лексико-семантических систем языков [2].

Критерии отбора ядерной лексики: 1) функциональный (употребительность); 2) синтагматический (широкая сочетаемость); 3) эпидигматический (продуктивность); 4) парадигматический (вхождение в многочисленные синонимические ряды).

Количественный состав полученных ядер представлен в сводной таблице (Табл. 1).

Табл. 1. Количественный состав ЧПЯЛ и БПЯЛ славянских языков

	Бе	Ру	Ук	Бо	Ма	Ср	Хр	Сл	ВЛ	НЛ	Ка	По	Сц	Че[1]
Ф	1549	946	1704	1788	2351	1038	1727	2057	1385	1033	1281	2097	892	116
С	1197	691	1395	521	680	1028	1794	2852	902	2108	2293	640	1423	952
Э	1590	935	1019	1668	1311	1542	1341	2878	1053	832	949	1982	1711	910
П	1026	1122	1113	1026	904	1160	1026	567	2750	1092	1832	479	784	621
БПЯ[2]	**585**	**229**	**307**	**1026**	**126**	**312**	**345**	**163**	**141**	**194**	**395**	**423**	**702**	**281**

Полученные частные ядра лексики славянских языков позволили выявить: 1) самую короткую, то есть непроизводную и употребительную (частотную) лексику славянских языков; 2) лексику, наиболее часто используемую в различных фразеосочетаниях и речениях; 3) лексику, образующую наиболее многочисленными синонимическими рядами; 4) самую многозначную лексику.

Под большим параметрическим ядром лексики (БПЯЛ) мы понимаем множество лексем, имеющих параметрический вес по трем и более системным параметрам. Размерность таких множеств для славянских языков измеряется сотнями единиц и колеблется от 141 верхнелужицкого слова до 702 словацких слов.

Следующим этапом исследования является получение суммарного ядра, характеризующего славянское лексико-семантическое пространство. Можно назвать это множество лексем «ядром ядер» или «генеральным ядром». Для решения этой задачи необходимо сложить полученные ядра. Общая сумма составила 4866 лексем. Отсортировав полученное множество по дефинициям, можно выявить значения, объединяющие наибольшее и наименьшее количество языков, уникальные значения, имеющиеся в ядре какого-либо одного языка и не нашедшие параллелей в других ядрах, а также эксклюзивные связи, объединяющие только одну пару языков (в терминологии А. А. Кретова и соавторов, *эксклюземы*, то есть уникальные

[1] Сокращения: Бе – белорусский язык, Ру – русский язык, Ук – украинский язык, Бо – болгарский язык, Ма – македонский язык, Ср – сербский язык, Сл – словенский язык, Хр – хорватский язык, ВЛ – верхнелужицкий язык, НЛ – нижнелужицкий язык, Ка – кашубский язык, По- польский язык, Сц – словацкий язык, Че – чешский язык.

[2] Сокращения: Ф – ЧПЯЛ, выделенное по функциональному параметру, С – ЧПЯЛ, выделенное по синтагматическому параметру, Э – ЧПЯЛ, выделенное по эпидигматическому параметру, П – ЧПЯЛ, выделенное по парадигматическому параметру, БПЯ – большое параметрическое ядро лексики.

лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков) [1].

Заметим, что и совпадения дефиниций не является абсолютным тождеством. При нахождении общности смысла для нескольких дефиниций мы учитывали лексическую синонимию (*битва – сражение – бой*), гипо-гиперонимические отношения (*запах – аромат*), словообразовательные пары (*бог – божий*).

Ниже приводятся количественные данные, показывающие соотношение значений и языков, в которых данные значения обнаруживаются (табл. 2).

Табл. 2. Характеристика суммарного ядра славянской лексики

Языков	Значений	Накопл.
14	1	14
13	1	13
12	2	24
11	3	33
10	6	60
9	14	126
8	11	88
7	34	238
6	48	288
5	77	385
4	116	464
3	177	531
2	694	1388
1	458	458
Всего	1642	4271
Повторы		756
Итого		4866

По данным лексической нуклеологии концепты: *‘удар’, ‘идти’, ‘ряд’, ‘мера’, ‘иметь’, ‘круг’*, образующие четыре концептуальных поля: (1) физическое воздействие на объект, ведущее к преобразованию действительности (‘удар’); (2) перемещение в пространстве (‘идти’); (3) обладание (‘иметь’); (4) упорядочивание действительности – дискретной (‘ряд’), недискретной (‘мера’), циклической (‘круг’), входят в БПЯЛ большинства языков (от 11 до 14 языков). Это *нуклеарно-семасиологические универсалии* славянских языков.

Далее указываются значения, общие для 11 языков: *‘ряд’, ‘бить’, ‘круг’*; 10 языков: *‘дать’, ‘игра’, ‘сила’, ‘работа’, ‘схватить’, ‘тяжелый’*; 9 языков: *‘есть (питаться)’, ‘верх’, ‘гнать’, ‘поднять’, ‘жечь’, ‘дух’, ‘дом’, ‘голова’, ‘говорить’, ‘время’, ‘часть’, ‘резать’, ‘держать’, ‘ход’*; 8 языков: *‘кусок’, ‘рвать’, ‘грязь’, ‘писать’, ‘голос’, ‘добро’, ‘злой’, ‘тянуть’, ‘род’, ‘час’, ‘брать’;* 7 языков: *‘выйти’, ‘дело’, ‘плохой’, ‘конец’, ‘лицо’, ‘колоть’, ‘рог’, ‘живой’, ‘женщина’, ‘бег’, ‘человек’, ‘куча’, ‘поле’, ‘бок’, ‘взять’, ‘доска’, ‘дуть’, ‘дыра’, ‘линия’, ‘знать’, ‘край’, ‘красивый’, ‘получить’, ‘свет’, ‘сказать’, ‘слабый’, ‘стучать’, ‘сухой’, ‘течь’, ‘ехать’, ‘упасть’, ‘цвет’, ‘чистый’, ‘шар’.*

Анализируя суммарное ядро лексики славянских языков, можно определить, какая часть лексики используется носителями языка в качестве ядра для моделирования мира. Универсальные смыслы (концепты) славянских языков суммируются в семантические поля, лидирующими среди которых становятся МЕНТЕФАКТ, ПОРЯДОК и ДВИЖЕНИЕ.

В приводимой выше таблице 2 есть значения, встретившиеся в ядре какого-либо одного языка – *уникалии* ядра. Наиболее показательная группа уникалий – слова, являющиеся специфическими для данной лингвокультуры и от этого не нашедшие семантических параллелей. При толковании такие лексемы часто передаются многословными дефинициями.

Доля уникальных значений, то есть значений, имеющихся в БПЯЛ какого-либо одного языка, (сокращённо – ИндУЛекС) является важным содержательным показателем: чем меньше значение этого индекса, тем большее количество семантических параллелей можно отыскать в ядре данного языка, а высокие значения данного индекса, напротив, говорят о том, что в ядре данного языка больше слов, характерных только для него одного. ИндУЛекС славянских языков располагается в промежутке от 3,61% до 13,15%.

Значения, объединяющие только два каких-либо языка, относятся к числу *эксклюзем.* Таких значений 694, что составляет 14,26% суммарного ядра.

Каждый из славянских языков имеет определенную сумму связей с другими языками, которая равняется сумме пар слов

данного и других языков с общими для них значениями. Наглядно это представлено на рисунке (рис. 1).

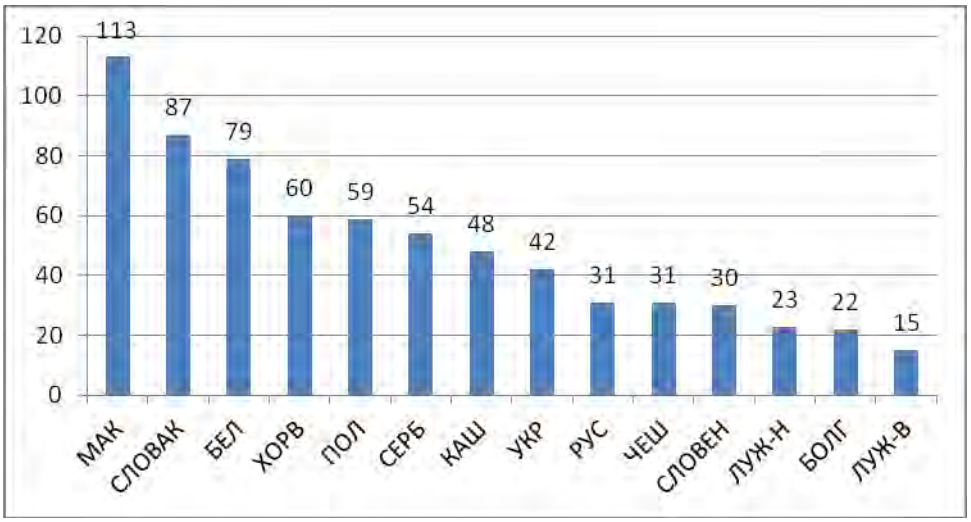

Рис. 1. Ранжирование ПЯЛ славянских языков
по суммарному числу эксклюзем

Примечательно, что каждая из генетических групп имеет своего представителя в начале шкалы. Это македонский, словацкий и белорусский языки. Наименьшую степень притяжения демонстрируют лужицкие и болгарский.

Высчитанные коэффициенты типологической близости славянских языков, позволяют предложить *интегральную* типологическую дифференциацию славянских языков (по большим параметрическим ядрам лексики (БПЯЛ), включающим в себя слова, входящие не менее, чем в три частных параметрических ядра (из четырёх возможных).

Коэффициент типологической близости (КТБ) параметрических ядер лексики может быть использован для типологической классификации больших параметрических ядер лексики славянских языков. КТБ относительно меньшего ядра вычисляется следующим образом. Допустим, мы сравниваем белорусское БПЯЛ размером 554 слов с русским БПЯЛ размером в 229 слов. Теоретически максимум совпадения будет 229 слов, при котором меньшее множество полностью войдёт в большее. В таком случае общая часть – 229 слов будет делиться на меньшее ядро – 229 слов, что даст 1. Теоретический минимум – 0, когда 0 общих слов будет делиться на те же 229 слов.

Далее в работе приводятся результаты вычисления КТБм для каждого из славянских языков и дается их ОКХ – обобщенная классификационная характеристика.

Наглядно типологическое членение БПЯЛ славянских языков представлено на рисунке (см. рис. 2).

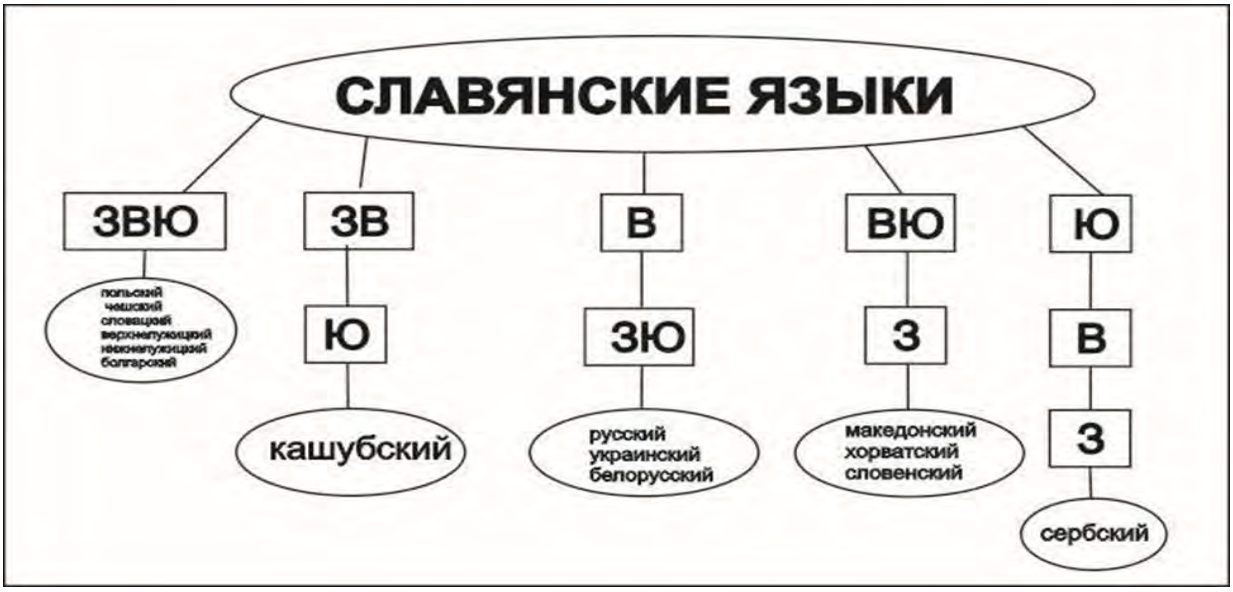

Рис. 2. Типологическое членение лексико-семантического континуума славянских языков с учетом границы существенности

О первых 6 языках можно сказать лишь то, что они принадлежат славянскому типологическому континууму. *Русский, украинский и белорусский* языки принадлежат восточнославянской группе на первом шаге членения, а на втором – западно-югославянскому множеству языков. *Македонский, хорватский* и *словенский* языки на первом шаге членения славянского типологического континуума принадлежат восточно-югославянскому множеству, а на втором – западнославянскому. *Кашубский* язык принадлежит на первом шаге членения восточно-западнославянскому (севернославянскому) множеству языков, а на втором – южной группе. *Сербский* язык – единственный, сохранивший оппозиции всех групп славянских языков. Во-первых, это южнославянский язык, во-вторых – восточнославянский и лишь, в-третьих – западнославянский.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии глубокой исторической памяти у большого параметрического ядра лексики.

Так, только группы «В» и «Ю» находят самостоятельное выражение на первом шаге членения. Оппозицию В||Ю можно соотнести с древнейшим делением славянских языков на Северные и Южные.

Глубоко закономерно и отсутствие выделения группы «З» на первом шаге членения. Эта группа представляется более поздней по возникновению и менее однородной по составу: на первом шаге членения она объединяется с языками группы «В», на втором – с языками группы «Ю».

Так, *польский* и *кашубский* языки как языки лехитской группы изначально принадлежали севернославянским языкам, *чешский* и *словацкий* – южнославянским языкам, а *лужицкие* языки занимали промежуточное положение с некоторым перевесом в ту или другую сторону, что мы можем наблюдать и сегодня при типологической классификации их БПЯЛ.

Интересно и то, как осуществляется членение групп «Ю», «З» и «В».

В группе «Ю» *болгарский* язык демонстрирует максимально недифференцированное состояние «ЮВЗ». Затем множество «ЮВЗ» членится на «ЮВ»||«З» – *македонский, хорватский* и *словенский* языки. И, наконец, множество «ЮВ» членится на «Ю»||«В» – *сербский* язык.

В группе «З» недифференцированное состояние «ЗВЮ» демонстрируют 5 из 6 языков: *польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий*. Следующий и единственный акт дифференциации представлен *кашубским* языком: «ЗВ»||«Ю».

Группа «В» является самой дружной и выраженной из славянских языков. Все три языка: *русский, украинский* и *белорусский* противопоставлены остальным славянским языкам: «В»||«ЗЮ». При переходе к прецизной классификации (без учёта уровня существенности) наблюдается небольшое расхождение на следующем шаге членения: русскому языку группа «Ю» оказывается ближе, чем группа «З», а украинскому и белорусскому – наоборот: группа «З» ближе, чем группа «Ю». Учитывая роль церковнославянского языка в формировании русского литературного языка, с одной стороны», а также

историю и географию украинского и белорусского языков, с другой стороны, это понятно и глубоко закономерно.

Литература

1. Кретов, А. А. Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем / А. А. Кретов, О. М. Воевудская, В. Т. Титов // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 32–41.

2. Меркулова, И. А. Лексическая нуклеология славянских языков : дисс. на соискание учёной степени докт. филол. наук: 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание» / И. А. Меркулова. Воронеж, 2017. 540 с.

3. Титов, В. Т. Частная квантитативная лексикология романских языков / В. Т. Титов. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 551 с.

4. Титов, В. Т. Принципы квантитативной лексикологии (на примере романских языков): автореф. дис. на соискание учёной степени докт. филол. наук: 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание» / В. Т. Титов. Тверь, 2005. 36 с.

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ОНОМАСТИКИ

Мозговой Владимир Иванович

ДНР, Донецк, Донецкий национальный университет

mowi48@mail.ru

THE MAIN PROBLEM OF LEGAL ONOMASTICS

Mozgovoi Vladimir Ivanovich

DPR, Donetsk, Donetsk National University

В статье подвергается критике описательно-языковой взгляд на ономастику, который при акцентировании правовой составляющей, порождает массу социальных проблем. Главная из них состоит в неупорядоченности предмета, который считают своим историки, географы, лингвисты и политики. Последние исторически сложившуюся форму именования, связанную с сохранением собственника и собственности, подменяют политической целесообразностью. Понятия «ономастика и норма» становятся в этом случае проблематичными.

Ключевые слова: собственное имя, проприонимология, графоним, фононим, морфоним, онимно-правовая норма.

The article criticized descriptive-language look at onomastiku, which, with emphasis on the legal component, generates a lot of social problems. The main one is in disarray as their subject that historians, geographers, linguists and politicians. Recent historical naming form associated with the persistence of

owner and property, a substitute for political expediency. The concept of «onomastics and norm» bec me pr b em tic in this c se.

***Keywords*:** proper name, proprionimology, grafonim, fononim, morfonim, onimno-legal norm.

Современную ономастику нельзя считать обделённой вниманием учёных. Сегодня её признают «своей» географы и историки, филологи и философы, социологи и этнографы, психологи и археологи. Но, имея длительную историю разноплановых внешних методик изучения собственных имён (СИ), она насчитывает не меньшее количество внутренних проблем.

Если принимать во внимание даже первые ономастические этюды древнегреческих философов о разграничении имён нарицательных (НИ) и собственных (о нём заявили стоики в III в. до н. э. [9]) или древнерусских летописцев начала XII в. о том, «…откуда есть пошла Русская земля» с полулегендами о происхождении славянских племён и самого названия Русь или Киев [8, с. 11–13], то можно усмотреть в них скрытую политическую конъюнктуру, связанную с лингвистическим «прочтением» важных фактов номинативной действительности.

Это подтверждается всем ходом развития отечественной ономастики, начиная с XIX в., в которой ищут географические, исторические или политические смыслы. Мы встречаем такой подход у разных по социальному и научному статусу или временн м у контексту учёных:

– у Я. К. Грота: «Географические учебники, по большей части переделываемые с немецких, наполнены искажениями имён городов и местечек славянских; если бы хоть в скобках ставили настоящее имя, как оно произносится там славянскими туземцами, например, *Лемберг* (*Львов*), *Аграм* (*Загреб*), *Эссек* (*Осек*) и т. д., но и того нет! Славянский мир, начинающий занимать любопытство всей Европы, остаётся совершенно неизвестным нашему юношеству, поучающемуся из учебных книжек всякого рода ошибкам историческим и географическим» [3, с. 619];

– у В. В. Григорьева: «…§-ом 87-м Высочайше утвержденного окончательного Устава Общества (Русского

географического общества – *прим. автора В. М.*), состоящему при Совете редакционному комитету вменяется в обязанность, между прочим, наблюдение за сохранением в изданиях Общества единства правописания в собственных именах географических» [2, с. 175];

– у А. В. Суперанской: «Существует ряд наук, особенно заинтересованных в ономастическом материале (история, география и др.), представители которых считают ономастику своей вспомогательной дисциплиной. Однако собственные имена – слова, и как таковые они принадлежат прежде всего лингвистике» [10, с. 5];

– у А. Зубко, утверждающему, что ономастика – «…специальная историческая дисциплина, изучающая собственные имена, их функционирование в языке и обществе, закономерности их образования, развития и постоянных преобразований» [4, с. 262];

– у М. В. Горбаневского: «…Прокоммунистические силы протаскивают идею возвращения исторического названия Сталинград, пытаясь привязать это к определённым памятным датам. Но учёные говорят, что историческое название этого города – Царицын (но оно, скорее, первичное, а не исторически сложившееся – *прим. автора В. М.*). Сталинисты хотят продавить через восстановление Сталинграда идею сильной руки, о чём очень многие мечтают. Эти трубачи сталинские притаились в кустах, они просто ждут сигнала, чтобы ломать и уничтожать физически «пятую колонну» [1].

Как видим, каждый из авторов, считая ономастику «своей наукой», подчёркивает при этом специфическую роль лингвистики. Однако при таком «раскладе» лингвистика превращается либо в статиста истории и географии, либо география и история становятся вспомогательными науками для лингвистики. В ситуации неопределённого отношения гуманитарных наук к ономастике нормы функционирования СИ начинают диктовать политики, исходя из собственных убеждений, под которые затем подгоняют «мнение» общества, административную практику, образование и словарно-методические разработки учёных.

Однако власть и политики имеют обыкновение менять свои идеологические пристрастия, что приводит к разрушению номинативной культуры, постепенно переходящей в «традицию» массовых переименований [7]. «Размытость» предмета становится глобальной проблемой ономастики, которая становится ареной неутихающих споров об адекватности фиксации имён в документах. Она захватывает учёных и политиков, гражданско-правовые институты и власть, обывателей и государственных служащих. Споры между ними, однако, не могут быть продуктивными, поскольку каждый отстаивает собственное видение номинативного процесса, но они не могут быть и вечными.

Для разрешения проблемы настало время признать ономастику самостоятельной дисциплиной, после чего ни о какой её подчинённости административно-политическим стратам не может быть и речи.

Проанализировав истоки формирования онимной лексики, можно, например, с уверенностью утверждать, что вся история трансформации имён в онимную лексику была связана с возникновением собственности. Появившееся на её основе имущественное право потребовало своего особого закрепления в письменной речи с помощью собственных имён. Они постепенно вычленялись из категории слов и строго языковых или литературно-художественных интерпретаций. Попытка идеализации последних стала восприниматься как языковой парадокс, который не в состоянии осмыслить политик, но с которым никак не может согласиться собственник имени.

Ономастика оказалась перед выбором из серии разнообразных и разноплановых методик именно той, которая вычленяется из серии традиционных представлений об СИ, позволяя сохранить право человека на собственность и ответить на главный вопрос её официальной закреплённости в обществе: «Что такое имена собственные?»

В современном языке существуют сотни тысяч нарицательных имён, обозначающих предметы, явления, свойства и другие реалии нашей жизни. Но в отличие от них

существует и другой, более непредсказуемый с точки зрения количества, качества и форм социальный мир – проприальный.

Традиционно к нему относят любые разряды номинаций, выполняющих функцию выделения и представляющих собой класс имён существительных:

– реальных и вымышленных (*Пётр Первый* и *Обломов*, *Дания* и *Лилипутия*, *Иван* и *Иван-дурак*, *Елена* и *Елена Прекрасная*);

– нейтральных и коннотативно окрашенных (*Анна* и *Ганнуся*, *Нюра, Нюрок, Нюся, Ганзя, Ганнуся*, *Нюся*, *Анка*, *Анночка*; *Иванович* и *Иваныч*; *Андрей* и *Андрий*, *Андрюша*, *Адриан*, *Ондр*, *Анрейка*, *Андрусь*);

– первичных и вторичных (*р. Москва* и *г. Москва*, *теплоход «Москва»*, *клуб «Москва»*, *Владимир* и *г. Владимир*);

– простых и составных (*Донецк* и *Донецкий государственный университет*).

Нормы их передачи, написания, произношения описываются в зависимости от бесчисленно появляющихся в социальной практике разрядов онимной лексики (топонимов, антропонимов, гидронимов, пелагонимов, линонимов, ойконимов, этнонимов, эргонимов, карабонимов, парфюнонимов, оронимов и т. п., объединённых с коннотонимами и поэтонимами) и потенциально неограниченных языковых систем, к которым они могут принадлежать по праву облигативных заимствований[1].

Появляющиеся при этом противоречия, связанные с субстантивной идеализацией СИ, но с многочисленностью подходов к разрядам онимной лексики по их денотативной соотнесённости и стилистической окрашенности, делает их

[1] В отличие от заимствованных имён нарицательных при заимствовании имён собственных «…язык-рецептор лишён права выбора: он обязан принимать определённую лексическую единицу в том виде, в каком она бытует в языке-источнике… Кроме этого, язык-рецептор не может отказаться от определённых иноязычных названий до тех пор, пока они не исчезли в языке-ономизаторе… В связи со сказанным выше, процесс заимствования и адаптации иноязычной топонимии мы предлагаем назвать *облигативным* (от лат. *obligātus* – «обязательный, непременный»)» [5, с. 16–17].

неразрешимыми, что приводит к псевдоонимизации действительности:

– рус. *Дмитрий* > укр. *Дмитро* // бел. *Дзміцер*;

– *Донецкий национальный* ***университет*** *им.* ***М. Тугана-Барановского*** > ***Государственная организация*** *высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет им.* ***М. Туган-Барановского»*** // ***Государственное учреждение*** *высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»*; *Крымский* ***федеральный университет*** *имени В. И. Вернадского* > ***ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ*** *АВТОНОМНОЕ* ***ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*** *«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*;

– ***министр*** *государственной безопасности* > ***Министр*** *государственной безопасности* // ***Министр Государственной*** *безопасности ДНР*;

– рус. *г. Днепропетровск // разг.* ***Днепр***, но официальное в Украине *г. Днепр* // укр. *м. Дніпро* (в этом случае возникает омонимия с рекой);

– *город Снежно́е – к городу Снежно́е* и *город Сне́жное – к городу Сне́жному* и т. п.

Между тем имена собственные по сравнению с именами нарицательными (НИ) имеют иную генеалогическую историю и признаки:

– не обладают лексическим значением (в *кафе «Библиотека»* библиотеки нет), а если оно присутствует в их структуре, то её элементы уже не могут быть отнесены к СИ: *Маршалловы острова*, но *Багамские Острова* (государство); *чешский лес*, но *Чешский Лес* (горы) и т. п.;

– не могут безусловно относиться к классу имён существительных (*г. Железнодорожный*, Московская обл. – прилагательное; *Продукты «Ням-ням»*, пос. Симеиз, Крым – междометие и т. п.);

– никак не связаны с лексическими отношениями в системе языка: фамилии *Беловол* и *Черновол* – не антонимы, *Красная площадь* и *Красная Армия*, как и *День Победы* и *автомобиль «Победа»* – не синонимы и не омонимы, а разные объекты

номинации (ср. укр. *Красна площа* «красивая», но *Червона Армія* – антонимичное противопоставление белому движению; *День Перемоги*, но *автомобіль «Побєда»* и т. п.;

– никак не коррелируют с речевыми «традициями» или эквивалентностью в системе другого языка: рус. *г. Горловка*, *г. Николаев*, *пос. Пески*, *пос. Соль*, *Кристина*, *Еремей* не могут передаваться как укр. *Горлівка*, *Миколаїв*, *Піски*, *Сіль*, *Христина*, *Ярема*.

Собственные имена поэтому должны квалифицироваться и классифицироваться только по отношению к собственности, поскольку традиционная классификация «от денотата» или стилистики речи не в состоянии обеспечить науку об именах чёткими критериями их функционирования в языке и социально-правовой практике.

Во-первых, в категорию собственных имён попадают в этом случае речевые формы внешних имён-интерпретаций: *Днепропетровск – Днепр*, *Петербург – Питер*, *Краматорск – Комаха*; *Мария – Мари // Маша // Машенька // Маня // Манюня*, *Манюра*, *Манюся*, *Манюта*, *Манюха*, *Манюша*, *Манятка*, *Маняша*. Но для того, чтобы они стали собственными, акты выделения и индивидуализации (*Сашко, Сашка, Саня, Шура*) должны обязательно подкрепляться нейтрально-точной информацией о собственнике и правовой закреплённостью имени в документах (*Александр*).

Во-вторых, к ним относят поэтические вымыслы (*Глупово*, *Органчик*, *Три Толстяка*, *Кавторанг*, *Мавка*), нормы передачи которых зависят только от автора текста или переводчика.

В-третьих, СИ смешиваются с ситуативными и условными номинациями. Их скрытую сущность можно рассмотреть в номинациях, типа *Химтовары*, *Продукты*, *Гастроном*, *Живое пиво*, *Мастерская обуви*, *Парикмахерская* либо в номинативных или повелительно-рекламных предложениях, выделяющих объект из серии подобных (признаки СИ), но имеющих лексическое значение (признаки НИ): *Свадебный салон «Только для тебя»*, *Канцелярия «Пиши – стирай»*, *роман «Отцы и дети»*, *Сантехника «Живи красиво!»* – укр. *Весільний салон «Тільки для тебе»*, *Канцелярія «Пиши – витирай»*, *роман «Батьки та діти»*, *Сантехніка «Живи гарно!»* В первом случае это обычные слова,

имеющие лексическое значение в ситуации информативного ознакомления клиентов с именуемыми объектами, товарами или услугами; во втором – речь идёт о своеобразной авторской рекламе для максимального привлечения потенциальных покупателей, в том числе путём перевода.

Итак, адекватность онимной нормы гарантируется только для реальных СИ в случае выполнения ими адресной и информативной функции, особенно если это касается родственной языковой культуры (в данном случае украинской): *Горловка* (от *Горлов*), *Ніколаїв* (от *Ніколай І*), *Пєски* (от рус. «песок»), *Соль* (от первичного «соль»), *Кристина* (русская), *Єремей* (русский). Если же «собственник» отсутствует (ср. ***А****нглийский банк* – ***а****нглийская соль*, ***С****оветский* ***С****оюз* – ***с****оветское предприятие*) или название не выполняет свои социально-правовые функции, адресную и/или информативную (***М****инистерство связи*, но ***м****инистерство*; ***П****резидент* ***Р****оссии*, но ***п****резидент* ***к****омпании*; *Крымский* ***ф****едеральный* ***у****ниверситет*, но *Российская* ***Ф****едерация* или *станция метро «****У****ниверситет»*), – перед нами имена нарицательные.

Таким образом, собственное имя – это исторически сложившееся и зафиксированное по законам данного языка представление человека о себе, конкретных предметах или явлениях освоенного им мира в форме, наиболее точно передающей адресную и смысловую информацию об объекте, которая не искажает право собственника на принадлежащую ему собственность.

Ономастика в современных условиях приобретает новое звучание, связанное с правом, превращаясь в проприонимологию (от лат. *proprietas*, *-tis* «право собственности, владение» и греч. *νομα*, *νυμα* «имя, название»).

Главным критерием идентификации СИ в социальной и языковой практике является в таком случае, кроме акта их выделения и индивидуализации, отсутствие лексического значения и наличие собственника (субъекта права) или собственности (объекта права), по которым можно с максимальной долей уверенности говорить о норме в ономастике, передаче имён в другой языковой культуре,

употреблении прописной буквы и возможностях перевода, переименований или восстановлений [7].

Литература

1. Горбаневский, М. «Сталинские трубачи притаились в кустах»: Кому нужны новые имена на российской карте / М. Гобаневский // Ономастика России. Имена собственные в нашей жизни. 02.06.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// n m s tik .r u/news/524 «Лента.ру».
2. Григорьев, В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов / В. В. Григорьев // Географичекие известия, 1850, Вып. 2. С. 175 – 201.
3. Грот, Я. К. Заметка о топографических названиях вообще / Я. К. Грот. // Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. CXXX I, ноябрь, отд. 2. С. 617–668.
4. Зубко, А. Українська ономастика: здобутки та проблеми / Андрій Зубко // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2007. С. 262–281.
5. Мозговой, В. И. Освоение иноязычной топонимии в русском языке X II века (на материале «Вестей-Курантов»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / В. И. Мозговой. Одесса, 1981. 260 с.
6. Мозговой, В. И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научн. журнал. Т. 3, № 3. Севастополь: СГУ, 2017. С. 44–51.
7. Мозговой, В. И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике. В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. Т. 3, № 4. Севастополь, 2017. С. 55–60.
8. Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 249 с.
9. Столяров, А. А. Стоя и стоицизм / А. А. Столяров. М.: АО КАМИ ГРУП, 1995. 448 с.
10. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1973. 366 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Моштылева Екатерина Сергеевна
Россия, Нижний Новгород, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
emoshtyleva@gmail.com

ADAPTATION OF LINGUISTIC PRAGMATICS INSTRUMENTS IN EXPERTISE OF INTERNET-COMMUNICATION TEXTS

Moshtyleva Ekaterina Sergeyevna
Russia, Nizhniy Novgorod, Lobachevsky University

В статье предлагается использование методов лингвистической прагматики для целей судебно-лингвистических экспертиз. Актуальность адаптации аппарата теории речевых актов иллюстрируется примером исследования интернет-мема.

***Ключевые слова**:* судебная лингвистика, лингвистическая прагматика, теория речевых актов.

The author suggests using linguistic pragmatics and speech acts theory in forensic linguistics. This is illustrated by expertise of the Internet meme.

Keywords: forensic linguistics, linguistic pragmatics, speech act theory.

Вопрос о методическом оснащении судебной лингвистики сегодня стоит наиболее остро, что подтверждается, с одной стороны, частыми обращениями правоприменительных, судебных и других властных органов за помощью к судебной лингвистической экспертизе, с другой стороны, – степенью общественных резонансов, которые в последнее время вызывают те или иные экспертные исследования.

Основа правовой базы экспертной деятельности [1] провозглашает наряду с другими принципами объективность, всесторонность, полноту исследования и научность. Однако в силу некоторых причин, которые не принято обсуждать в рамках научного дискурса, экспертная практика складывается вопреки следованию указанным принципам: большая часть

лингвистических исследований однобока, необоснованна и субъективна.

Зачастую лингвисты, уполномоченные на проведение судебной экспертизы, избирают лишь методы семантического анализа слов или высказываний (анализ на основе словарных значений). Несомненно, метод научен, однако применение только его ставит под вопрос владение экспертом современными методиками исследования текстового материала. Такие исследования, на наш взгляд, лишаются обоснованности и – тем более – всесторонности.

Появление новых объектов лингвистической экспертизы, в частности, интернет-текстов, обусловило потребность в использовании комплексных исследовательских подходов, представителем которых является коммуникативно-прагматический метод.

Адаптация аппарата лингвистической прагматики (и теории речевых актов как её остова) для целей судебной лингвистики в науке не является новой; в разное время об этом писали известные судебные лингвисты-эксперты [2; 4].

Лингвопрагматические инструменты – пресуппозиции, импликатуры – применяются лингвистами практически по всем видам экспертиз, чаще – по делам о чести, достоинстве и деловой репутации. Прагматический анализ применяется при разборе словесных обозначений сходных товарных знаков на предмет определения степени смешения наряду с фонетическим, словообразовательным, семантическим и другими видами анализа. Условия успешности речевого акта [5, с. 151–152] (далее – РА), разработанные философом языка Дж. Р. Сёрлем, применяются при исследовании текстов на наличие речевой агрессии (угроз, провокаций взятки и др.).

Другой философ языка – Дж. Л. Остин – ввёл в науку трёхчленную структуру РА. Согласно его учению, РА состоит из локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов [3].

Применяя это членение на практике производства лингвистических экспертиз, можно добиться эффективных и объективных результатов.

Дело в том, что при выделении в структуре РА элементов *locutio, in locutio* и *per locutio* и последующем их анализе, исследователь касается не только прагматических особенностей речепорождения и речевосприятия, но и самого процесса говорения с позиций всех уровней языка, что позволяет задействовать в исследовании иные лингвистические приёмы (метод семантического анализа, функционально-стилистический, метод, методы контекстуального анализа, логического анализа языка).

Изображение 1. Исследуемый интернет-мем.

Для иллюстрации рассмотрим наиболее насыщенный со структурной точки зрения объект лингвистического исследования – интернет-мем. Интернет-мемы – это прецедентный феномен, сохраняющий в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, предоставляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена [6]. Для анализа мема необходимо определить его языковую культуру и языковую культуру составляющих его частей.

В качестве иллюстрации используем реальный мем, обнаруженный в пространстве одной из социальных сетей (изображение 1). Он представляет собой разновидность

креолизованного текста, состоящего из вербальной и иконической частей. Для верной интерпретации интернет-мемов необходимо совпадение фоновых знаний коммуникантов: создателя мема и читателя (реципиента). Основой любого мема является языковая игра, направленная на вызов комического эффекта у адресата. Отсутствие коммуникативной компетенции (несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (невладение адресатом фоновыми знаниями о распространённых в интернет-коммуникации текстах; отсутствие предварительного знакомства с художественными произведениями: книгами или кинофильмами; незнание исторических или актуальных событий, лозунгов и т. п.) может привести к коммуникативной неудаче – отсутствию комического эффекта.

Кроме того, неудачным с коммуникативной точки зрения становится мем, вербальная часть которого актуализирована с помощью графических элементов языка, которым адресат не владеет. По этой причине не может считаться успешно воспринятым иноязычный мем, функционирующий в русскоязычной интернет-коммуникации. Однако глобализированный характер последней может по-своему обусловливать восприятие мема (мы говорим о такой ситуации, когда пользователь интерпретирует иноязычный мем на основе имеющихся у него фоновых знаний о мемологеме; так, к примеру, мем с изображением Роберта Дауни-мл. с разведёнными в разные стороны руками, скорее всего, подразумевает торжество кого-, чего-либо).

Апперцепциональной установкой исследуемого нами объекта являются: 1) знание о сюжете телесериала в стиле фэнтези «Игра престолов» в части событий в серии «Битва бастардов»; 2) вызов ассоциаций типизированной фразой преподавателя, который в расчёте пристыдить студентов, пропускающих его лекции, применяет приёмы речевого манипулирования сознанием.

Любой мем возникает в определённом интернет-сообществе, объединяющем людей по интересам – комический эффект рассчитан на конкретную аудиторию. Если интернет-пользователю не известно, что на иконической части мема

изображены, грубо говоря, будущие жертва и убийца, то сопоставить со второй апперцепцией ему будет нечего; в результате должного восприятия шутки не произойдёт.

Мемологемой, или графическим прецедентом исследуемого мема, является кадр из серии «Битва бастардов» телесериала «Игра престолов». Изображены персонажи Рамси Болтон и Рикон Старк. Болтон, стоящий во главе своего войска, указывает Старку на противоположную сторону поля, где находится сводный брат Рикона Джон Сноу. Оригинальный диалог сопровождается речью Болтона: *“Do you like game little man? Let's play a game: run to your brother. The sooner you make it to him, the sooner you get to see him again. That's it! That's the game. Easy! Ready? Go!”* Рикон убегает, затем Болтону приносят лук и стрелы, после чего он начинает стрелять, умышленно не прицеливаясь, в сторону убегающего Рикона, позволяя тому почти достигнуть противоположной стороны поля. В момент, когда Рикона должен подхватить Джон Сноу, Рамси Болтон убивает Рикона Старка.

Смысл описанного события адаптируется под исследуемый нами мем, где вербальный компонент составляют высказывания: *«Преподаватель: «Если вас настолько не интересуют мои лекции, разрешаю на них не ходить. Можете идти домой хоть сейчас»».*

Разберём этот мем по трём компонентам речевого акта. Во-первых, это потребуется для определения вида РА, во-вторых, появится возможность подтвердить интенциональную установку героя мема, говорящего и того лица, который потенциально может сделать репост мема на свою страницу в социальной сети либо добавить в раздел визуального контента своего аккаунта, то есть разделить модальность пропозиционального содержания либо добавить собственную модальность в зависимости от совершённого действия.

1) *locutio.*

Локутивный акт включает в себя А) собственно говорение, а также Б) пропозициональное содержание. Пропозиция, по Дж. Р. Сёрлю, представляет некое общее содержание высказывания.

А) С точки зрения структурной лингвистики, вербальная составляющая мема – это два предложения. Первое является сложноподчинённым с придаточной условия. Действие в главном предложении выражено глаголом несовершенного вида в первом лице. Второе предложение контекстуально является продолжением первого: разрешительная семантика побудительного глагола *можете* наделяет референта возможностью совершить действие, которое без такого разрешения не могло бы быть совершено.

Б) Пропозициональное содержание высказывания составляют суждения *Я разрешаю не посещать свои лекции тем студентам, которых они не интересуют. Я разрешаю студентам уйти с лекции прямо сейчас, в момент говорения*. Героем мема является определённая его создателем абстрактная фигура преподавателя, олицетворяющего некий собирательный стереотипный образ. Осуществляется референция к студентам – ко всем присутствующим на лекции, а не к определённой группе (по традиции учебного дискурса), однако уже на момент говорения у преподавателя сложилось мнение, кому из студентов не интересны его лекции (например, тем, кто разговаривает, занимается посторонними делами и всячески мешает проведению занятия), но в силу, вероятно, такта он не обращается к конкретным студентам, применяя универсальные воспитательно-профилактические приёмы.

Студентам предицируется возможность действия по покиданию учебной аудитории, где проводится лекция, однако в случае действительного оставления помещения велика вероятность коммуникативной неудачи, поскольку в действительности преподаватель возможно и не желал наступления того, что им эксплицировано.

Анализ локутивной составляющей РА даёт основания полагать, что перед нами РА разрешения – перформатив с прямым указанием на тип РА в пропозиции.

2) *in locutio.*

Иллокутивный акт есть не что иное, как речевое действие, совершаемое в момент говорения. Он характеризуется иллокутивной силой (функцией). В нашем случае внешне РА напоминает перформативное высказывание с иллокутивной

силой разрешения. Однако, анализ импликатур позволяет говорить о подмене иллокутивной силы – явлении, характеризующемся разделением высказывания на эксплицитную (явную) и имплицитную (скрытую) формы суждения.

Эксплицитно выражено действие разрешения – об этом говорит и пропозициональная установка, и семантика высказывания. Имплицитный смысл заключён в несколько ином: цель говорящего – в воспитательном воздействии. Проецируя содержание мемологемы на РА, получаем следующий пресуппозитивный компонент смысла: ‘*Студенты, которым лекции не интересны, могут покинуть аудиторию, но к ним будут применены жёсткие меры воспитательного характера’*.

Распределим роли коммуникантов: адресатами мема являются пользователи русскоязычного интернет-пространства, адресантом мема – его создатель. Иногда возникают случаи, когда пользователи добавляют мемы на свои страницы в социальных сетях, тогда первоначальная модальность может наследоваться, а может и изменяться. На это влияют причины, по которым пользователя привлекло изображение и А) он решил поделиться им с другими пользователями или Б) сохранил для себя, чтобы в будущем как-либо использовать.

3) per locutio.

Главный компонент на этом уровне – перлокутивный эффект – то воздействие на адресата, которое de facto не подвластно для говорящего. Исключение составляют случаи, когда формирование перлокутивного эффекта входит в иллокутивную функцию РА (например, в случаях с РА призыва, когда адресант речевыми средствами, в том числе и манипулятивными, добивается совершения адресатом какого-либо действия).

Нами был продемонстрирован коммуникативно-прагматический анализ речевого акта, содержащегося в интернет-меме, на основе членения его на три элемента: локуцию, иллокуцию и перлокуцию. Такая методика исследования даёт возможность максимально объективизировать результаты лингвистической экспертизы и позволяет в полной мере

использовать их в судопроизводстве, целям которого и призвана служить судебная лингвистика.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73–ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Гарант. URL: http://base.garant.ru/12123142 (дата обращения: 15.08.2018)

2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания ипрактика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2011. 592 с.

3. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: сб. научн. трудов / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

4. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе. / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2013, №1 (1), С. 286–290.

5. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / под общ ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 151–169.

6. Щурина Ю. М. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации. [Электронный ресурс] / Ю. М. Щурина // Научная электронная библиотека «Киберленинка». UR : https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii (дата обращения: 29.08.2018)

АДЪЕКТИВНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Мужейко Ирина Анатольевна
Беларусь, Витебск, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
ira_ur@tut.by

ADJECTIVE SIMILES AS LANGUAGE UNIVERSALS

Muzheiko Irina
Belarus, Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov

В данной статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения (АУС) ряда славянских языков, таких, как русского, белорусского, чешского, болгарского и хорватского.

Цель работы – продемонстрировать, что АУС являются языковыми универсалиями по своей структуре и лексическому значению.

Ключевые слова: адъективные устойчивые сравнения, лингвистическая типология, языковая универсалия, структура, лексическое значение.

The article is devoted to adjective similes of some Slavonic languages: Russian, Belorussian, Check, Bulgarian and Croatian. The aim of the article was to show that adjective similes are language universals by not only structure, but also what is much more important by their lexical meaning.

Keywords: adjective similes, linguistic typology, language universal, structure, lexical meaning.

Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету, «наиболее естественный и древний способ выражения» [4, с. 143], возникший вместе с языком как одно из важнейших проявлений его выразительных возможностей. Известно, что сравнение как мыслительный процесс играет важную роль в чувственном познании и осмыслении окружающего мира.

Вопрос о сравнении поднимался в трудах различных ученых во все времена, так как оно занимает умы исследователей с глубокой древности. Однако сравнение рассматривалось, прежде всего, как риторическая фигура и интерес к нему ограничивался рамками практических задач, связанных

с ораторским искусством и красноречием, а затем с искусством литературно-художественной речи.

Сравнения являются предметом исследования, которое осуществлялось рядом наук, включая риторику, логику, философию. Общность объекта логики и лингвистики проявляется в том, что логический строй мышления складывается только на базе языка. Язык же, будучи непосредственной действительностью мысли, реализует функции общения только в соответствии с мыслительной деятельностью человека, в соответствии с логикой мышления, являющейся отражением логики бытия. Содержательная сторона естественного языка не может не отражать логический процесс мышления [3, с. 7]. Доказательством наличия тесной связи между логическими формами мышления и языком является тот факт, что «общечеловеческий характер логических форм мышления обусловливает универсальный характер тех форм языка, в которых воплощаются логические формы, и, следовательно, общие структурные черты всех языков мира» [2, с. 12].

Сравнение как категория формальной логики предполагает наличие трёх элементов:

1) объект сравнения (сравниваемый объект или явление);

2) эталон сравнения (объект или явление, с которым сравнивают);

3) основание сравнения (общий признак, присущий как объекту, так и стандарту сравнения).

В данной статье мы рассмотрим адъективные устойчивые сравнения (АУС) русского, белорусского, чешского, болгарского и хорватского языков с позиции теории языковых универсалий, так как, исходя из вышеизложенного, они обладают общей структурой.

Помимо исходной модели построения адъективных устойчивых сравнений *прилагательное + сравнительный союз + существительное*, существуют различные варианты структуры, однако они не нарушают логики сопоставления. Приведём несколько примеров для иллюстрации:

1) *прилагательное + сравнительный союз + существительное:* русск. *глуп как пробка*, бел. *вясёлы як ластаўка* (досл. ‘весёлый как ласточка’), чешск. *suchý jako trn*

(досл. ‘сухой как шип’), болг. *мек като восък* (досл. ‘мягкий как воск’), хорв. *tvrdoglav kao magarac* (досл. ‘упрямый как осёл’). Так, в русском языке такая конструкция встречается в 77,6 % случаев, в белорусском – в 77,2 %, в чешском – в 87,9%, в болгарском – 81,9%, в хорватском – в 86,5 %;

2) *прилагательное + сравнительный союз + сочетание прилагательного с существительным*: русск. *беден как церковная мышь*, бел. *гартоўны як цыганскае дзіця* (досл. ‘закалённый как цыганское дитя’), чешск. *chudý jako kostelní myš* (досл. ‘бедный как церковная мышь’), болг. *гол като манастирски плъх* (досл. ‘гол как монастырская крыса’), хорв. *plašljiv kao strašljiv zec* (досл. ‘пугливый как трусливый заяц’). Данная конструкция занимает второе место по частотности почти во всех языках. Однако она не столь многочисленна и значительно отстаёт от первой, о чём свидетельствуют следующие цифры: русский язык – 7,7 %, белорусский – 6,5%, чешский – 5,4%, болгарский – 9,8%, хорватский – 5 %.

3) Следующая модель *прилагательное + сравнительный союз + существительное 1 + предлог + существительное 2* также представлена во всех языках исследования: русск. *свободный, вольный как ветер в* поле, бел. *адзінокая як таполя сярод поля* (досл. ‘одинокая как тополь среди поля’), чешск. *dlouhý jako týden před vejplatou* (досл. ‘долгий как неделя перед зарплатой’), болг. *кисел като турчин през (на) рамазан* (досл. ‘кислый как турок в рамазан’), хорв. *velik kao bure od krastavaca* (досл. ‘большой как бочка из-под огурцов’). Для русского языка данная синтаксическая конструкция не столь характерна, как для других языков, о чём свидетельствуют следующие статистические данные: 0,27% (русск.), 5,2 % (бел.), 2% (чешск.), 6% (болг.), 3,7 % (хорв.).

Существуют другие модели построения АУС, но не общие для пяти представленных языков одновременно. Рамки статьи не позволяют нам описать все выявленные варианты структуры, тем более, современные типология и лингвистика универсалий всё больше обращаются к содержательной стороне языковых единиц.

Лексическая типология языков должна учитывать как план выражения, так и план содержания, а также системно-

структурный характер лексикона. Изучение структурных признаков слов – формального компонента – традиционно считается наиболее важным для лексико-семантической типологии. В то же время, руководствуясь принципом примата содержательной составляющей языка, наиболее важным необходимо считать изучение компонента, отражающего значение лексических единиц.

В современной лингвистике всё более настойчиво повторяется требование считать содержание исходным объектом лингвистического описания. При этом приоритет универсального над уникальным в языках проявляется в большей степени в содержательной типологии по сравнению с формальной типологией. В сущности, всякая языковая универсалия является изначально содержательной.

В то же время когнитивный подход в современной лингвистике является наиболее перспективным направлением, интегрирующим усилия многих наук для объяснения механизма получения, переработки и использования знаний в человеческой деятельности.

Применение когнитивного подхода в типологии признано весьма продуктивным ввиду поиска содержательных универсалий, а также из-за трактовки воздействия человеческих знаний на развитие самого языка, так как в нём содержится столетиями накопленная информация. Вероятно, это подход становиться неизбежной вехой при переходе от типологии типов к типологии универсалий, переходе столь же радикальном, что и повороте от типологии языков к типологии типов. Актуальная задача современной типологии состоит в поиске языковых универсалий, необходимых при определении общих черт в языке Человека, а также пределов их варьирования в конкретных языках мира.

На материале АУС пяти славянских языков можно выделить 26 объединений соответствий, включающих 1 пятиязычное, 5 четырёхъязычных, 10 трёхъязычных и 10 двуязычных. Под соответствиями мы понимаем не только тождества, но и варианты (лексические, морфологические, лексико-морфологические, лексико-квантитативные). Приведём некоторые примеры:

пятиязычный: русск. *бледный как стена* – бел. *бляды як сцяна* – чешск. *bledý jako stěna* – болг. *блед като стена* – хорв. *blijed kao zid*;

четырёхъязычные: русск. *кислый как уксус* – бел. *кіслы як воцат* – чешск. *kyselý jako ocet* – болг. *кисел като оцет*; русск. *жёлтый как лимон* – чешск. *žlutý jako citron* – болг. *жълт като лимон* – хорв. *žut kao limun*; русск. *здоровый как бык* – бел. *здаровы што бык* – болг. *здрав като бик* – хорв. *zdrav kao bik*; русск. *твердый как кость* – бел. *цвёрды як костка* – чешск. *tvrdé jako kost* – хорв. *tvrd kao kost*;

трёхъязычные: русск. *нужен как пятое колесо в телеге* – бел. *патрэбны як пятае кола да возу* – чешск. *platný jako páté kolo u vozu*; русск. *красивый как куколка* – бел. *прыгожая як лялька* – болг. *хубав като кукла*; русск. *чистый как слеза* – бел. *чысты як сляза* – хорв. *čist kao suza*; русск. *тонкий как лоза* – болг. *тънък като вейка* – хорв. *tanak kao trs*; русск. *подвижный как ртуть* – чешск. *čilý jako rtuť* – болг. *подвижен като живак*; русск. *добрый как ангел* – чешск. *dobrý jako anděl* – хорв. *dobar kao anđeo*; бел. *дурное як цяля* – чешск. *hloupý jako tele* – болг. *глупав като теле*;

двуязычные: русск. *сухой как порох* – бел. *сухі як порах*; русск. *болтливый как баба* – чешск. *ukecaný jako stará babá*; русск. *мягкие как лён* – болг. *меки като лен*; русск. *высокий как гора* – хорв. *visok kao gora*; бел. *глухі як палена* – чешск. *hluchý jako poleno*; бел. *голы як бубен* – болг. *гол като тъпан*; бел. *п'яны як зямля* – хорв. *pijan kao zemlja*; чешск. *vysoký jako topol* – болг. *висок като топола*; чешск. *rovný jako svíce* – хорв. *ravan kao svijeća*; болг. *лют като пипер* – хорв. *ljut kao paprica*.

Исследование АУС пяти славянских языков показало, что языковые объединения широко представлены соответствиями, доказательством чему служат нижеследующие статистические данные. Наполняемость пятиязычного и двуязычного объединений составляет 100%, четырёхъязычного – 80%, трёхъязычного – 70%. Закономерно, чем меньше языков образуют «цепочку», тем больше этих «цепочек», и наоборот. Помимо этого, следует обратить внимание на тот факт, что ни одно из объединений не представлено единичными

соответствиями АУС. Данное обстоятельство доказывает то, что в исследуемых славянских языках закреплено общее миропонимание, нашедшее отражение в единой форме. Более того, если количество устойчивых сравнений разнится от языка к языку, что отражается на составе структурно-семантических соответствий, то наличие синонимических рядов, характеризующих субъект по какому-либо определённому признаку, указывает на схожесть восприятия окружающего мира в целом.

Известно, что АУС представляют собой неотъемлемую часть фразеологии любого языка. Полученные результаты, на наш взгляд, показали, что «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [1, с. 251].

Исходя из проведённого анализа, можно сделать вывод, что АУС пяти славянских языков (русского, белорусского, чешского, болгарского и хорватского) являются универсалиями не только с позиции их структуры, но и семантики. Смеем выразить уверенность, что привлечение к исследованию других даже не славянских языков не изменит статус адъективных устойчивых сравнений с точки зрения типологии и лингвистики универсалий.

Литература

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. М.: Знак, 2008. 656 с.

2. Чесноков, П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления / П. В. Чесноков. Таганрог, 1992. 167 с.

3. Чикурова, М. Ф. Логико-семантические основы синтаксических построений (на материале английского языка) / М. Ф. Чикурова. Тула, 1980. 72 с.

4. Georgin, K. Les secters du style / K. Georgin. Paris, 1961. 246 p.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЫ «УПРАВЛЕНИЕ»: ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Мухина Ирина Константиновна, Тао Цзинхун
Российская Федерация, Екатеринбург,
ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
golst@e1.ru

NOUNS OF THE DENOTATIVNY SPHERE «MANAGEMENT»: OPPOSITION OF DIFFERENTIAL AND POTENTIAL SEMANTICS

Mukhina Irina Konstantinovna, Tao Jinghong
Russian Federation, Ekaterinburg, Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin

Статья посвящена выявлению потенциальных сем в семантике существительных, относящихся к ситуации управления. Выявлено, что к ситуации управления относятся слова, значение и употребление которых прямо не связаны с называнием социально-ролевых функций управления и подчинения. В их словарных дефинициях нет указания на неравенство ролей участников обозначаемой словом ситуации. Социальный компонент проявляется в контексте и является поэтому потенциальной семой лексических значений.

***Ключевые слова**:* отношения противоположности, лексическая семантика, потенциальные семы, денотативно-идеографический анализ.

Article is devoted to identification potential this in semantics of the nouns relating to a situation of management. It is revealed that words which value and the use are directly not connected with naming of social and role functions of management and submission belong to a situation of management. In their dictionary definitions there is no instruction on inequality of subjects roles. The social component is shown in a context.

Keywords: contrast relations, lexical semantics, potential sema, denotativno-ideographic analysis.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»). The work was supported by Act 211

Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Семантика имён существительных, относящихся к денотативно-идеографической сфере «Управление», содержит категориально-лексические, дифференциальные и потенциальные семы, отображающие социальный компонент значения – информацию об асимметрии ролей участников ситуации управления [4]. Ситуация управления предполагает участие двух субъектов: S_1 – того, кто управляет кем-, чем-л. и S_2 – того, кем управляют (лицо, совокупность лиц, а также подразделение какой-л. организации, учреждения). Асимметрия ролей участников ситуации управления находит отражение на уровне как дифференциальных, так и потенциальных сем.

Денотативно-идеографическая сфера «Управление» в идеографическом словаре существительных [2] состоит из пяти денотативно-идеографических групп: 1. Существительные, обозначающие человека (денотативно-идеографические подгруппы: Существительные, обозначающие человека, обладающего властью, Существительные, обозначающие человека, работающего в управленческом аппарате, Существительные, обозначающие должностных лиц во властной, административной сферах); 2. Существительные, обозначающие власть; 3. Существительные, обозначающие органы власти; 4. Существительные, обозначающие форму государственного правления или систему управления чем-л.; 5. Существительные, обозначающие порядок, систему в сфере управления.

В семантике имён существительных, относящихся к данным денотативно-идеографическим группам, сема управления выражена явно, не имплицитно – с помощью категориально-лексических или дифференциальных сем, входящих в лексическое значение слова и имеющих специальные лексические маркеры в словарной дефиниции, например: *администратор* «распорядитель, ***должностное лицо, управляющее кем-, чем-л.***; ***син.*** руководитель»; *номенклатура* «*Книжн. Неодобр.* Совокупность ***работников, занимающих руководящие должности,*** утверждённые вышестоящими

инстанциями (в СССР – партийно-комсомольскими органами)»; *правительство* «***группа должностных лиц, составляющих высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти*** некоторых субъектов Российской Федерации».

В практике преподавания русского языка как иностранного интересным представляется рассмотреть, как семантика управления расширяется в случае наличия дифференциальной или потенциальной семантики, связанной с управлением, в лексических значениях существительных других денотативно-идеографических сфер. При этом под потенциальными семами понимаются «семы, зависящие от свойств называемого словом предмета реальной действительности, которые не вошли в первичную номинацию, но потенциально возможны» [1, с. 10–11] и отражают «второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, различные ассоциации, в которыми данный элемент действительности связывается в сознании говорящих» [3, с. 15].

Рассмотрим, как связана с ситуацией управления денотативно-идеографическая группа «Существительные, обозначающие виды социальных действий» денотативно-идеографической сферы «Социальные отношения». Семантическая структура данных слов с социально ориентированными значениями содержит указание на семантический субъект (S_1 «должностное лицо, руководящее кем-, чем-либо») и адресат действия (S_2 «должностное лицо, подчиняющееся кому-либо»). При этом возможны следующие ролевые разновидности данной ситуации: а) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие; S_2 – тот, кто управляет, руководит кем-, чем-л.: *кто* (S_1) ***обращается*** *к кому* (S_2) (*апелляция, просьба*); *кто* (S_1) ***посещает*** *кого* (S_2) (*визит*); *кто* (S_1) ***докладывает*** *кому* (S_2) (*доклад*); б) S_1 – тот, кто управляет, руководит кем-, чем-л.; S_2 – тот, кто выполняет какие-л. социальные действия: *кто* (S_1) ***обеспечивает осуществление чего-л., выполнение*** каких-л. обязательств *кого* (S_2) (*гарантия*);

в) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие (официальный орган управления или должностное лицо,

руководящее кем-, чем-л.); S_2 – тот, над кем совершается действие: *кто* (S_1) ***притесняет, преследует*** *кого* (S_2) (*гонение*); *кто* (S_1) ***осуществляет надзор*** *за кем-, чем-л.* (S_2) (*надзор*); *кто* (S_1) ***осуществляет проверку присутствующих*** (S_2) (*перекличка*); *кто* (S_1) ***наблюдает*** *за кем-, чем-л.* (S_2) (*присмотр*); *кто* (S_1) ***осуществляет внезапную проверку*** *кого-, чего-л.* (S_2) (*рейд*); г) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие; **потенциальный S_2** – тот, кто управляет, руководит кем-, чем-л.: *кто* (S_1) ***обращается с инициативой*** *к кому* (S_2) (*инициатива*); *кто* (S_1) ***не является*** *к кому-л., куда-л.* (S_2) (*не явка*); д) **потенциальный** S_1 – тот, кто управляет, руководит кем-, чем-л.; **потенциальный** S_2 – тот, над кем совершается данное социальное действие: *кто* (S_1) ***совершает преобразования*** чего-л., касающиеся *кого-, чего-л.* (S_2) (*реформа*).

Проанализируем денотативно-идеографическую группу «Существительные, обозначающие виды поощрений и подарков», включающую следующие разновидности ситуации управления: а) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие (официальный орган управления или должностное лицо, руководящее кем-, чем-л.); S_2 – тот, кого поощряют, награждают (подчинённое лицо): *кто* (S_1) ***поощряет*** *кого* (S_2) (*поощрение*); *кто* (S_1) ***выражает признание, уважение*** *кому* (S_2) (*почести*); *кто* (S_1) ***делает подарок*** *кому* (S_2) (*щедроты*).

При этом указание на ситуацию управления может быть выражено в словарной дефиниции эксплицитно (*почести* – «***официальное выражение признания***, уважения чьих-л. заслуг, церемониальные действия в знак признания») или имплицитно – через семантику входящих в словарную дефиницию лексем. Так, компонентный анализ существительного *поощрение* («***награда***, похвала, ***которой побуждают кого-л. к чему-л.***, одобряют сочувствием и поддержкой») позволяет связать его с семантикой глагола *побуждать* («склонять к какому-либо действию, заставлять, вынуждать кого-либо, делать что-либо»), которая подразумевает наличие вышестоящего по социальному статусу лица, которое склоняет к какому-то действию подчинённое ему лицо. Именно последовательный компонентный анализ позволяет эксплицировать потенциальную семантику управления в лексическом значении существительных других денотативно-

идеографических групп. Ср.: *щедроты* «*Разг.* Подарки, обычно расточаемые кому-л. **милости**, щедрые дары», *милость* – «*Устар*. Благосклонность, доверие, ***расположение к низшему лицу со стороны вышестоящего лица***».

б) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие; S_2 – тот, кто управляет, руководит кем-, чем-л.: *кто* (S_1) ***делает подарок*** *кому-л.* (S_2) (*подношение* – «подарок, дар кому-л., обычно ***имеющему власть, занимающему высокое общественное положение*,** и представляющий какую-л. вещь или деньги»). В данном случае указание на ситуацию управления присутствует в словарной дефиниции эксплицитно.

в) S_1 – тот, кто совершает данное социальное действие (потенциально это может быть и должностное лицо, руководящее кем-, чем-л.); S_2 – тот, кого поощряют, награждают (потенциально это может быть и подчинённое лицо): *кто* (S_1) ***делает подарок*** *кому* (S_2) (*дар, подарок, сувенир, сюрприз*). В данном случаем связь с ситуацией управления – это только один из возможных вариантов.

Анализ показал, что к ситуации управления относятся и слова, значение и употребление которых прямо не связаны с называнием социально-ролевых функций управления и подчинения. В их словарных дефинициях социальный компонент непосредственно не содержится: нет указания на неравенство ролей участников обозначаемой словом ситуации. Социальный компонент «вычленяется» из контекста и является поэтому потенциальной семой.

Литература

1. Арнольд, И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. 1979. № 5. С. 10–14.

2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

3. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.

4. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры [Электронный ресурс] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 337 с. Режим доступа UR : https://studfiles.net/preview/5458437/.

ГИДРОНИМ *ВОЛГА* В МЕТАЯЗЫКЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. ДАЛЯ

Петров Александр Владимирович
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
liza_nada@mail.ru

HYDRONYM *VOLGA* IN THE META-LANGUAGE IN THE «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVE GREAT RUSSIAN LANGUAGE» V. DAL

Petrov Alexander Vladimirovich
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье проанализирован гидроним **Волга**, используемый в метаязыке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, с точки зрения лингвокультурологии. Лексикограф вводит в Словарь пометы **волжск**. и **волж**. (волжский) наряду с пометой **касп**. (каспийский), тем самым утверждая значимость этих топообъектов для языковой картины мира русского человека. В Словаре наблюдается всестороннее описание денотата с целью показа слов, соотносительных с заглавной единицей или однокоренными производными гнезда. В словарных статьях и иллюстрациях Даль неотступно чередует лингвистическую и экстралингвистическую информацию, широко вводит в метаязык Словаря пословицы, поговорки, фольклорные элементы, связанные с гидронимом **Волга**.

Ключевые слова: гидроним **Волга**, культурологический и энциклопедический контекст, метаязык, словарная статья, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля.

The article analyzed hydronym ***Volga***, used in the meta-language «E p n t ry Dicti n ry f the Russi n n gu g e» . Dal, from the lingua-cultural point of view. Scientists of lexicology introduce in the dictionary the notes Volzhsk. and Volzh. (The Volga), along with droppings cusp. (Caspian), thus affirming the importance of these toponyms for the picture of the world of Russian language. The dictionary is observed comprehensive description of the denotative with the aim to show the words, correlative with an upper unit or the same root derivatives nest. In the dictionary entries and illustrations Dahl relentlessly alternates linguistic and extra-linguistic information widely introduces meta-language of the Dictionary proverbs, folk elements associated with hydronym ***Volga***.

Keywords: hydronym **Volga**, the meta-language, dictionary entry, «E p n t ry Dicti n ry f Russi n n gu ge» f . Dal, cultural and encyclopedical context.

Своеобразие любого лексикографического произведения составляет его метаязык. К нему относятся пометы, различные сокращения, условные обозначения, определённая лексика и синтаксические построения, используемые в толковании, различные эвристические средства. Естественно, что в лексикографических изданиях В. Даля нашли применение специфические металингвистические приёмы и формулы, на что обратил внимание Е. С. Отин [5]. Отметим в качестве примеров полемику с составителями «Словаря Академии Российской» в подаче и написании тех или иных слов, отсутствие толкования у слова и включение заглавной единицы в иллюстративную синтагму, использование пословиц и поговорок, загадок, поверий, а также имён собственных в дефиниции или иллюстративной части словарной статьи.

Цель исследования – проанализировать гидроним **Волга**, используемый в метаязыке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, с точки зрения лингвокультурологии. При подаче фрагментов словарной статьи сохраняется орфография и пунктуация, соответствовавшая нормам того периода.

Из биографии В. Даля известно, что десять лет его жизни (с 1849 по 1859 год) прошли в Нижнем Новгороде – городе на Волге. Лексикограф хорошо знал этот полюбившийся ему край, глубоко понимал, что Волга занимает особое место в сердце русского человека, ведь она «всем рекам мать» [7, т. 2, стлб. 307]. В народном сознании Волга на фоне других рек предстаёт как *Великая, глубокая, раздольная, разгульная*: «Тихий Дон, широкий Днепр, глубокая Волга» [7, т. 4, стлб. 634]; «Волга-матушка – глубокая, раздольная, разгульная. Днепр – быстрый, широкий. Дон Иванович – тихий, золотой. Дунай Иванович, Прут, Днестр, Неман – порубежные. Урал – золотое дно, серебряна покрышка [8, с. 346]; «Волга – плыть долго, а Дунай – широко. Видно, Дунай с Волгой не сольются» [8, с. 346]. Недаром Великую

вспоминает народ в песне «Вниз по матушке по Волге»: «Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью» [7, т. 4, стлб. 27].

В. Даль раскрывает значение через локальную приуроченность того или иного слова, использует систему помет, отражающих функционирование слова в различных губерниях государства Российского. Для лексикографа Волга – это «особая губерния», поэтому он вводит в Словарь пометы *волжск*. и *волж*. (волжский) наряду с пометой *касп*. (каспийский), подчёркивая значимость этих гидронимов для языковой картины мира русского человека. Ср.: употребление пометы в гнезде «заманивать»: **заманиха** *ж*. козни, сети, ловушка, ухищрения; || *волжск*. глухое русло, тупик, ложный фарватер, глубина, замкнутая с трех сторон отмелями, почему судно, зашедшее туда ошибкой, должно воротиться. *Попали в заманиху или в заманишку* [7, т. 1, стлб. 600]. Информация, переданная пометой *волжск*., находит продолжение в иллюстративной части словарной статьи, усиливается вариантной пометой «на Волге», например, в гнезде «пол»: || Арх. веревка, снасть у нижнего (подветренного) угла паруса, поморск. шкот волжск. отпускная; с наветренного угла галс, становая. Тяни пол! на Волге: набивай отпускную! [т. 3, стлб. 249]. В Словаре отражено однокоренное производное «волгарь», синонимичное лексеме «бурлак», причём в словарной статье мотивирующее слово «Волга» входит и в толкование, и в иллюстрацию: **волгарь** м. коренной, прирожденный судовщик, ходок по Волге; бурлак. *Здесь народ* ***волгарь****; я, брат, и сам с Волги; народ тертый, плут; я и сам наторел, знаю вашего брата* [7, т. 1, с. 232]. Производное слово «волжанка» («в лженка») Даль толкует как «жительница берегов Волги. || Род мелкой ивы, тала, растущей по Волге» [7, т. 1, стлб. 232]. Далее следует лингвистическая и фактологическая информация: «слово употребляется вм. *таволга, таволжанка*, которая идет из заволжья особ. на кнутовища, и вместо *волвянка*, гриб Agaricus torminosus» [7, т. 1, стлб. 232].

С пометой *волжск*. подаются производные слова «верховщи́к», или «верх вец», при этом Даль обращает внимание читателя на ударение, поскольку на Дону у этого слова оно иное: *волжск*., *а на Дону* ***верховéц***, житель верховых мест, пришедший

сверху, по течению реки, собир. ***верхотá, верхóвщина***. *Верхóвщина – водопьянщина* [7, т. 1, стлб. 185].

В. Г. Гак писал, что «особенностью словаря Даля является раскрытие системности слов, отражающей явления экстралингвистического мира. Здесь наиболее ярко прослеживается энциклопедическая направленность словаря» [3, с. 7]. В Словаре наблюдается всестороннее описание денотата с целью показа слов, соотносительных с заглавной единицей или однокоренными производными гнезда. В. Даль неотступно чередует лингвистическую и экстралингвистическую информацию. В результате такого подхода читатель получает объёмные и разнообразные знания из разных сфер деятельности, вырисовывается «энциклопедия русской жизни на Волге»:

•верх вые места: гнездо «верх»: *верхóвые городá, места, села*, сравнительно для каждой местности, лежащие выше; *по Волге*, все что выше Самары, а ниже ее, *низóвые*; *на Дону*, все что выше Новочеркаска [7, т. 1, стлб. 185];

•по берегу Волги тянутся запутанные утёсы: гнездо «печоры»: печоры ж., *вост*. пещеры; *смб*. сплошной ряд запутанных утесов, по берегу Волги; монастырь и деревни под Нижним, под скалою, назыв. *Печоры* [7, т. 3, стлб. 108];

•прибылая сверху вода; течёт пресная вода среди морской, солёной воды: гнездо «подсвежать»: ***подсвежка***, *волж*. прибылая вода сверху; а снизу: *нагон*; первый приток сверху, перед разливом. *Подсвежка уже* показалась. || Касп. ток пресной воды, из устья Волги или Урала и др. среди морской, соленой воды [7, т. 3, стлб. 203];

•наименование берега, суши: гнездо «гора»: || Горою, на севере, по Волге и пр. называют также вообще землю, сушу, берег, материк, в противность воде, реке, морю. Ехать горою, арх. берегом, сухопутно, гужем [7, т. 1, стлб. 375];

•наименование правого и левого берега: гнездо «гора» || На Волге, гора, высокий или горный, т. е. правый берег, а левый луговой; также || черта отлогого берега, до которой достигает высший разлив [7, т. 1, с. 375] и гнездо «заимать»: Весь левый берег Волги, или луговой, богат займищами [7, т. 1, стлб. 581];

•характеристика глубины реки: гнездо «завертывать» На Волге, гов. о глубине, с заверткой, тоже что с зам чк ой, слишком. Пять четвертей с заверткой [7, т. 1, стлб. 559] и гнездо «замакать»: || Зам чка также от глаг. замачивать. Меряя по Волге глубину, на ходу, шестом, наметкой, кричат: невступно пять! когда нет полных пяти четвертей; а пять с зам чк ой! когда кляч или метка немного уходит в воду [7, т. 1, стлб. 599–600];

•ветры на Волге: гнездо «выгонять»: выгон || верховой или выгонный ветер, сгон; на Волге, в астрх. северный, а на сев. Двине, арх. южный; противное этому: прибыль от ветров, нагон, моряна [7, т. 1, стлб. 285], гнездо «верх»: Верх вый и верхов й ветер, на Волге, северозападный, вообще же, сгон, выгон, противн. моряна, нагон [7, т. 1, стлб. 185], гнездо «ветер»: На Волге: хил к или сладúмый, Ю; моряна, СВ; гнилой, ЮЗ; вешняк, ЮВ; горыч, нагорный, ЮЗ; луговой, СВ [7, т. 1, стлб. 334], гнездо «зад»: Задний ветер, каз. восточный, с левого берега Волги, по расположению чувашских изб задом к заволжью [7, т. 1. стлб. 576], гнездо «гора»: горыч м. ветер с гор, с нагорья, береговой; на Байкале СЗ, на Волге ЮЗ [7, т. 1, стлб. 376] и гнездо «окурчавить»: Окурчавил ветерок Волгу-матушку [7, т. 2, стлб. 670];

•по Волге ходят барки беляны (дано подробное их описание): гнездо «барка»: Самые большие барки беляны, по Волге, ходят только в полноводье, сидят до 5 арш. и подымают до 150 т. пуд., снасти мочальные, сколотни деревянные, ни одного гвоздя, ни железка [7, т. 1, стлб. 49]; а также гребные судна: гнездо «гресть»: || На Волге, гребным судном называют щегольскую парусную расшиву, которая выходит из Астрх. с рыбой, тотчас по ледоплаву, украшаясь флагами; бурлаки в красных рубахах. Хорошо смотреть с берега на гребное [7, т. 1, стлб. 393];

•лов красной рыбы осуществлялся плавною сетью, погоняями или поездухами: гнездо «плавать»: плавня ж. плав ж м. сиб. плавное рыболовство, лов плавн ю сетью, погоняями или поездухами, не становою и не неводом; бывает на Волге и Урале осенью и весной, на красную рыбу (более на севрюгу и стерлядь), и в море, на осередках [7, т. 3, стлб. 118];

•верёвка для натягивания парусов: гнездо «галс»: галс м., мор. веревка, снасть, натягивающая нижний наветренный угол нижних и косых парусов: подветренная называется шкот. На Волге, галс назв. станова́я, шкот – отпускна́я [7, т. 1, с. 342];

•артель рыбаков: гнездо «ватага»: || Артель рыбаков, по Волге, Днепру, Касп. и Черн. морям; место, пристанище рыбаков, для неводного залова, со всем устройством для ловли этой [7, т. 1, стлб. 167];

•рабочие речных судов: гнездо «бурлака»: бурлака м. юж. бурлак вост. вообще, крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особ. на речные суда. По всей Волге судорабочие бурлаки идут ежегодно со вскрытием рек большими артелями в низовые губернии, с лямками, для подъема судов бичевою [7, т. 1, стлб. 143];

•орудовали шайки грабителей: гнездо «поволить»: Пов льники, стар. новг. вольница, охотнички; самовольщина, ушкуйники, шайки молодежи, пускавшиеся на ушкуях (ладьях) или конные, на торговлю и на грабеж, на открытия и за данью по Волге, Каме и пр. [7, т. 3, стлб. 146].

Составной частью словарной статьи в толковом словаре является иллюстративный материал – примеры употребления слов в разных языковых ситуациях. В иллюстрациях раскрывается реальное функционирование слова как коммуникативной единицы. Обратим внимание на функциональную роль иллюстративного материала в толково-нормативных словарях. Как отмечает Л. И. Балахонова, функции иллюстраций сводятся к следующему: а) подтверждать существование и употребление слова в описываемый языковой период; б) дополнять и уточнять толкование; в) демонстрировать область применения слова, наиболее типичное для него словесное окружение; г) отражать правила вхождения слова в контекст, связи его с другими словами, опираясь на типичные синтаксические конструкции… [1, с. 104]. Как известно, в лексикографии выделяют два типа иллюстрирования: цитирование документированных текстов и речения [2]. Традиционно под речениями понимаются «синтагмы или фразы, представляющие собой типичные лексико-грамматические

конструкции, закреплённые устной или письменной практикой использования языка. Речение содержит самую короткую, но необходимую информацию о фразовой сочетаемости слов и представляет собой тот минимальный контекст, в котором реализуется значение слова» [1, с. 105].

Иную точку зрения относительно роли иллюстраций, в частности речений, отстаивает Г. Н. Скляревская. Смысл иллюстрирования она видит в том, чтобы «а)… демонстрировать разнообразные виды употреблений… б) давать энциклопедические сведения о денотате» [5, с. 57–58]. В Словаре Даль использует два типа иллюстрирования: цитирование пословиц, поговорок, народных примет, особенностей народного календаря и авторские речения, представленные фразами, созданными на основе собственного лингвистического опыта и языкового вкуса. Главное для Даля – раскрывать жизнь слова в языковой реальности и приводить фактологические, культурные, этнографические и другие сведения об описываемом денотате; другими словами, Даль вводит денотат в культурологический и энциклопедический контекст. О гидрониме *Волга* и обо всём, что с ним связано, читатель черпает информацию из различных гнёзд:

•определены границы *Волги*: гнездо «протекать, протечь», течь по какому-либо направлению, куда, по какому-либо месту. ***Волга*** *протекает по восточной Руси, она протекла до моря* [7, т. 3, стлб. 519] и гнездо «разливать»: ***Волга*** *разливает воды, волны свои от Твери до Астрахани* [7, т. 4, стлб. 33];

•широкая река: гнездо «мать»: ***Волга*** *матушка широка и долга* [7, т. 2, стлб. 307] и гнездо «ширина»: *Ширью* ***Волга*** *разливается* [т. 4, стлб. 634];

•протяжённость реки: гнездо «утекать»: *Утекла от нас* ***Волга реченька*** *далеко – а все у ворот!* [7, т. 4, стлб. 519];

•крутые берега: гнездо «крутить»: *Знать ямскую по столбам, а* ***Волгу*** *по крутым берегам* [7, т. 2, стлб. 203];

•крутой поворот: гнездо «увихнуть»: увихнуть, о реке, дороге: дать колено, локоть, крутой поворот в противную сторону: ***Волга*** *из-под Самары вправо увихнула* [7, т. 4, стлб. 462];

•глубина: гнездо «стреж»: стреж м. средина и самая глубина: Дал в дом св. Спаса бобровьи гоны, и стрежен по реку

Волгу, стар. Бобровьи гоны значит речку (впадающую в Волгу) с берегами; стрежен, то же, самую речку [7, т. 4, стлб. 337]. «Дом Святого Спаса» – так раньше называли Тверь. Перифраза отсылает к Спасо-Преображенскому кафедральному собору, который много столетий был главным храмом всей Тверской земли;

•мелководное устье: гнездо «отмель: *Отмелистое устье* ***Волги****, мелководное* [7, т. 2, стлб. 737];

•водораздел: гнездо «сырт»: сырт м. *татрск*. гребень, гряда, водораздел, водопуск, вододержа, возвышенность, разделяющая притоки двух рек или водоемов. *Общий сырт разделяет притоки* ***Волги*** *и Урала* [7, т. 4, стлб. 376];

•информация о слиянии Оки и Волги: гнездо «рубить»: *Сливаясь, Ока и* ***Волга*** *текут сначала отдельно, и меж ними рубец* [7, т. 4, стлб. 107] и гнездо «струя»: Струи *Оки и* ***Волги****, сливаясь, различаются* [7, т. 4, стлб. 344];

•по Волге ходят пароходы: гнездо «ходить»: *Коноводки ходили по всей* ***Волге****, а теперь ходят пароходы* [т. 4, стлб. 555];

•суда разгружались под Телячьим бродом: Поразгрузив суда на паузки, прошли перекат. *Надо будет поразгрузиться* ***под Телячьим бродом*** [7, т. 3, стлб. 313]. Во времена В. Даля Телячьий брод – перекат на реке Волге, расположенный в девяти верстах ниже Нижнего Новгорода. Был самым мелководным перекатом на р. Волге, в плёсе от Нижнего Новгорода до Астрахани;

•лучшая рыба из тони: гнездо «отворачивать»: На Волге, лучшая крупная рыба из тони, отворот; остальная бель [7, т. 2, стлб. 716];

•специфические наименования реалий и действий: гнездо «дерево»: На Волге употреб. вместо мачта; держать парус вполдерева, поднять не весь, мор. взять рифы [7, т. 1, стлб. 430] и гнездо «дрейф»: || Валиться под ветер, лежа в дрейфе. По Волге говорят дрейфить, робеть, пятиться, отступаться от дела, не устоять [7, т. 1, стлб. 491].

Пословицы, используемые в качестве иллюстраций, отражают исторические события, например, в гнезде «беречь» содержится информация о поражении русского войска под

Казанью в 1524 году: С одну сторону черемиса, а с другую берегися: в 1524 г. войско шло по Волге на судах под Казань, и побито на перекатах черемисой [7, т. 1, стлб. 84]; ср. черемисы (марийцы): небольшая народность, принадлежащая к восточно-финской группе; занимали своими поселениями часть Козьмодемьянского уезда Казанской губернии и Васильсурского уезда [http://dic.academic.ru].

В иллюстрациях используются также образы, фольклорные мотивы, небывальщины. Переносные значения слов, трудно формулируемые и легко понимаемые, зачастую в Словаре не толкуются, а раскрываются через фразы. Например, образные значения слов «сердце» и «душа» представлены в гнезде «сердце» через аллегорическое сопоставление рек (Волги и Волхова) и городов (Новгорода и Пскова), сопровождающееся исторической ремаркой: Душа на Великой (реке), сердце на Волхове (реке же, по поводу братства Новгорода и Пскова, в 14 веке) [7, т. 4, стлб. 175], что перекликается с поговоркой «Сердце в Волхове (в Новгороде), душа на Великой (древний Псков)» [8, с. 329].

В гнёздах «кляч» и «нос» приводятся образные выражения: «Он глуп по самый кляч, по заметку глубины, во всю осадку» [7, т. 2, стлб. 124], а в «Пословицах русского народа» фраза «глуп по самый кляч» уточняется следующим образом: «кляч, на Волге, заметка на шесте осадки судна; стало быть: глуп во всю глубину, во всю огрузку)» [8, с. 437]; «Это нос – через Волгу мост» [7, т. 2, стлб. 556]. Образное выражение отражается и в «Большом словаре русских поговорок»: народн. Шутл. О длинном носе [9].

Времена язычества на Руси запечатлела поговорка «Вали Кострому в Волгу» (память язычества? кострома, чучело) [7, т. 1, стлб. 161]. Фольклорные мотивы, связанные с Волгой и Степаном Разиным, включены в гнездо «ковер»: *Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь!* от преданья: Разин расстилал на воду ковер, и на нем безопасно уплывал [7, т. 2, стлб. 128]. В гнездо «сарынь» Даль поместил устойчивое выражение «Сарынь на кичку! (Бурлаки, на нос судна!)», которое согласно преданию является приказом волжских разбойников, завладевших судном [7, т. 4, стлб. 139]; ср. сарынь ж. собр. *вост. кал. (сор?)* толпа мальчишек, шалунов; толпа, ватага черного

народа; сволочь, чернь [7, т. 4, стлб. 139]. В гнезде «толочь» в иллюстрации к производному «толокно» (‘толчёная, немолотая мука, чаще всего овсяная’) Даль приводит поговорку «Толокном Волги не замесишь» [7, т. 4, стлб. 413], которая адресует к известной сказке, записанной И. П. Сахаровым, о вологодцах, как они толокно месили в Волге. С тех пор жителей Вологды называют «толоконниками»: «Толокном Волгу замесили (или: перепрудили; говорится также о вологжанах и др.)» [8, с. 335], «Вологодцы – теленка с подковой съели. Толоконники – Волгу толокном замесили» [8, с. 339]. Пример небывальщины отмечен нами в гнезде «таракан»: *Зубчане таракана на канате на **Волгу** поить водили* [7, т. 4, стлб. 390]. Ср.: Зубц в – город (с 1216 года) в России, административный центр Зубцовского района Тверской области [http://dic.academic.ru].

Таким образом, выработанный В. Далем метаязык отражает разнообразные виды употребления слова, подчинён идее описания лексических единиц в культурологическом и энциклопедическом контекстах.

Литература

1. Балахонова, Л. И. Принципы и приёмы иллюстрирования в Новом академическом словаре / Л. И. Балахонова // Очередные задачи русской академической лексикографии. Санкт-Петербург, 1995. С. 104–113.

2. Буцева, Т. Н. Иллюстрирование в словарях новых слов / Т. Н. Буцева // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина). Нижний Новгород, 2016. С. 273–281.

3. Гак, В. И. Словарь В. И. Даля в свете типологии словарей / В. И. Гак // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 3–12.

4. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трёх томах). Л., 1953.

5. Отин, Е. С. Варианты и функции личных имён в русских пословицах, поговорках и загадках (по материалам В. И. Даля) / Е. С. Отин // Далевские чтения–2014. Луганск, 2014. С. 76–84.

6. Скляревская, Г. Н. Новый академический словарь. Проспект / Г. Н. Скляревская. СПб., 1994. 64 с.

Источники

7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. Даль. М. : «ТЕРРА» – «TERRA», 1995.

8. Даль, В. Пословицы русского народа / В. Даль. М., 1957. 992 с.

9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Изд-во ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ОДНОМ ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОВОРЕ

Пляскина Елена Ивановна
Кундуева Эльвира Александровна
Россия, Чита, ФГОБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
PlyaskinaEI@mail.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS IN ONE ZABAYKALSKY DIALECT

Pljaskina Elena Ivanovna,
Kunduyeva Elvira Alexandrovna
Russia, Chita, «Transbaikal State University»

В статье впервые рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) со значением характеристики качеств человека, бытующие в говоре села Орой Акшинского района Забайкальского края: представлены их значения и контексты употребления; выявлены общерусские, региональные и оригинальные оройские ФЕ; представлена их классификация с точки зрения семантической слитности. Достаточно большой пласт оройских ФЕ отражает самобытность носителей говора, их желание выражать свои мысли образно и эмоционально.

Ключевые слова: фразеологические единицы, общерусские и региональные ФЕ, сращения, единства, сочетания, выражения, пословицы.

In the article the phraseological units (FU) with the value of the characteristics of the qualities of a person existing in the dialect of the village of Oroy of the Akshinsky district of the Transbaikalian edge are considered for the first time: their meanings and contexts of use are presented; The all-Russian, regional and original Oriean FU are revealed; their classification from the point of view of semantic fusion is presented. A fairly large stratum of Oroi FU reflects the originality of the speakers, their desire to express their thoughts in an imaginative and emotional way.

Keywords: phraseological units, all-Russian and regional FU, fusion, unity, combinations, expressions, proverbs.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

Особую ценность для исследователей региональных разновидностей русского языка представляет материал

диалектной фразеологии, то есть фразеологический состав говора. Каждая отдельная фразеологическая единица – это экспрессивная, часто метафорическая единица языка, которая в совокупности с другими ФЕ, бытующими в говорах, отражает мировоззрение носителей говора, их отношение (в том числе и оценку) друг к другу, и к явлениям окружающей действительности. Это основа образной и выразительной речи какой-либо части русского народа. Жители села Орой Акшинского района, как и все забайкальцы, – потомки русских первопоселенцев, пришедших в Дауры (так называлась эта территория в 18-ом веке) 200–300 лет назад (историки говорят о нескольких волнах переселенцев). Село основано в 20-х годах 20-ого века (на месте базы из трёх амбаров) в основном жителями соседнего села, стоявшего на границе с Монголией, которое постигла печальная участь во время Гражданской войны (сведения о том времени очень скудные). Оройцы, занимаясь сельскохозяйственным трудом, продолжают жить по традициям, заведённым ещё их дедами и прадедами, редко выезжают в районный и краевой центры в силу их большой удалённости, не имеют возможности пользоваться мобильной связью и Интернетом по той же причине. Это, конечно, способствует и сохранению говора, который, как и другие, составляет живой русский язык и сохраняет его дух. Он не был ещё объектом исследования. Один из соавторов статьи, студентка 4-ого курса ФФиМК Эльвира Кундуева, носительница этого говора, собрала фразеологический материал, бытующий в нём. Это более 90 ФЕ, характеризующих как людей, так и реалии.

Предметом настоящей статьи является тематическая группа «Характеристика качеств человека», целью – описание значения ФЕ, классификация их с точки зрения семантической слитности, разграничение по сфере употребления: общерусские, диалектные региональные (забайкальские) и диалектные локальные (оройские), выявление их эмоционально-экспрессивной окраски. Эта ТГ включает 20 ФЕ, характеризующих человека как с внешней стороны, так и с внутренней: *без слёз не взглянешь; В скоте не без урону, в семье не без уроду; Где сядешь – там вокзал; года не те; два метра сухостоя; домовой не любит (кого-*

либо); до ста девяносто не хватает; дурной поп крестил (кого-либо); как Христова пасочка; На одном месте не ушибёшь, перетаскивать надо; подай воробушка; руки – крюки (у кого); ручки с клеем (у кого); с головой не дружить; Тихо бздит, да вонько пахнет; тяму не хватает (кому-либо); У нашего Егорки на всё отговорки; хайлом щёлкать; чудо в перьях; шатующа корова.

С внешней стороны человека в говоре характеризуют 4 ФЕ: ***подай воробушка*** *(ласково)* – о человеке высокого роста: *Внучка-то у тебя подай воробушка, шибко уж высока, паре; Это он в деду Петю подай воробушка-то, тот вон какой высокий был; Но тут-то ты, паре, сгибайса, а то вишь, подай воробушка, а колоды тебе низки будут;* ***два метра сухостоя*** *(неодобрительно)* – о высоком и при этом худом человеке: *Ты куда столь растёшь-то? Точно два метра сухостоя, и не ешь поди ничё; Ва-а-а, два метра сухостоя! Ветер, однако, дунет, и ты сломашься; Это у неё младши маленьки, а старший не знай в кого – два метра сухостоя, длиннющий;* ***без слёз не взглянешь*** *(неодобрительно)* – о жалком, опустившемся человеке: *Маруська-то, паре, совсем опустилас, грязнушша кака. Но на иё без слёз-то и не взглянешь; А на этих алкашей без слёз и не взглянешь, всё пропили, растащили;* ***как Христова пасочка*** *(ласково, с любовью)* – об опрятном, красивом, тихом ребёноке: *Димка-то у меня усядется в уголок и посиживат как Христова пасочка, а я и постирать, и приготовить успеваю; Он и притих, не пикат даже. Вишь, как Христова пасочка.* Нейтральная ФЕ ***года не те***, представляющая собой ссылку на немолодой возраст (*Щас уже не попляшешь, года-то совсем не те; Но бегать я за ей не собиралась, у меня и года не те; Года-то не те, всё болит, ломат. Это уж, паре, остарели),* может быть отнесена как к характеристике внешних качеств, так и внутренних.

Остальные члены этой ТГ репрезентируют какие-либо внутренние качества человека, в основном оцениваемые носителями говора отрицательно. Неодобрительное отношение к нежеланию что-то делать, медлительности, нерасторопности выражают в говоре ФЕ ***Где сядешь – там вокзал****: А Валерка не-е-е, не пошевелится. На ём где сядешь – там и вокзал; Свои-то не хотят ничё делать, а на чужих и подавно, где сядешь – там*

вокзал; Наш-то тот ещё лень, нерасторопный какой-то, на ём точно, где сядешь – всё, вокзал; ***хайлом щёлкать****: Дак а хайлом дощёлкали, опять насос не купили; Нечего было хайлом-то щёлкать, а брали бы сразу этот холодильник; Ты хайлом опять сщас дощёлкашь, всё разберут;* ***У нашего Егорки на всё отговорки****: Картошку копать – у нас спина болит, сварить – так ручку ломит. А чё, у нашего Егорки так на всё отговорки; Ой, а Маруська хитра баба, ничё не делат, а у нашего Егорки на всё отговорки; Промурыжили больше того и никого не поехали, сёдня одно, завтра друго, но у нашего же Егорки на всё, паре, отговорки.*

Негативная оценка бестолковости, несообразительности выражается ФЕ ***до ста девяносто не хватает*** *(кому-либо): Так уже всё, стары стали, маленько до ста девяносто не хватат; Ты пошто же так воду-то сливашь? Но точно, всё, до ста девяносто не хватат;* ***не дружить с головой****: Ты с головой-то совсем, видно, не дружишь, раз так не по-русски делашь; А я с головой-то совсем порой не дружу. Вот куда шла – забыла ить;* ***тяму не хватает*** *(кому-либо): А его ить на второй год оставили, опять в пятый класс пойдёт. Тяму-то, видно, не хватат; Он пока маленький-то, ему и тяму не хватат, где чё напакостить. А сщас погоди, вырастет.*

О человеке, не любящем сидеть дома, пребывающем постоянно в гостях в говоре села Орой говорят несколько фамильярно, что его ***домовой не любит***: *Людку у нас домовой шибко не любит. Она всё где-то в гостях; Тебя домовой-то не любит, ты бы всё бегала гостила;* или называют его презрительно ***шатующей коровой****: Но Таньку-то дома не засташь, всё шатуюшша корова где-то гостит; А она вовремя-то когда приходила? Как с утра шатуюшша корова уйдёт, так и до поздней ночи где-то ходит.*

Агрессивность, неуправляемость кого-либо носители говора связывают с тем, что его ***дурной поп крестил*** *(негативно оценочное): А как выпьет, так совсем не соображат, буйный шибко. Вот его точно дурной поп крестил; Ты погляди-ка каки истерики он мне гнёт! Дурной поп крестил, однако.*

Если поведение человека непонятно говорящему, он может использовать ФЕ ***чудо в перьях***, чтобы выразить своё неодобрение: *Чё бы коровушек сдать да взять телевизор новый. Не-е, бесполезно, будут не знай зачем ростить. Точно, чудо в перьях; Галька, точно, чудо в перьях, тридцать раз будет кататься в больницу, нет бы сразу всё сделать.*

Неумелого человека характеризует ФЕ ***руки – крюки*** *(неодобрительное): Но точно, руки – крюки, пошто так делашь-то не по-русски? Сначала мочут, а потом уж белют; Уронила ить, сколько ни пялила, о-о-ой руки – крюки!,* а склонного к воровству – ФЕ ***ручки с клеем****,* выражающая презрение: *У етой-то, точно, ручки с клеем. Чё криво лежит – всё махом приберёт; А за чё сидел? Так а ручки-то с клеем куда денешь, подворовывал помаленьку да и попался.*

Эту же эмоцию передаёт ФЕ на ***одном месте не ушибёшь – перетаскивать надо***, которая характеризует хитрого, изворотливого человека: *Эту мадаму-то на одном месте не ушибёшь, перетаскивать надо. Она тебе сёдня одно говорит, а завтра уж переиначит, сам ишо виноватый будешь; Да ты кого обмануть-то хотел, его ить на одном месте и не ушибёшь – перетаскивать надо, шибко уж хитрый мужик.* ФЕ ***Тихо бздит, да вонько пахнет*** *(неодобрительное)* предостерегает носителей говора от излишней доверчивости в общении с внешне тихим, неприметным человеком, но способным на неожиданные поступки: *Но с ней осторожно надо, кто знат. Она, паре, тихо бздит, да вонько пахнет; К Любаньке ишо с какой стороны и подойдёшь. Она баба ушлая, тихо бздит-то, да вонько пахнет.*

ФЕ ***в скоте не без урону, в семье не без уроду*** представляет собой плод наблюдений – суждение, заставляющее смириться с этим: *Вот все дети как дети, а этот так и косорезит. Но а чё, в скоте не без урону, в семье не без уроду; Один-то ишо учится, а второй – не, бросил. И куда вот теперь? А чё сделашь, в скоте не без урону, в семье не без уроду.*

С точки зрения семантической слитности эта ФЕ – фразеологическое выражение коммуникативного характера, а именно пословица, как и ФЕ *Где сядешь – там вокзал, На одном месте не ушибёшь, перетаскивать надо, Тихо бздит, да вонько пахнет, У нашего Егорки на всё отговорки.* (В. И. Даль относит к

пословицам «коротенькие притчи, суждения, приговоры, поучения» [2, с. 13], В. М. Мокиенко – «логически законченные образные или безобразные изречения афористического характера» [4, с. 10]). Пословиц в говоре села не так много, однако в рассматриваемой ТГ – четвёртая часть; они представляют собой специфическую форму выражения отношения к нравственным ценностям, хотя среди них есть варианты общерусских ФЕ, зафиксированных В. И. Далем: *У нашего Егорки на всё отговорки* (*У всякого Федорки свои отговорки* [3, т. 2, с. 719]), *В скоте не без урону, в семье не без уроду* (*В семье не без урода, а на урода все не в угоду* [6, т. 1, с. 303]).

Из других категорий семантически слитных языковых единиц рассматриваемая ТГ содержит одно фразеологическое сочетание: *тяму не хватает* (диалектное слово *тям* со значением «ум, сообразительность» используется в говоре только в этом сочетании); 4 фразеологических единства – метафорических сочетания с живой образностью: *без слёз не взглянешь, года не те, домовой не любит, хайлом щёлкать*; 10 фразеологических сращений, значение которых не соотносится со значениями составляющих компонентов: *два метра сухостоя, как Христова пасочка, подай воробышка, дурной поп крестил, руки – крюки, ручки с клеем, с головой не дружить, чудо в перьях, до ста девяносто не хватает, шатующа корова*.

С точки зрения употребления члены этой ТГ разделяются на общерусские ФЕ и диалектные; критерий разграничения – наличие или отсутствие их в нормативных словарях русского языка, обращение к которым подтвердило широкое употребление ФЕ *чудо в перьях* со значением «странный человек» [1, 178].

Среди диалектных ФЕ выделяются такие, которые известны во многих забайкальских говорах – это региональные ФЕ (11), они зафиксированы в Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края В. А. Пащенко [5] или в картотеке одного из соавторов: *без слёз не взглянешь* [5, с. 18], *домовой не любит* [5, с. 30], *до ста девяносто не хватает* [5, с. 29], *дурной поп крестил* [5, с. 68], *с головой не дружить* [5, с. 31], *тяму не хватает* [5, с. 97], *хайлом щёлкать* [5, с. 107],

шатующа корова [5, с. 44]*, Тихо бздит, да вонько пахнет, года не те, руки – крюки.* К ним же относятся и региональные варианты общерусских ФЕ: *У нашего Егорки на всё отговорки* [5, с. 61], *В скоте не без урону, в семье не без уроду* [5, с. 94].

6 диалектных ФЕ, не известны другим забайкальским говорам, их можно назвать оригинальными оройскими выражениями: *Где сядешь – там вокзал, На одном месте не ушибёшь, перетаскивать надо, два метра сухостоя, как Христова пасочка, подай воробушка, ручки с клеем*. Это 30 % рассматриваемой ТГ.

Таким образом, в говоре села Орой бытует достаточно большой пласт как региональных ФЕ, так и локальных оройских, что, с одной стороны, говорит о принадлежности говора села забайкальским говорам, с другой – отражает самобытность его носителей, их стремление образно и эмоционально (18 ФЕ) выражать своё отношение к тому или иному явлению, причём положительные эмоции передают только 2 ФЕ (*подай воробушка* и *как Христова пасочка*), остальные – широкий спектр негативных.

Литература

1. Белянин, В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. М.: «ПАИМС», 1994. 192 с.

2. Даль, В. И. Напутное // Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах / В. И. Даль. М: «Художественная литература», 1984. 782 с.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4 / В. И. Даль. М: «Русский язык», 1981. 699 с.

4. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // В. М. Мокиенко // Мир русского слова. 2010, № 3. С. 6-20.

5. Пащенко, В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / В. А. Пащенко. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 484 с.

6. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. М.: «Художественная литература», 1984. 782 с.

СМС-ОБЩЕНИЕ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЬИ

Понкратенкова Анастасия Владимировна
Луганская Народная Республика, г. Луганск
ГОУВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»
a_ponkratenkova@mail.ru

SMS-COMMUNICATION IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF THE FAMILY

Ponkratenkova Anastasia
Luhansk People's Republic, Luhansk
SEI HPL «Lugansk National University named after Vladimir Dal»

В статье рассматривается СМС-коммуникация как один из письменных жанров семейного дискурса. Исследовано СМС-сообщение как речевой жанр и его место в современном пространстве виртуальной коммуникации, которое играет значимую роль в современном обществе. Особое внимание уделено тематическим группам и языковым особенностям СМС-общения семьи.

Ключевые слова: СМС-сообщение, коммуникация, коммуникативное пространство, семейный дискурс, речевой жанр.

The article considers SMS communication as one of the written genres of family discourse. The SMS has been studied as a speech genre and its place in the modern space of virtual communication, which plays an important role in modern society. Particular attention is paid to thematic groups and language features SMS communication of the family.

Keywords*:* SMS message, communication, communicative space, family discourse, speech genre.

Коммуникация – это социальное взаимодействие с целью передачи информации с помощью языковых (речь) и внеязыковых (жесты, мимика) средств. Общество коммуникативно по своей природе: общение, обмен знаниями, мыслями и чувствами.

Одним из видов речевой деятельности человека является письменная коммуникация. Ещё недавно большинство исследований было посвящено её рецептивной форме – чтению,

поскольку чтение как форма извлечения информации из различных источников всегда актуальна. Однако необходимость продуктивного письма в различных сферах деятельности уже неоспорима. Научно-технический прогресс конца 20 – начала 21 в. изменил не только систему и средства коммуникации, но и её характер.

Сегодня мобильные и компьютерные технологии проникли во все сферы жизни человека. В современной лингвистике активно развиваются направления, изучающие функционирование языка в виртуальной коммуникации: виртуальный жанр (О. В. Лутовинова, Л. Ф. Компанцева, Е. И. Горошко), электронный жанр (Е. Н. Вавилова, Л. А. Капанадзе, О. А. Саенко), коммуникативный сервис Интернета, интернет-жанр (Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина), дигитальный жанр, цифровой жанр (Л. Ю. Щипицина), гипержанр (Л. А. Капанадзе), сетевой жанр (Г. Н. Трофимова), жанровый формат виртуального дискурса (Л. Ф. Компанцева).

Для типичного бытового общения письменная речь не характерна, в семье преобладает устная коммуникация, в отличие от, скажем, городского общения, ведь в доме нет табличек на дверях типа: ванная, кухня, гостиная и т. д. [2, с. 62–63]. В коммуникативном пространстве семьи зафиксированы такие письменные жанры: записки, СМС-сообщения и общения в сети Интернет, то есть те, которые используются для межличностного общения.

Короткие текстовые сообщения – SMS (от англ. Sh rt Message Service) [8], в русском языке – СМС-сообщение, смски [6, с. 173]. СМС, наряду с сообщениями в социальных сетях (Вконтакте, Одноклассники, Facebook) и мессенджерах (Wh tsAp p, ib er, Te egr m и т. п.), используются в семейной коммуникации, опосредованной мобильным телефоном и компьютером, поскольку делает возможным передачу информации разного характера.

В отечественной лингвистике недостаточно исследован феномен СМС-общения, отсутствуют работы, посвященные речевому жанру СМС-сообщений в семейном коммуникативном пространстве, чем и обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Целью данной статьи является исследование письменного речевого жанра СМС-сообщения.

М. М. Бахтин, говорит о речевых жанрах следующее: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1, с. 237].

О. В. Лутовинова рассматривает СМС как дискурсообразующий жанр виртуального дискурса и определяет его как обмен короткими текстовыми сообщениями посредством мобильного телефона. Внутри жанра исследователь выделяет две основные группы текстов: 1) «используемые для решения каких-то коммуникативных задач»; 2) тексты фатического характера [5].

Характеризуется СМС как речевой жанр, жанрообразующими признаками которого являются краткость, мгновенность, частный характер содержания, зависимость от мобильного телефона как средства передачи информации. М. Ю. Сидорова допускает возможность стилистической дифференциации внутри жанра СМС, объясняя это тем, что «русское языковое сознание традиционно выросло в парадигме трех стилей, эта парадигма переходит и в смс» [6, с. 175].

Н. О. Кушакова в жанровой системе СМС-опосредованной коммуникации в традиционных гипержанрах таких, как: дружеское общение, семейное общение, деловое общение, общение любовного характера и др. В числе этих гипержанров

исследовательница выделяет группы СМС-сообщений, основанных на тематическом признаке: болтовня, разговор по душам, ссора, болтовня, просьба и др. [4].

Учёные относят СМС-коммуникацию к речевому жанру виртуального дискурса или компьютерно-опосредованной коммуникации, который мы можем классифицировать согласно модели Т. В. Шмелевой, включающей семь признаков, на основании которых речевые жанры могут быть классифицированы:

- коммуникативная цель;
- образ автора;
- образ адресата;
- образ прошлого;
- образ будущего;
- диктумное содержание;
- языковая реализация речевого жанра [7].

СМС-опосредованная коммуникация, как и общение в интернете, характеризуется тем, что может порождать различные типы дискурса: личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный). Персональный дискурс, реализованный с помощью СМС, генетически исходный и является неформальным общением, как правило, лично знакомых коммуникантов, в то время как институциональная разновидность дискурса является производной и возникает, когда нивелируются различия межличностной и общей коммуникации. В. И. Карасик определяет статусно-ориентированный, или институциональный дискурс, как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [3]. Институциональный дискурс реализуется в рекламных СМС-рассылках, общении оператора сотовой связи – абонента, радиослушателей, которые зачитывают сообщения в эфире и др.

Выделение двух разновидностей дискурса возможно благодаря различиям коммуникативных намерений, типичных участников, коммуникативных стратегий и тактик собеседников,

регистров общения. Персональный дискурс, являющийся генетически исходным, в основном ориентирован на широкую бытовую тематику. Мы говорим об СМС-общении в семейном дискурсе, то есть личностно-ориентированном.

В семейном коммуникативном пространстве были зафиксированы такие тематические группы СМС-коммуникации:

Болтовня:

Пример 1: *– Привет, как ты там? У нас всё нормально. От папы привет. Как освободишься, позвони* (в данном и последующих примерах сохранены орфография и пунктуация коммуникантов). ***Пр. 2:*** *– У нас отключили нет – Я на работе, позвоню вечером.* ***Пр. 3****: – Билет у меня на руках – Ура! Ура! На семь? – 8.* ***Пр. 4:*** *– Ты уже едешь домой? – Да жду электрон*.

Сообщение информации бытового характера:

Пр. 1: *– Я подъезжаю к границе, позвоню через часик.* ***Пр. 2:*** *– Нас задерживают, я опоздаю*. ***Пр. 3:*** *– Мама, мы на границе, перед нами никого. Когда сядем в поезд, наберу Сашу.* ***Пр. 4:*** *– Я после министерства ещё в универ.* ***Пр. 5:*** *Получил зарплату.* ***Пр 6:*** *Через 5 мин. придёт эта дылда.*

Вопрос:

Пр. 1: *– Привет! что с работой?* ***Пр. 2:*** *– Заюня, как ты? Температуры нету?* ***Пр. 3:*** *– Крёстная, вы сёдня придёте?* ***Пр. 4:*** *– Чё звонил?* ***Пр. 5:*** *– Вы с малым?* ***Пр. 6:*** *– Ты ещё долго?*

Просьба:

Пр. 1: *– Сбрось мне рус. номер Димы Б.* ***Пр. 2:*** *– Напиши когда сдашь.* ***Пр. 3:*** *– Мамуль, ещё сгущёнки, пожалуйста;)*. ***Пр. 4:*** *– Если домой придёшь раньше 17, сходи в банк за коммунальные оплатить. Бумажка у меня на этажерке.* ***Пр. 5:*** *Купи хлеба.*

Извинения:

Пр. 1: *– Заинька прости меня. я правда не специально. Цём-цём**** ***Пр. 2:*** *– Сори, сегодня не могу.* ***Пр. 3:*** *– Не будь букой, прости.*

Напоминание:

Пр. 1: *– Зайди в аптеку.* ***Пр. 2:*** *– Завтра 4. Не опоздаю!* ***Пр. 3:*** *– Не забудь на треню воду налить.* ***Пр. 4:*** *– Оденься по теплее.*

Приветствие:

Пр. 1: *– Любимая, поздравляю с НАШИМ днём. Люблю очень, целую*:))))

Признание:

Пр. 1: *– Люблю тебя сильно-сильно. Очень соскучилась. Цем-цем** ***Пр. 2:*** *– Спокойной ночи и сладких снов я очень люблю тебя.* ***Пр. 3:*** *– Здесь классно, но хочу домой. Уже соскучилась: (* ***Пр. 4:*** *– Я тя лю:**

СМС-общение отображает современную коммуникативную ситуацию. На СМС-коммуникацию влияют как лингвистические, так и экстралингвальные факторы.

Язык СМС под влиянием ограничения количества знаков текста смс-сообщения, а также с ориентацией на устную, то есть неформальную речь, представляет собой нарушение правил орфографии (*сёдня, по теплее*) и пунктуации (*Когда сядем в поезд наберу Сашу; Любимая поздравляю с НАШИМ днем*), норм русского языка – ненормативное написание прописной и строчной буквы (*Заинька прости меня. я правда не специально)*, сокращение и искажение слов (*спс, пасибки* – спасибо, *пжл* – пожалуйста, *нет*, *инет* – Интернет, *Я тя лю:** – я тебя люблю), а также использование сленга (*универ, треня*), просторечной лексики (*дылда, грызться)*, иностранных слов (*сори, плиз*, *хай*), уменьшительно-ласкательной лексики *(заюня, мамуля)*, употребление глаголов повелительного наклонения характерно для тематической групп просьбы и напоминания *(Купи хлеба; Зайди в аптеку, Сбрось мне рус. номер Димы Б.*). Частота нарушений языковых норм зависит от уровня образования (с высшим образованием меньше ошибок в СМС-сообщениях) и возраста коммуникантов (у людей старшего поколения встречается большее количество опечаток).

Невозможность использования в письменной коммуникации невербальных средств – мимики, эмоций, жестов, интонации – делает популярным использование определённых символов, называемых «смайликами» или «эмотиконами» (определённая последовательность символов, отражающих эмоциональное состояние отправителя). Также смайлики играют в тексте роль пунктуации, а сами знаки пунктуации иногда отсутствуют вообще (*Мамуль, ещё сгущёнки, пожалуйста;)*; *Цем-цем*)*, что

приводит к определённым трудностям с дешифровкой сообщения. Но, поскольку обмен СМС-сообщениями между членами семьи происходит постоянно, получатели уже знакомы с такими особенностями «правописания» друг друга.

Чаще всего в семейной коммуникации смайлики используются в тематических группах признания, просьбы и приветствия.

Из проанализированных нами 214 СМС-сообщений в семейном коммуникативном пространстве 40 сообщений (18,6 %) – относятся к тематической группе вопроса, по 33 сообщения (30,8 %) – составляют сообщения бытового характера и просьбы, 29 (13 %) – напоминание, 28 сообщений (13%) – болтовня, 26 (12%) – признание, 20 извинений (9%), 5 сообщений (2%) – приветствия.

Таким образом, являясь одним из коммуникативных средств виртуального дискурса, СМС имеет достаточно разветвлённую систему тематических групп: болтовня, вопрос, сообщения бытового характера, напоминание, просьбы, приветствие, извинение и признание. СМС-сообщения выступают важной составляющей виртуального общения в семейном дискурсе, однако, с приходом Интернет-коммуникации и появлением различных мессенджеров и социальных сетей, не являются ведущим письменным жанром, а используются в момент отсутствия Интернет-соединения.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.

2. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, И. Н. Розанова. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

3. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

4. Кушакова, Н. О. SMS-опосредованная коммуникация: жанровый аспект [Электронный ресурс] / Н. О. Кушакова. Режим доступа URL : http://www.mediascope.ru/node/1382.

5. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О. В. Лутовинова. Волгоград, 2009. 231 с.

6. Сидорова, М. Ю. «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять…» / М. Ю. Сидорова // Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006. 193 с.

7. Шмелёва, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 91–97.

8. SMS [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/SMS

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ТОВАРНЫМ ЗНАКАМ

Севастьянова Екатерина Александровна

Россия, Нижний Новгород, ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

katsewa@mail.ru

FEATURES OF SEMANTIC ANALYSIS IN THE FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION OF TRADEMARKS

Sevastyanova Ekaterina Alexandrovna

Russia, Nizhniy Novgorod, Lobachevsky University

В статье рассмотрены особенности осуществления семантического анализа при проведении судебно-лингвистических экспертиз, связанных с установлением тождества или сходства товарных знаков до степени смешения. Разобран вопрос о наличии семантических свойств у товарных знаков, созданных на базе имени собственного.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, семантический анализ товарных знаков.

The article deals with the peculiarities of semantic analysis during forensic linguistic examinations associated with the establishment of identity or similarity of trademarks to a degree of confusion. The question of the presence of semantic properties of trademarks created on the basis of their own names is analyzed.

Keywords: linguistic expertise, trademark, semantic analysis of trademarks.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе) [2, с. 25], завершающим этапом которого является дача заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в области филологии и языкознания [13, с. 340]. Объектами судебных лингвистических экспертиз являются речевые произведения в форме письменного текста (от отдельного языкового знака до текста любого объёма) или устной речи (зафиксированной на каком-либо материальном носителе) [2, с. 25]. Объектом же судебно-лингвистической экспертизы товарных знаков является товарный знак как один из видов фирменных наименований, используемых для именования товара, работы или услуги [17, с. 50].

Лингвистическая экспертиза в большинстве случаев проводится по словесным товарным знакам. Для установления сходства товарных знаков до степени смешения в данное время используются методики двух типов:

1) «интроспективная методика, основанная на аналитическом поэлементном обосновании лингвистом-экспертом сходства / различия товарных знаков по фонетическим, графическим и семантическим признакам;

2) экспериментальные методики, связанные с проведением различных экспериментов с рядовыми носителями языка: социологических опросов, ассоциативных экспериментов, психолингвистических экспериментов с использованием тахистоскопа» [4, с. 143-148].

«Смысловое сходство определяется на основании следующих признаков:

– сходство понятий, идей, которые заложенны в обозначениях, в частности, совпадение значения обозначений в разных языках;

– совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение, за исключением ситуации, в которой смысловое значение названного элемента меняется благодаря сочетанию с другими словесными элементами;

– противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей» [11, с. 14].

«Если имеется смысловое значение у обозначения (или, наоборот, такое отсутствует) – это может способствовать признанию сравниваемых обозначений несходными. Если на экспертизу поступает словесное обозначение, состоящее из двух и более слов, то исследование проводится как отдельно по каждому слову, так и по всему обозначению в целом. Исключение составляют устойчивые словосочетания типа ШАПКА МОНОМАХА, при экспертизе которых анализируется сходство всего обозначения, а не его отдельных элементов» [6, с. 4].

При осуществлении похожего анализа и исследования товарных знаков и последующего сопоставления значения их лексических единиц на практике могут возникнуть некоторые трудности при установлении их сходства / несходства [7, с. 221-227]. Затруднения в исследовании могут возникнуть при семантическом сопоставлении товарных знаков, один из которых создан на базе имени собственного. Традиционная методика исследования семантического сходства предписывает осуществлять анализ словарных значений сопоставляемых обозначений, а в случае семантического сопоставления, когда один из товарных знаков является именем собственным, будет неприменима ввиду обособленного положения имени собственного [8, с. 205].

Как утверждает специалист в области ономастики В. Д. Бондалетов, эта проблема обособленного положения имени собственного воспринимается «не столько как лингвистическая, сколько как логическая и философская, поэтому её исследователями были преимущественно логики и философы» [3, с. 11]. Так, много усилий по её разрешению приложил известный английский логик Джон Стюарт Милль. Он пришёл к вполне закономерному выводу о том, что «собственные имена не обладают значением, они – своеобразные ярлыки, или метки, помогающие узнавать предметы и дифференцировать их друг от друга». С именами-метками не связывается характеристика названной вещи, они не «коннотируют» (не обозначают, не описывают её), а лишь «денотируют», или называют, её.

«Собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения» [19, с. 29].

Некоторые отечественные исследователи также отмечают, что «имена собственные не имплицируют наличия какого-либо качества референта. Они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств. Соотносясь с индивидными предметами, собственные имена никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного» [1, с. 190].

Обобщив сказанное выше, можно прийти к выводу о том, что ставить вопрос о наличии семантических (смысловых) признаков у имени собственного некорректно. Иными словами, можно утверждать, что товарный знак, сформированный на базе имени собственного, не имеет семантического наполнения [9, с. 205].

Несмотря на то, что механизм семантического сопоставления товарных знаков теоретически понятен и несложен, на практике он может привести как к неоднозначным, так и к некорректным выводам

«При семантическом сопоставлении однословного и составного обозначений необходимо:

– выявить тот элемент составного обозначения, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение;

– определить позицию этого элемента в составном обозначении;

– исследовать сходный элемент в заявленном обозначении с точки зрения существенности такого положения;

– провести семантическое сопоставление однословного коммерческого обозначения и логически выделенного элемента составного обозначения;

– исследовать объёмы соответствующих понятий и их соотношение друг с другом» [11, с. 320].

В современной лингвистике имеется вывод о том, что научное значение слова и психологически реальное не совпадают: «значение слова в лексикографических источниках и значение в сознании носителя языка существенно различаются по объёму семантических компонентов, числу значений и их

иерархии в семантеме» [16, с. 5]; «значение слова в лексикографических источниках существенно отличается от значения слова в языковом сознании. Психологически реальное значение шире по объёму компонентов, при его описании в 30% случаев выделяется большее число значений, наблюдается иная иерархия значений» [12, с. 321].

Рассмотрим примеры семантического анализа некоторых товарных знаков.

Конфеты «Raffaello» vs. «Трибелли»

Для выявления подобия заложенных в обозначениях понятий, необходимо определить значение анализируемых слов.

«R f f e »

Raffaello – итальянское мужское имя, произошедшее от древнееврейского имени Рафаэль. Собственное имя служит единственной цели – идентификации объекта, оно называют предмет, не приписывая ему никаких свойств, не характеризуя их.

«Трибелли»

В словарях современного русского, английского, немецкого и др. языков словарная статья, соответствующая слову «Трибелли», не зафиксирована. Имеются лишь некоторые указания, что существовала немецкая фамилия Трибель, которая возможно и была положена в основу наименования.

В лексикологии об оригинальных, неповторяющихся словах учёные говорят как о словах (словосочетаниях) индивидуальных, уникальных: к индивидуальным словам и словосочетаниям относят неологизмы и окказионализмы.

Неологизмами являются слова, значения слов или сочетания слов, которые появились в определенный период в каком-либо языке или использовались один раз (окказиональные слова) в каком-либо тексте или акте речи.

Окказиональные слова – это речевые явления, которые возникли под влиянием определенного контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо коммуникативного задания, главным образом – для выражения смысла, необходимого в данном случае. Окказиональные слова, как правило, являются результатом индивидуального словотворчества.

Таким образом, «Трибелли» – окказионализм, так как обладает свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности [5, с. 36], является искусственным знаковым образованием и не имеет словарного значения, общепринятого и понятного всем носителям языка.

Семантический анализ исследуемых обозначений показал, что они не сходны в своём значении, так как одно слово образовано от итальянской фамилии, а другое является окказионализмом.

Молочный шоколад «Алёнка» vs. «Алина»

Как все собственные имена, «Алёнка» и «Алина» служат единственно целям идентификации объекта, они называют предмет, не приписывая ему никаких свойств, не характеризуя их. Именно поэтому говорить о каком-либо смысловом сходстве исследуемых лексических единиц некорректно.

Но «Алёнка» образовано суффиксальным способом от имени собственного «Алёна» с помощью суффикса «к», имеющее уменьшительно-ласкательное значение. И при этимологическом анализе имён «Алёна» и «Алина» установлено, что они происходят от одного имени «Елена»:

Алёна – жен., народная форма к Елена [15, с. 10].

Алина – жен., 1) венг. и швед. форма к Елена [там же].

Этимологическое сходство указывает на частичное совпадение смыслового содержания исследуемых имён «Алёнка» и «Алина». Однако в современном русском языке имена «Алёна» и «Алина» тождественными не являются и не могут употребляться как синонимы.

Таким образом, смысловое сходство исследуемых конструкций «молочный шоколад Алёнка» и «молочный шоколад Алина» является недостаточным для их взаимного смешения носителями современного русского языка.

Помимо приведённого выше семантического анализа, товарные знаки также исследуются по графическим и фонетическим параметрам, при этом семантический анализ имеет более существенное значение, так как нередко именно его результаты могут быть положены в основу заключения о сходстве товарных знаков до степени смешения.

Чтобы вынести итоговое решение о сходстве/несходстве обозначений, представленных в исследовании, необходимо соотнести результаты по всем трём видам анализа. Определённую сложность создаёт также оценка смыслового сходства обозначений. Как правило, при определении смыслового сходства руководствуются следующим алгоритмом: если выявлено пересечение в смыслах сравниваемых обозначений, то возможно рассуждать о степени сходства, если же область смыслового пересечения близка к нулю, то возможен вывод об отсутствии сходства. В данном случае допускается ошибка, которая заключается в том, что выявляемая в ряде случаев противоположность понятий, заложенных в обозначениях, ложиться в основу вывода об отсутствии сходства. Между тем противопоставление – это довольно сильный вид связи, который на практике может привести к смешению обозначений. Таким образом, наличие только противоположности в значениях обозначений не должна ложиться в основу принятия решения об отсутствии сходства или тождества. В данном случае необходим более детальный и комплексный анализ исследуемых обозначений [12, с. 23].

Основываясь на приведённых примерах из экспертиз, можно констатировать, что при проведении лингвистических экспертиз товарных знаков высока доля субъективизма её результатов, поэтому видится необходимой дальнейшая разработка признаков объективизации экспертных заключений.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы) / Н. Д.Арутюнова. М.: Наука, 1977. С. 190.

2. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения / Е. И. Галяшина. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.

3. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

4. Дударева, Я. А. Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: полипропозициональный анализ / Я. А. Дударева // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Вып. 1 (49). Кемерово, 2012. С. 143–148.

5. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. М.: Высш. школа, 1976. 120 с.

6. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство № 197 от 31.12.09.

7. Новичихина, М. Е. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Вып. 1. Воронеж, 2012. С. 221–227.

8. Новичихина, М. Е. О возможностях опросов испытуемых в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Слово и текст: психолингвистический подход. Вып. 14. Тверь, 2014. С. 319–323.

9. Новичихина, М. Е. Об исследовании ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула, 2014. С. 249–257.

10. Новичихина, М. Е. О количественных критериях ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология, Журналистика». Вып. 2. Воронеж, 2016. С. 129–132.

11. Новичихина, М. Е. О психологически реальном значении слова в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». Вып. 2. Тверь, 2016. С. 319–323.

12. Новичихина, М. Е., Экспертиза товарного знака: учеб. пособие / М. Е. Новичихина, И. А. Стернин. Воронеж, 2013. 98 с.

13. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков от 20 июля 2015 года № 482.

14. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М., 2010. 464 с.

15. Суперанская, А. В. Современные русские прозвища / А. В. Суперанская // Хабарши вестник. Филология сериясы. № 6 (78). Серия филологическая. Алматы, 2004. С. 43–50.

16. Фридман, Ж. И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук: 10.02.19 – «Русский язык» / Ж. И. Фридман. Воронеж, 2006. 23 с.

17. Юматов, В. А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / В. А. Юматов, Т. Б. Радиль; под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н. И. Лобачевского А. Ю. Арефьева. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.

18. Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

19. Mill, J. St. Of names / J. St. Mill // Theory of meaning. Prentice Hall, Стернин, И. А. 1970.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ *ГОД-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XIX ВВ.

Смирнова Ольга Владимировна
Россия, Новосибирск,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирское высшее военное командное училище
www.o5olya@mail.ru

DERIVATIONAL AND SEMANTIC PROCESSES OF WORDS WITH THE ROOT *-ГОД-* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XI–XIX CENTURIES

Smirnova Olga Vladimirovna
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk Higher Command Military School

Статья посвящена выяснению деривационных и семантических особенностей лексем с корнем *год-* в русском языке XI–XIX вв. Применены синхронно-диахронический и когнитивный подходы к анализу языковых явлений. Лексемы с корнем *год-* рассмотрены как составляющие словообразовательное гнездо; выявлены изменения лексической семантики в словообразовательном гнезде.

Ключевые слова: синхронный подход, диахронический подход, лексическая семантика, словообразовательное гнездо, историческое словообразование, этимологическое значение.

The paper deals with the elucidation of the derivational and semantic processes of words with the root *год-* in the Russian language of the XI–XIX centuries. Diachronic, synchronic and cognitive approaches are uses in the paper. Words with the root *год-* make up the one family of words. The paper deals with the elucidation of the dynamics of lexical meanings in one family of word.

Keywords: diachronic, synchronic approaches, lexical semantics, family of words, historical word formation, etymological meaning.

Лексика языка определяется как упорядоченное и целостное единство. Лексическая система языка может изучаться в определённый исторический период развития языка, то есть описываться в синхронном аспекте, и в диахроническом аспекте – с целью реконструкции и описания процессов развития этой системы.

Поиск диахронических объяснений для фактов современного состояния языка, равно как и анализ на синхронном срезе, помогающий прояснить, например, происхождение языковой единицы, её употребление в древних текстах являются естественными, продуктивными и целесообразными, так как «языковое состояние нельзя рассматривать механически как инертное и пассивное… В синхронном тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса» [1, с. 143]. В настоящее время всё чаще дискуссионный вопрос о соотношении диахронии и синхронии решается в пользу синтеза: языковые процессы не могут быть адекватно объяснены при разграничении и отделении принципов синхронного и диахронического анализа. Языковые явления следует рассматривать в рамках единой динамической системы. По словам О. И. Дмитриевой, возможность семантической сочетаемости структурных компонентов по-разному проявляется в разные исторические периоды развития языка. В исследовании диахронического характера можно выявить как наиболее общие тенденции, определяющие семантическую эволюцию слов различных частей речи, так и конкретные особенности сочетаемости структурных компонентов на каждом синхронном срезе. «На каждом синхронном срезе, то есть в различные исторические периоды, конкретная сумма разрешенных сочетаемостей структурных компонентов различна, то есть по-разному реализуются их валентные возможности» [3, с. 35].

Когнитивная лингвистика использует собственно когнитивные методы с дальнейшим когнитивным анализом полученных результатов исследования: «Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся методами лингвокогнитивного исследования» [7, с. 8].

Статья посвящена исследованию семантических и деривационных отношений лексем с корнем *год-* в русском языке XI–XIX вв.

Изучение закономерностей развития языка, семантических изменений значений слов в историческом процессе, деривационных отношений лексем, составляющих комплексные языковые единицы, является одной из задач лингвокогнитивистики. В нашей работе лексемы с корнем *год-* рассматриваются как составляющие одно словообразовательное гнездо (СГ): «… выявление тех видов семантических отношений, которые наблюдаются между базовым и производным, столь важно и для теории словообразования, и для уяснения сущности процессов номинации» [5, с. 78].

Цель работы – выявить особенности развития семантики слов в СГ с корнем *год-* в русском языке XI–XIX вв.

Слова *год, годить, годиться, погода* в работе рассматриваются как составляющие одно СГ, развивавшееся в русском языке на протяжении всей его истории. Для реконструкции СГ и выявления его вершины были сопоставлены данные этимологических словарей. В историко-этимологическом словаре П. Я. Черных дискуссионный вопрос об этимоне анализируемого СГ решается следующим образом: значение глагола **goditi* определено через семантику производящего слова **godъ*. Общеславянское по происхождению слово **godъ* – ‘доброе (удобное) время’, ‘добрый час’, ‘удобный срок’, с индоевропейским корнем **-ghedh-* (**-ghodh-*), значение которого реконструировано как ‘сообразовать(ся)’, ‘соответствовать’, ‘подходить’, названо производящим для глагола **goditi* со значением ‘делать что-либо в добрый час, разумно, впопад’, ‘попадать’.

Данные современной этимологии о том, что глагол **goditi* есть этимон, следовательно, значение ‘угождать, быть пригодным, удобным’ самое раннее в СГ с корнем **-god-*, являются ещё одним фактом, подтверждающим известное в когнитивистике мнение об изначально аксиологической сущности мировидения человека [8, с. 45]. Окружающий мир воспринимался и оценивался человеком с точки зрения удобства и пригодности для самого человека.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. зафиксировано 63 слова, составляющих СГ с корнем *год-*. Семантика этих лексем различна и вместе с тем может быть систематизирована, так как

является развитием тех лексических значений и направлений их эволюции, которые были свойственны анализируемым единицам в предшествующий период истории языка. Исконное значение качества-пригодности обнаруживается в производных словах: *годити*, *годно*, *годность*, *годьба, гожение, згодный* и др. В Словаре РЯ XI–XVII отмечен 21 дериват со значениями, восходящими к исконному ‘угождать, удовлетворять’ > ‘годный, пригодный’ (значение качества-пригодности).

Значение качества-пригодности в дериватах с корнем *год-* расширяется и модифицируется: ‘быть угодным’, ‘угодно’, ‘уместно’, ‘соответствующий’, ‘надлежащий’, 'пригодный кому-либо’, ‘угодный кто-либо’, ‘полезный для чего-либо’, ‘что-нибудь полезное’. Эволюция семантики, а также появление синонимов и антонимов у анализируемых производных слов свидетельствуют об актуальности значения качества-пригодности в русском языке в XI–XVII вв.

По данным Словаря РЯ XI–XVII в исследуемом СГ зафиксировано 7 дериватов (*годье*, *сгодье, згодье, безугодный* и др.), обозначающих ‘удобное, пригодное место’. Развитие данного значения происходило на основе метонимического переноса и обусловлено особенностями мировосприятия человека-землепашца. Формирование его представлений о пространстве было обусловлено оцениванием места, участков земли с позиции пригодности прежде всего для земледелия. Таким образом, представление о месте связано с качественной оценкой его пригодности для человека, и указанные дериваты с корнем *год-* в древнерусском языке следует рассматривать как лексемы, обладающие синкретичной семантикой (‘качество-пригодность’ и ‘пространство’, ‘место’).

У 11-ти лексем, являющихся, как правило, многозначными (*годъ, безгода* (сущ.), *безгодный, безгодно, безгодие, безгода* (нареч.), *погода, погодный* и др.), в семантической структуре отмечены семемы качества-пригодности и времени. Это объясняется особенностями мировоззрения человека Древней Руси, который связывал представление о времени со своей практической деятельностью и определял его как пригодное / непригодное, благоприятное / неблагоприятное для чего-либо.

Понятие времени связывалось также с оценкой какого-либо периода: благоприятное время – ‘счастье’ (*годъ, погода*), неблагоприятное – ‘несчастье’ (*безгодно, безгодие*).

Еще 24 производных слова с корнем в Словаре РЯ *год-* XI–XVII отмечены со значением времени (*годъ*, *годовой, годовое* (сущ.), *годовая* (сущ.), *годовщикъ, годовальщикъ, годовальщиковъ, годовикъ, годовный, годовати* и др.).

Анализ дериватов с точки зрения их семантической эволюции показал, что все они сохраняют и развивают значение корня **-god-*, ‘угождать, удовлетворять’, воплощённое в праславянском глаголе **goditi*. Прослеживаются четыре линии развития этого исходного значения в производных лексемах с корнем *-год-*:

1) ‘угождать, удовлетворять’ → ‘годный, пригодный, удобный’ (значение качества-пригодности): *годный*, *сгодный, згодный, изгодный, годность*, *годьба, гожение* и др.;

2) ‘угождать, удовлетворять’ → ‘годный, пригодный, удобный’ → ‘удобное, пригодное место, пространство’: *годье, згодье, сгодье, безугодный* и др.;

3) ‘угождать, удовлетворять’ → ‘удобный, пригодный’ → ’удобное, благоприятное время’: *годъ*, *безгодный, доброгодие, злогодие, погодный* и др.;

4) ‘угождать, удовлетворять’ → ‘удобное, благоприятное время’ → ‘время’: *годъ*, *годовати, годовое* (сущ.), *годовая* (сущ.), *годовикъ* и др.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля приведено следующие значения слова *годъ*: ‘продолжение времени, в какое солнце, при мнимом течении своем, возвращается в ту же точку’; ‘кругооборот четырех времен года’ [2, с. 364–365]. Значение данной лексемы конкретизировано с точки зрения временной определенности, в то же время наблюдается утрата семы исконного значения «удобства», «пригодности» для чего-либо. В связи с отсутствием значения качества как компонента в структуре лексического значения лексемы *годъ*, она употребляется в составе синтагм с определениями *чёрный* (бедственный), *красный* (счастливый).

В форме множественного числа *годы* имеет значение ‘празднество, пир’. Данная лексема зафиксирована в воронежском наречии.

В словаре В. Даля производящим словом определено существительное *год* с временным значением. Одной из особенностей «Толкового словаря живого великорусского языка» является его направленность на раскрытие системности слов – главным образом, словообразовательных отношений. Анализ мотивационных, в том числе структурно-семантических отношений между дериватами способствует выявлению некоторых общих закономерностей номинации реалий.

В одно гнездо с вершиной *годъ* автор словаря поместил следующие дериваты: *година, годовой, годичный, годичность, годичникъ, годинный, годовинный, годовикъ, годовщикъ, годовать, годованье, годовальщик, годовалый, годить, годится, годиться, гождаться, годствовать, годный, годно, годня, годность, годник, годейный, гоженький, гожество.*

Все представленные производные можно отнести к трём основным группам. Основанием для распределения служат семантические особенности лексем. К первой группе относятся слова с временными значениями: *година, годовой, годичный, годичность, годичникъ, годинный, годовинный, годовать, годованье, годовальщикъ, годовалый* – ‘относящийся к году’, ‘совершаемый ежегодно, за год’, ‘пребывать где-либо в течение года’.

Ко второй группе отнесены слова с синкретичной семантикой: *годейный, годня.* Эти дериваты в словарной статье даны с пометой – указанием на диалект, в котором зафиксировано слово: *годня* (влгд.) – ‘способное к чему время, пора’; *годейный* (сиб.) – своевременный, благовременный, во-время сделанный или случившийся. Глаголы *годить* и *годиться* имеют временные значения, но их семантику можно охарактеризовать как синкретичную: ‘ждать, выжидать’ чего-либо, более подходящего времени. Сема ‘удобное, пригодное время’ является потенциальной в структуре лексического значения данных лексем: «Долго *гожу*, да вдругъ отплачу» [2, с. 365].

Третью группу производных составляют слова со значением качества-пригодности, уместности, полезности: *гождаться, годствовать, годный, годно, годность, годникъ, гоженький, гожество*. *Годный* – ‘хороший, путный, дельный’: «И красенъ, и *годистъ*, а за деньгой тянись» [2, с. 365]. Как видно из примера, в лексической структуре слова отсутствует сема ‘время’.

Таким образом, исконное значение корня год-, определенное как ‘угодное, удовлетворяющее’ каким-либо условиям, сохраняется не во всех производных в СГ. Происходит постепенное размежевание значений: времени и качества. Вместе с тем некоторые лексемы имеют синкретичное значение – благоприятного для чего-либо времени. Подобная актуализация исконного значения свойственна диалектам, которые способны сохранять некоторые формы и значения на протяжении длительного времени.

Итак, дефиниция значения этимона (например, первоначальной формы слова с корнем *-god-) носителю современного языка представляется синкретичной. Изучение того, как происходило деривационное и семантическое развитие этимона в истории даже одного языка, помогает в том числе ответить на вопросы, возникающие и с точки зрения ретроспективной логики: каковы были компоненты этого первоначального синкретичного значения этимона; в виде какой лексемы он был оформлен грамматически, если впоследствии породил именно такое словообразовательное гнездо.

Литература

1. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–36.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. 700 с.

3. Дмитриева, О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / О. И. Дмитриева. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2005. 224 с.

4. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.

5. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 26–34.

6. Кубрякова, Е. С. О понятии синхронии и диахронии / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. 1968. № 3. С. 112–124.

7. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. М., 2007. С. 7–9.

8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 215 с.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008.

10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1– 43. М., Л., СПб.: Наука, 1965– 2010.

11. Тимофеев, К. А. Структура словообразовательной системы русского языка / К. А. Тимофеев // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988. С. 89–107.

12. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. М. 1985. Т. 1–2.

13. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–2005. Вып. 1–31.

14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 3-е изд., стереотип. СПб., 1996. Т. 1–4.

15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. 8-е изд., стереотип. М., 2007. Т. 1–2.

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ СТИЛИЗАЦИИ В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ А. ПОГОРЕЛЬСКОГО «ЧЁРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ»

Степанова Анастасия Петровна

Республика Беларусь, г. Витебск, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

sanvit27@gmail.com

WAYS AND MEANS OF STYLISTIC CREATION IN THE FAIRY TALE «BLACK HEN OR UNDERGROUND INHABITANTS» BY A. POGORELSKIY

Stepanova Anastacia

Republic of Belarus, Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov

Статья посвящена лингвистическому анализу средств и способов создания стилизации в волшебной повести А. Погорельского «Чёрная

курица, или Подземные жители». Жанр литературной сказки получил всемерное развитие в пушкинскую эпоху в том числе и благодаря стараниям А. Погорельского. Поэтому исследование своеобразия языковой ткани его ключевого художественного произведения, которое в настоящее время изучено явно недостаточно, видится актуальным как в теоретическом, так и в практическом планах.

Ключевые слова: стилизация, речевые клише, несобственно-прямая речь, сложные синтаксические конструкции, стилистическая тональность.

The article deals with linguistic n sty istic n ysis f A. g re sky's f i ry st ry «B ck Hen r Un ergr un Inhabitants». The genre of literary fairy-tail developed in different ways in the Pushkin Epoch. A. Pogorelskiy was a writer who contributed to the fairy-tail evolution. So it is currently important to study the main work of this writer practically and theoretically, as «B ck Hen r Un ergr un Inh bit nts» are not enough studied nowadays.

Keywords: p sticci , speech c ich , inner m n gue, c mp e synt c tic construction, stylistic tonality

Сказочная повесть «Чёрная курица, или Подземные жители» была написана и опубликована А. Погорельским (настоящее имя А. А. Перовский) в эпоху, переломную для истории русской литературы, когда во «взрослой» литературе романтизм как художественный метод был в самом расцвете, уже вытеснив остатки сентиментализма, и зарождался реализм; однако в литературе для детей сентиментализм ещё главенствовал. Безусловно, эпоха, в которую родилось произведение, не могла не повлиять на его стилистику и соответственно – на конкретно избираемые автором средства для создания стилизации, которая закономерно предопределяется жанром рассматриваемого произведения.

Перед тем как приступить к анализу текста, целесообразно установить значение термина «стилизация». В словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» под редакцией Н. Д. Тамарченко данное понятие трактуется двояко: «Стилизация – 1) в широком смысле слова: намеренная и явная имитация того или иного стиля (стилистики), полное или частичное воспроизведение его важнейших особенностей <…> 2) в узком смысле – авторская речь, сознательно ориентированная на определённый литературный стиль, в отличие от сказа, ориентированного на внелитературные жанровые и речевые формы» [9, с. 243]. В литературной

энциклопедии под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Вертинского находим следующие определения интересующего нас понятия: «Произведение, сознательно написанное по какому-нибудь примеру или образцу и повторяющее до мельчайших подробностей его приёмы, главным образом, в словесном искусстве, определяется как стилизация. <…> Стилизацию мы рассматриваем более широко, не только как сознательное подражание в стиле, но и как художественное воспроизведение той или иной эпохи в её собственных способах выражения со всеми характерными подробностями и мелочами. <…> Образцом в данном случае является стиль эпохи, отличающийся свойственными только ему особенностями выражения, оборотами мысли, словами. Это и есть норма художественной стилизации, т. е. чутьё к индивидуальным особенностям времени, а не к нормативному стилю вообще» [6, т. 2]. В лингвистическом понимании стилизация трактуется как «намеренное построение художественного <…> текста в полемических целях в соответствии с основными принципами, приёмами организации, использования языкового материала, присущими известному литературному направлению, школе, какому-либо жанру. <…> При стилизации определённые речевые средства и приёмы их использования актуализируются. Например, при жанровой стилизации на первом плане оказываются черты синтаксической организации имитируемых текстов, общие принципы композиционно-речевой структуры «прототипного» стиля» [5, с. 674–675]. С учётом задач нашего исследования приоритетным для нас будет на последнее из приведённых определений термина «стилизация», поскольку именно оно, с нашей точки зрения, акцентирует внимание на авторских принципах отбора языкового материала и на способах и приёмах его организации в словесно-художественной структуре.

В настоящей публикации мы ставим целью выявить и описать некоторые стилизационные приёмы в указанном произведении А. Погорельского, свидетельствующие о его ориентации на жанр сказки в его традиционном понимании. В начале повествования автор «вводит» читателя

в художественно-временн е пространство произведения словами «Лет сорок тому назад», «… в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был…», демонстрируя тем самым следование композиционно-стилистическому формату народной (фольклорной) сказки. Для фольклорной сказки, сопровождаемой соответствующими клише, характерно однонаправленное время, развёртывающееся последовательно (вперёд), что предполагает и использование характерных лингвистических единиц. При этом в народное сказочное повествование включаются, прежде всего, речевые клише, которые придают фольклорному произведению *сказовую* тональность, плавность, неторопливость: *в некотором царстве, в некотором государстве*; *в далёкое время*; *жили-были*; *долго ли, коротко ли сказка сказывается*.

В дальнейшем развёртывании повествования более явственными, на наш взгляд, становятся черты *индивидуально-авторского* характера. Так, экспозиция, заполняемая, в основном, описанием старого Петербурга и пансиона, в котором живёт главный герой, преимущественно, из сложноподчинённых предложений с разного рода придаточными частями: сложноподчинённые конструкции с придаточными определительными и изъяснительными – их автор использует в том числе и при представлении читателю главного героя: «Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что иногда с летами становятся красивее. <…> В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, теперь же обратимся опять к пансиону, ***который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии***. <...> *Крыльцо,* ***по которому в него входили***, было деревянное и выдавалось на улицу. Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жильё, состоявшее из восьми или девяти комнат, ***в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы***. <…> Особливо сначала он никак не мог приучиться к мысли, ***что он разлучён с родными своими***» (выделено мною. – А. П.) [8, с. 4 – 5]. В учебном пособии М. Н. Кожиной «Стилистика русского языка», где представлена характеристика соотношения видов придаточных предложений с функциональными стилями, в частности

говорится: «Определительные же и изъяснительные придаточные предложения широко употребительны в разных видах речи, составляя в них довольно большой процент. Поэтому их можно считать стилистически нейтральными» [4, с. 149]. Однако при этом М. Н. Кожина делает оговорку, что существующих исследований по данному вопросу недостаточно для объективных выводов по всем стилям. Представляется, что анализ художественных произведений с явными признаками стилизации мог бы быть весьма полезным и для уточнения некоторых характеристик функциональных стилей.

Кроме сложноподчинённых предложений с разного рода придаточными, А. Погорельский использует сложносочинённые предложения, части которых соединены различными по своей семантике сочинительными союзами, среди которых есть и стилистически маркированные, то есть также ориентированные на решение стилизационных задач (*да и, а, но*): «Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; *да и* самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. <…> Однако, несмотря на то, ему часто скучно было в пансионе, *а* иногда даже и грустно. <…> Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно, *но* когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алёша горько чувствовал своё одиночество» [8, с. 4 – 5]. Л. Г. Барлас в пособии для учителей «Русский язык. Стилистика» утверждает, что «разговорную окраску приобретает предложение с соединительным союзом *да*. <…> Предложения с устойчивыми частями, соединёнными противительно-уступительными союзами *а, но*, характерны для разговорной речи, а также ***находят отражение в языке художественной литературы*** и публицистики…» (выделено мною. – А. П.) [1, с. 242]. Анализируемый нами материал в целом подтверждает высказанные положения.

Автором «Чёрной курицы…» широко используются различные языковые элементы, воспринимаемые во время написания произведения как стилистически нейтральные, а в настоящее время – преимущественно как книжные: обособленные члены предложения, причастные обороты и т. д. –

ср., например: «подмостки, ***часто из гнилых досок сколоченные,*** *мост,* ***узкий в то время и неровный***, двор, отделённый от переулка деревянным забором из барочных досок» (выделено мною. – А. П.) [8, с. 5]. По мнению и М. Н. Кожиной, и Л. Г. Барлас, обособленные члены стилистически значимы и их главной функцией является смысловое выделение обособляемых слов. Что касается причастных оборотов, то их особая значимость отмечалась давно, причём при этом подчёркивался именно их книжный характер. На характерную роль данных конструкций указывал и А. С. Пушкин, говоря о различии между письменной речью и речью разговорной. В «Письме к издателю» он написал: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же как разговорный язык никогда не сможет быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оный,* но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. <…> Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретённого им в течение веков» [10, с. 330].

В анализируемом произведении автор нередко прибегает к приёму несобственно прямой речи – в частности, когда описывает пансионат, в котором живёт Алёша, а также когда знакомит читателя с увлечениями мальчика. Автор словно «через себя» выражает мысли и чувства героя, «сливает» его речь со своей; создаётся ощущение, что он смотрит на мир глазами ребёнка, но в то же время рассказывает о них с позиций взрослого (при этом конструкции, характерные для передачи чужой речи, не используются): «Алёша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были бараки, и ***ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия***. ***Но, к крайнему его сожалению, не явился никто даже похожий на волшебницу***. <…> Между курами он особенно любил чёрную хохлатую, названную Чернушкою. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда

позволяла себя гладить, и поэтому Алёша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алёшу более, нежели подруг своих» (выделено мною. – А. П.) [8, с. 6].

Анализируя используемый приём несобственно-прямой речи более детально, целесообразно подробнее остановиться на лексической составляющей, посредством которой прежде всего и передаётся мировосприятие ребёнка в рассматриваемой произведении. Так, автор перечисляет предметы быта: *деревянный забор из барочных досок*, *дырочки от деревянных гвоздей*, *игрушка*, нередко используя для их номинации существительные с суффиксами субъективной, преимущественно эмоционально-экспрессивной, оценки (чаще всего – уменьшительно-ласкательными): *кур**очк**а*, *дыр**очк**и*, *письм**ец**о*, *Черн**ушк**а*, – а также имена прилагательные с аналогичными суффиксами: *умн**еньк**ий*, *мил**еньк**ий* и под. Наполняя описание лексическими средствами такого характера, А. Погорельскому удаётся «…в пределах повести изобразить космос внутренней жизни ребёнка» [7, с. 73].

Несложно заметить, что всё произведение пронизано грустно-щемящей тональностью, которая играет важную роль в передаче мировосприятия Алёши, очень тоскующего по родителям и по своему дому в принципе. Речевое воплощение подобного эмоционального фона осуществляется при помощи ряда однокоренных лексем разной частеречной принадлежности со значением **единичности**, а в данном случае – **одиночества**: *один – одиночество – единственный – уединение* и др.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что А. Погорельский, создавая произведение, рассчитанное на *разновозрастного* читателя, обращается к различным стилизационным приёмам. При этом писатель не допускает упрощения, не стремится к псевдодоступности за счёт примитивизации.

Примечально, что сказочная повесть «Чёрная курица, или Подземные жители» была написана А. Погорельским для своего племянника Алексея Константиновича Толстого, ставшего впоследствии известным писателем, и основной целью

произведения было решение морально-педагогических задач, но без лишнего нравоучения и назидательности, которые могли оттолкнуть маленького мальчика.

Этого автору удалось достичь в том числе и в результате обращения к стилизационным приёмам: использования речевых клише, которые характерны для народных сказок; введения в повествование стилистически маркированных сложных синтаксических конструкций разного характера (особо отметим, что части этих конструкций связаны союзами, принадлежащими к **разным** функциональным стилям), что позволяет более явственно воплотить в художественном тексте определённую стилистическую тональность. Особую динамичность придаёт произведению А. Погорельского активно используемый приём несобственно-прямой речи, в результате обращения к которому «создаётся двуплановость высказывания: воспроизводится «внутренняя речь» персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле «говорит» он), но выступает за него автор; объективная оценка событий преломляется сквозь призму восприятия персонажа» [10, с. 353].

Литература

1. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика: пособие для учителей / Л. Г. Барлас. М.: Просвещение, 1978. 256 с.
2. Будагов, Р. А. Писатели о языке и язык писателей / Р. А. Будагов. М.: Изд-во МГУ, 1984. 280 с.
3. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. М. : Высшая школа, 1981. 320 с.
4. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / М. Н. Кожина. М. : Просвещение, 1977. 223 с.
5. Бельчиков, Ю. А. Стилизация / Ю. А. Бельчиков // Культура русской речи :энциклопедический словарь-справочник / Л. Ю. Иванов [и др.]; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 674–676.
6. Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов: в 2 т. / редкол. : Н. Бродский (гл. ред.) [и др.]. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 799 с.
7. Минералова, И. Г. Детская литература: учеб. пособие для вузов / И. Г. Минералова. М.: Владос, 2005. 175 с.

8. Погорельский, А. Чёрная курица, или Подземные жители / А. Погорельский // Погорельский, А., Одоевский, В. Две сказки. М.: Детская литература, 1975. С. 4–27.
9. Козьменко, М. В. Стилизация / М. В. Козьменко, Д. М. Магомедова // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко [и др.]; под общ. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной; Intr , 2008. С. 243–245.
10. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. М.: Издательский дом «Оникс21 век»: Мир и образование, 2001. 381 с.
11. Русская детская литература / Ф. И. Сетин [и др.]; под общ. ред. Ф. И. Сетина. М.: Просвещение, 1972. 367 с.
12. Сетин, Ф. И. История русской детской литературы, конец X – первая пол. XIX в.: учебник / Ф. И. Сетин. М.: Просвещение, 1990. 303 с.

О ТЕНДЕНЦИЯХ И ПРИОРИТЕТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЁХЪЯЗЫЧИЯ В ГОСУДАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН)

Суюнбаева Алтынгуль Жакиповна,
Бухарбаев Марат Абулихаерович,
Касаева Жанаргуль Сергеевна
Республика Казахстан, Актобе,
Военный институт Сил воздушной обороны
altin_suenbaeva@mail.ru, marat58buh@mail.ru,
janara-74@mail.ru

ABOUT TRENDS AND PRIORITIES OF USE OF TRILKING IN THE STATE (ON THE EXAMPLE OF LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Suyunbaeva Altyngul Zhakipovna,
Bukharbayev Marat Abulikhaerovich,
Kasaeva Zhanargul Sergeevna
Republic of Kazakhstan, Aktobe, Department of State Language
Military Institute of the Air Defense Force

В статье рассматриваются вопросы функционирования языков в Республике Казахстан и языковой ситуации, сосредоточенной на развитии трёхъязычия. Приводятся различные трактовки понятия «языковая ситуация» в социолингвистике, а также объективные факторы и

параметры для их выделения на территории исконного распространения языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, функциональная социолингвистика, вариативность языковых средств, кодовое переключение, билингвизм, языковая политика.

The article deals with the functioning of languages in the Republic of Kazakhstan and the peculiarity of the language situation focused on the development of trilingualism. Various interpretations of the concept of «language situation» in sociolinguistics are presented, as well as objective factors and parameters for their isolation. The author asserts that the functioning of the language on the territory of its age-old distribution is conditioned not only by internal linguistic regularities, but also by external factors.

Keywords: language situation, functional sociolinguistics, variability of linguistic means, code switching, bilingualism, language policy.

Языки могут обслуживать все сферы общения в данной стране или в отдельном ее регионе и, находясь в равноправных отношениях друг с другом, принадлежать к одному функциональному типу, как, например, в Казахстане, где объем частных коммуникативных функций казахского и русского языков в настоящее время примерно одинаков. Языки могут также членить континуум коммуникации на неравнозначные части, устанавливая между собой отношения иерархичности, и принадлежать к разным функциональным типам. Функционирование языков в любой стране зависит от сложившейся языковой ситуации, которая определяется как совокупность форм существования одного языка или совокупности языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных регионов или административно-политических образований [6, с. 97].

Функциональная социолингвистика исследует функционирование языка и его изменения в зависимости от социальных факторов. Данный термин был противопоставлен структурной социолингвистике, изучающей отношения между социальной структурой общества и социальной дифференциацией языка.

Функциональная социолингвистика рассматривает следующие проблемы (схема 1):

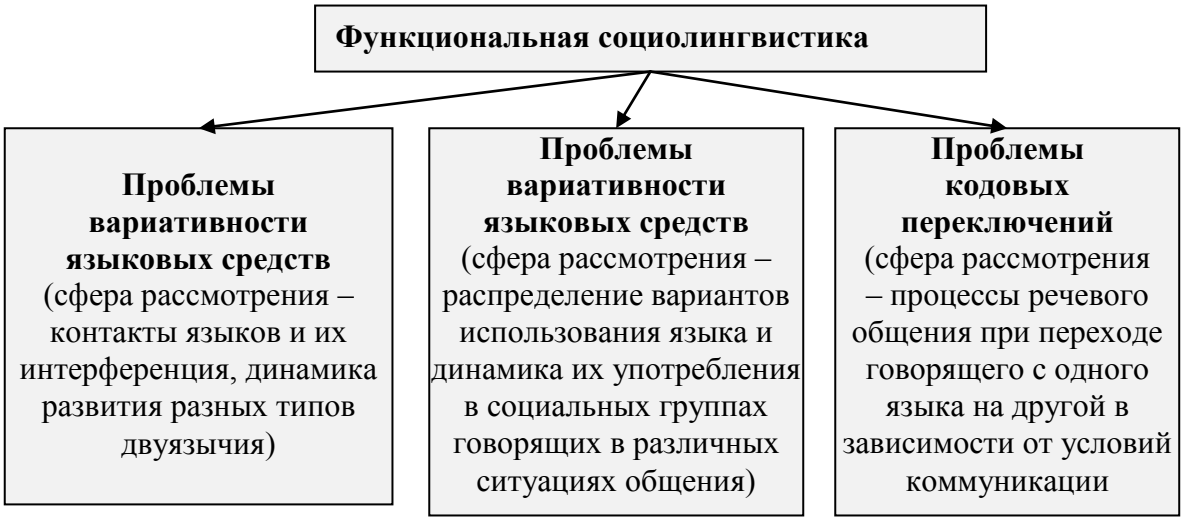

Схема 1. Содержание понятия «функциональная социолингвистика»

В пределах 2-й проблемы, проведённый нами анализ фактического материала в условиях полиязычного социума, показал, что казахский язык в моноэтнических районах активно используется в важнейших сферах социального общения, а в некоторых населенных пунктах он употребляется как язык межэтнической коммуникации. Но, несмотря на свою распространённость и демографическую мощь, казахский язык уступает русскому по коммуникативным функциям.

В пределах 3-й проблемы в Республике Казахстан в государственных и общественных учреждениях, в административной деятельности, в сфере образовании, в профессиональной и транспортной коммуникации наряду с государственным (казахским) языком часто употребляется русский язык, имеющий статус официального языка. На распространение русского языка повлияли различные объективные и субъективные социально-исторические факторы.

Многие страны являются двуязычными. В республике Казахстан национально-русский билингвизм – отличительная черта языковой ситуации, характеризующей современное постсоветское пространство. В Казахстане социолингвистический аспект двуязычия в последние годы изучается довольно интенсивно. По мнению казахстанских учёных (Б. Хасанов, М. Копыленко, М. Кондубаева, А. Карлинский, З. Ахметжанова и др.), двуязычие не должно

развиваться стихийно. Многоаспектные задачи общества требуют перестройки билингвистического образования, особенно в сфере высших учебных заведений. Казахстанские ученые определяют язык, прежде всего, как средство общения, а затем как орудие формирования мышления и способ выражения эмоций. Из этого следует, что основной функцией языка является коммуникативная, а основной целью обучения языкам является формирование коммуникативной компетенции [6, с. 99].

«Идея триединства возникла не просто как новый формат языковой политики, она была выработана в связи с жизненной необходимостью. Казахстан, взяв курс на овладение его гражданами тремя языками, исходит из нынешних реалий – триединство языков будет являться свидетельством конкурентоспособности страны. Знание английского языка сегодня открывает окно в глобальный мир с его потоком информации и инноваций» [2, с. 37].

В словаре социолингвистических терминов В. Ю. Михальченко трёхъязычие определяет как «функционирование трёх языков в пределах территориальной общности (государства, региона, города, поселка) и как владение индивидом тремя языками в пределах его коммуникативных потребностей» [4, с. 312].

По вопросу развития трёхъязычия в стране существуют различные точки зрения. В частности, по мнению К. Н. Смагуловой, вопрос трёхъязычия «для определённой категории граждан страны, к которой можно отнести относительно небольшой по размерам средний класс, уже решён, поскольку владение несколькими языками для них является важнейшим условием экономической успешности и стабильности. Однако на всё население страны проецировать подобный подход ещё рано, поскольку государство сразу не сможет обеспечить необходимые ресурсы и соответствующую потребность в подобного рода знаниях» [5, с. 15]. В. Вишниченко, поддерживая эту идею, считает, что развитие казахского языка имеет «первостепенное значение как языка государственного, поскольку он гарант независимости, залог достойного развития нации. Русский язык был и остаётся в перспективе языком межнационального общения: он понятен

подавляющему большинству жителей страны и распространён во всех сферах. Овладение же английским языком поможет нам активно интегрировать в международное экономическое и образовательное пространство. Развитие и функционирование в стране трёх языков открывает широкие перспективы в развитии нашего общества» [1, с. 4].

В целях исследования языковой ситуации, например, в сфере авиации, на базе Военного института Сил воздушной обороны РК, были проведены несколько опросов в течение четырех лет (2014–2018 гг.). Контингент опрашиваемых – курсанты, сотрудники постоянного состава (гражданские служащие, офицерский корпус), относящиеся к представителям разных национальностей.

По данным проведённого исследования, введение в Казахстане трёхъязычия считают необходимым 72,3% опрошенных. На основании результатов опроса можно утверждать, что в образовательной системе начался переход от двуязычия к трёхъязычию. В послании Президента Республики Казахстан народу Казахстана (от 28 января 2011 г.) глава государства отметил, что «к 2020 году доля населения, владеющего английским языком, должна составлять не менее 20-ти процентов» [3, с. 2]. Однако 27,2% опрошенных на вышеуказанный вопрос ответили отрицательно, поэтому едва ли оправдана надежда на быстрое решение этого вопроса. Из общего числа опрашиваемых 72,8% респондентов хорошо владеет именно русским языком и отдаёт ему предпочтение во всех сферах деятельности. Доля владеющих государственным (казахским) языком составляет 67%. Это объясняется тем, что в данном вузе профессиональное обучение ведётся на русском языке, а казахский язык не имеет востребованности в профессиональном общении.

В условиях многонационального Казахстана предложенное триединство языков является существенным фактором укрепления общественного согласия. При этом следует подчеркнуть, что на распространение в стране неродного языка влияет языковая политика в глобальном и национальном масштабе.

Согласно данным проведенного нами социолингвистического опроса, можно сделать вывод, что в настоящее время представители старшего поколения не используют в своей речи трёхъязычие, так как для них английский язык не представляет какой-либо перспективы в ближайшем будущем. Люди среднего возраста (30–45 лет), профессиональная деятельность которых напрямую связана с коммуникацией, в силу востребованности знания казахского, русского и английского языков, положительно относятся к данному явлению. В отличие от них большая часть представителей молодого поколения, как свидетельствует практика, недостаточно владеет государственным (казахским) языком и при этом свободно говорит, пишет и понимает на русском языке и предпочитает изучать английский язык, считая его в наше время более перспективным и востребованным. Отсюда закономерным процессом является желание и способность тех, кто видит своё будущее в неразрывной связи с развитием казахстанского общества, в совершенстве овладеть тремя языками.

Таким образом, можно сказать что, функционирование языка на территории его исконного распространения и в различных группах природных его носителей обусловлено не только внутренними языковыми закономерностями, но и внешними факторами. При языковом преобразовании необходимо учитывать тот факт, что двуязычие в Республике Казахстан – естественное явление для всего разновозрастного населения страны, представителей разных национальностей, а трёхъязычие сопровождается языковыми изменениями, к которым побуждает языковая политика страны.

Литература

1. Вишниченко, В. Национальное единство – наш стратегический выбор / В. Вишниченко // Костанайские новости. 2009. 21 окт. № 146. С. 4.

2. Жикеева, А. Р. Особенности формирования и развития трехъязычия в республике Казахстан на примере Костанайской области / А. Р. Жикеева // Материалы Международной научной конференции «Один пояс – один путь. Лингвистические основы взаимопонимания» (Екатеринбург, 16–21 октября 2017 г.), 2017. С. 37–39.

3. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Построим будущее вместе!» // Казахстанская правда. 2011. 29 янв. № 33–34. С. 1–2.

4. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова ; отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. 312 с.

5. Смагулова, К. Н. Языковая ситуация в Казахстане и функционирование русского языка / К. Н. Смагулова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / сост.-ред. О. В. Гневэк. Магнитогорск: МаГУ, 2008. С. 15–20.

6. Суюнбаева, А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей / А. Ж. Суюнбаева // Научный диалог. Екатеринбург 2016. № 5 (53). С. 97–109.

7. Хасанулы, Б. Языки народов Казахстана: от стратегии молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты) / Б. Хасанулы. Алматы: Арда, 2007. 384 с.

ЯЗЫК ПУБЛИЦИСТИКИ: ТОПОЛОГИЯ И НОВАТОРСТВО

Табакова Зинаида Петровна

Казахстан, Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева, ztabakova@yandex.ru

LANGUAGE OF JOURNALISM: TOPOLOGY AND INNOVATION

Tabakova Zinaida Petrovna

Kazakhstan, Petropavlovsk, M.Kozybaev North Kazakhstan State University

В статье исследуются языковые особенности публицистических текстов на сайтах интернета. Автор приходит к выводу, что в публицистике наблюдается синтез лексики разного употребления, а также активное употребление фразеологических средств русского языка, прецедентных высказываний, в целях создания иронии обыгрываются «крылатые фразы» представителей властных структур.

Ключевые слова: лингвистическая топология, синтез, фразеологизмы, трансформация, прецедентные высказывания.

The article examines the linguistic features of publicistic texts on the Internet websites. The author comes to the conclusion that in the journalism there is a synthesis of vocabulary of different uses, as well as the active use of phraseological means of the Russian language and precedent statements, for the purp se f the ir nic effect, the "c t ch phr s es" f the u th rity b y representatives are played out.

Keywords: linguistic topology, synthesis, phraseological units, transformation, precedent statements.

Вопросы культуры речи волнуют не только филологов, но и большую часть общества. С появлением мобильной связи люди стали больше общаться в устной форме, меньше читать книг и газет, однако интернет стал агрессивно вытеснять радио и даже телевизор, который постепенно превращается в предмет мебели: смотреть и слушать не хочется, а выбросить жалко. Интернет стал главным источником новостей, консультантом по самым разным вопросам бытия, проведения досуга, источником знаний, языковым стимулятором формирования мировоззрения и возбуждения эмоций. Объектом нашего исследования являются публицистические статьи на сайтах интернета, а предметом – языковые особенности текстов на общественно-политические темы. Исследование охватывает микротемы: во-первых, заголовки, во-вторых, проблему топологии и трансформации лексического и фразеологического материала.

В процессе исследования сложилась рабочая гипотеза: лингвистическая топология позволяет рассматривать процесс развития языка в единстве динамики и сохранения его основ. В процессе эволюционного развития языка динамика не вызывает революционной ломки статики. «Язык, – писал Э. Сепир, – это путеводитель, приобретающий всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [2, с. 261].

Преемственность поколений обеспечивает преемственность языка как необходимого условия сохранения нации. Анализ текстов выявляет: с одной стороны, индивидуальный стиль авторов статей, подчас их высокую языковую культуру и широкое использование новаторских приёмов и трансформаций, с другой – выявляет общие тенденции синкретизма новаторства и широкого, подчас нецелесообразного использования жаргонной и

обсценной лексики. Заголовки статей всегда выполняли в первую очередь информационную функцию, и читатели, в том числе и автор данной работы, «попадаются на эту удочку» и, заинтересовавшись заголовком, ждут в предлагаемой статье соответствующего заголовку материала, однако заголовки в современной публицистике выполняют преимущественно рекламную функцию. Погоня за рейтингами побуждает журналистов, политологов и комментаторов искать всё новые формы заголовков, привлекающих внимание читателей. Поиски решений прагматической задачи способствуют использованию разных художественных средств языка. Среди них особое место занимает использование фразеологизмов, которые могут функционировать в традиционной форме, однако при этом фразеологизмы, как правило, поясняются: ***Кролики перед удавом***: *глава МИД ФРГ охарактеризовал отношения с США*; *Порошенко* ***загнал Украину в глухой угол****, взяв курс на вступление в НАТО и ЕС*; ***Торговая война по принципу «зуб за зуб»****, Лавров* ***снял шляпу*** *перед британскими дипломатами*.

В заголовки включаются пословицы, поговорки, известные цитаты: Лукашенко*:* ***Бей своих, чтоб чужие боялись***. *Лукашенко ругает министров и Россию*. Включение в заголовок известного высказывания Петра I выполняет рекламную функцию и обеспечивает автору интерес к его тексту. Прочитав заголовок ***Дабы*** **дурь** ***каждого была видна***. *Язык – враг украинских политиков*, который чётко делится на содержательную, информационную часть (Язык – враг украинских политиков), читатель остановит своё внимание не на этой части заголовка, так как она вызывает в памяти широко известные нарушения норм речи, либо не менее известные «громкие заявления» украинских политиков. Первая часть заголовка воздействует на эмоциональную сферу читателя: у него возникает естественное желание узнать о новых «инициативах» украинских политиков, которые автор называет дурью. Эмоции читателя, доверие к автору статьи вызывает высказывание Петра I, так как невольно возникает умозаключение: если автор знаком с историей России и историей риторики – он для меня интересен. Использование трансформированного фразеологизма позволяет не только

сохранить его художественно-изобразительный потенциал, но и изменить его содержание, например*:* ***Язык до Киева дошел***. *Украина возвращает сталинское правописание*. Известный фразеологизм *язык до Киева доведёт* подчёркивает коммуникативную функцию языка, а трансформированный – *язык до Киева дошёл* – не соответствует этой семантике и вызывает у читателя интерес к статье.

Фразеологизмы стали частотно использовать не только в заголовках, но и в материалах статей. Например: *Как говаривала моя бабуля, царство ей небесное*: «***от жилетки рукава, дырку от бублика и от лаптей голяшки***». Подобранные фразеологизмы идентичны по семантике, фактически синонимичны, но в разной степени архаичны. Среди них наиболее употребительным является фразеологизм *дырка от бублика*, так как его смысл связан с общеупотребительным в современном русском языке словом *бублик*. Фразеологизм *от жилетки рукава* понятен современному носителю русского языка, но в публицистике менее употребителен, так как слово имеет две формы рода: в мужском (*жилет*) и женском роде (*жилетка*). В связи с изменением моды на данный вид одежды и использования преимущественно в одежде для мужчин (жилет), в женской одежде также слово стало употребляться в мужском роде *жилет*. Слово *жилетка* и фразеологизм *от жилетки рукава* устаревают, хотя и не забыты. Как архаичный воспринимается фразеологизм *от лаптей голяшки,* не случайно в тексте есть ссылка на бабулю как носителя языка старшего поколения.

В современной публицистике фиксируется всплеск интереса к фразеологизмам. Для возбуждения эмоционального восприятия текста используются цепочки синонимичных фразеологизмов.

«Есть разные словесные обозначения ужаса – *«В дурном сне не приснится», «Проснулся в холодном поту», «Врагу не пожелаешь*». Это я к тому, что жизнь школьников, которые хотят получить действительные знания, ЕНТ-экзамен превращает в сплошной кошмар. Когда вся школьная программа состоит из набора «*вопросов – предполагаемых ответов, из которых надо выбрать один, и то не всегда правильный*», да еще когда на самом экзамене могут возникнуть какие-то вопросы, «*которые не*

проходили», всё начинает происходить как в сказке, где велят: «*Изучи то, не знаю что», «Ответь на то, не знаю на что».* В этом небольшом отрывке текста использованы как фразеологизмы в их традиционной форме, так и трансформированные «*Изучи то, не знаю что», «Ответь на то, не знаю на что»,* в которых, однако, легко угадываются начальные формы*: «Пойди туда, не знаю куда», «Принеси то, не знаю что».* Насыщенный фразеологизмами стиль изложения невольно оказывает влияние и на восприятие высказываний, не являющихся фразеологизмами, однако они вызывают в памяти интертекстуальные выражения: так характеристика *вопросов, «которые не проходили»* ассоциируется со словами из песни *«это мы не проходили, это нам не задавали».*

Подобные примеры: *Кстати, чтобы не быть голословным критиканом, автор готов представить вариант подобной образовательной и воспитательной системы под названием* ***«педагогика служения».*** *Может, по принципу «света в конце тоннеля» она покажет «куда ж нам плыть» в направлении создания национально ориентированной системы образования, и мы, наконец, чётко определимся, какое образование нам нужно*. Для подчёркивания неточности сведений приводятся фразеологизмы: *сорока на хвосте принесла*, *высосано из пальца*. *Лидер США решил, что его терпение лопнуло, поэтому лучшее, что можно сделать – это избавиться от этой американской старухи Шапокляк. Повод нашёлся быстро*. *«У тех, кто нас в чём-то обвиняет, у самих, как говорится,* ***рыльце в пушку****», – отметил глава МИД РФ С.В. Лавров. А то создаётся впечатление, что они нашего министра хотят* ***довести до белого каленья****, а он нам самим нужен.*

В рамках одного языка сосуществуют языковые системы разных слоев общества. Для языка определённого этноса характерна многослойность его организации, зависящей от социального устройства в социуме. В языке параллельно существуют элитарная культура речи и просторечие, литературный язык и язык улицы.

Для стиля современной публицистики характерно сознательное смешение лексики высокого стиля и разговорной,

книжной и жаргонной лексики. Этот синтез в руках умелых акул пера вызывает интерес к тексту и определяет развитие стиля современной дискуссионной публицистики.

Для примера проанализируем небольшой отрывок из статьи ***Командовать*** *пенсионным «**парадом**» будет Путин* [4]:

*Стратеги из Администрации Президента не обманули наших ожиданий: сегодня утром они **слили** в СМИ, а затем подтвердили, **устами** пресс-секретаря Президента, информацию о том, что 28 августа Президент Владимир Путин **явит монаршую милость** и смягчит «пенсионную реформу».*

***«Слив»** информации о грядущей **монаршей милости** был сделан через малоизвестный сайт, чью информацию тут же подтвердили ведущие СМИ – а к обеду её подтвердил и сам **пресс-секретарь всея Руси** Дмитрий Песков. ...Ранее ряд СМИ уточнили, что Путин может **сократить аппетиты** авторов пенсионной реформы во время визита в Новосибирскую или Омскую область, намеченного на 28 августа. На самом деле, как уже сообщала «Катюша», провокация с отменой пенсий **по заветам МВФ** является, хоть и архиважной, но далеко не единственной претензией патриотов к правительству и проводимому им колониальному внутриполитическому курсу. Так что идея **бросить кость** народу – с помощью ли заявления Президента или с помощью референдума – может просто служить отвлекающим манёвром – чтобы народ не бузил и не требовал большего.*

*В контексте сегодняшней новости совсем по-иному начинают смотреться недавние парламентские слушания в Государственной Думе. Эти широко «**распиаренные**» в СМИ слушания должны были стать **бенефисом** спикера Вячеслава Володина, на них ждали премьера Дмитрия Медведева и др. – но в итоге вместо Медведева пришли **адепты МВФ** Алексей Кудрин (бывший **вице-премьер-главбух всея Руси**, ныне – глава Счётной палаты) с Максимом Топилиным (министр труда), а большинство озвученных предложений были настолько туманны что только в очередной раз засвидетельствовали **никчёмность** «Единой России» и отсутствие реальной власти у Думы. В частности, слова Топилина о том, что сэкономленные за счёт повышения пенсионного возраста 3 трлн. руб. за следующие*

шесть лет пойдут на повышение пенсий неработающим пенсионерам, напоминают ***сказки приснопамятного Сергея Мавроди с его АО «МММ»****.*

Анализ текста показал, что употребляемая лексика стилистически составляет два слоя. С одной стороны для характеристики власти и её представителей используется устаревшая лексика: *устами* пресс-секретаря Президента, Путин *явит монаршую милость, адепт МВФ* Алексей Кудрин (бывший *вице-премьер-главбух всея Руси*, *бенефис* спикера Вячеслава Володина, *по заветам МВФ (невольно ассоциируется с заветами Ильича), сказки приснопамятного Сергея Мавроди с его АО «МММ»;* с другой – лексика по отношению к народу подчёркнуто разговорная и даже грубая: *слили* в СМИ, идея *бросить кость* народу, чтобы народ *не бузил, распиаренные слушания.* Однако прагматический эффект совершенно противоположен привычно ожидаемому: власть в описаниях высокопарного стиля предстаёт жалкой и *никчёмной, а* народ, которому *бросают кость*, как собаке, вызывает сочувствие и жалость.

Журналист, стремясь к экспрессии речи, в ряду синонимических слов выбирает жаргонное слово, так как «по сравнению с общелитературным эквивалентом жаргонное слово прагматически заряжено, оно имеет эмоциональные коннотации и отражает целую гамму чувств, настроений и т. п.» [3, с. 68].

В других материалах на тему пенсионной реформы выдерживается тот же стиль*:* «Единая Россия» официально *отдала концы.* Результаты воскресных выборов *ставят точку* во всех спорах, сообщает телеграм-канал *Кремлёвский мамковед. Остались лишь рефлекторные подёргивания конечностей в виде активности отдельных персонажей.* Как будто все забывают, что глава партии – Дмитрий Медведев, *и он собственноручно вбил последний гвоздь в крышку партийного гроба (точнее, две недели гвозди заколачивал),* сообщает канал. Или же премьер что-то знал про результаты заранее и поэтому *пропал на полмесяца со всех радаров.* В данном случае это просто трусость, граничащая с предательством, отмечает *Кремлёвский мамковед.* Можно только

перефразировать латинскую поговорку*: Quod licet bovi, non licet Jovi – что позволено быку, не позволено Юпитеру.*

«В целом его (Медведева*) перспективы туманны, как никогда*. От всяческих инициатив, которые были во времена его президентства, *не осталось и следа (не считая потешного «Сколково»).* Наверняка в таком состоянии не до пенсионной реформы, выборов и прочих разных государственных дел. Хорошо, что есть кому поднять выпавшее из рук знамя и *«отряд не заметил потери бойца»,* – пишет канал.

Процесс жаргонизации языка публицистики распространился практически на все политические материалы, не исключая и статьи о представителях высшей власти других государств. Вот зарисовка политического портрета Хиллари Клинтон: *Ей, кстати, есть за что* ***впаять срок посерьёзнее*** *– то, что она сделала, заслуживает гораздо более сурового наказания. Клинтон, занимающая высокопоставленный пост, не только знатно* ***накосячила****, но и по глупости допустила утечку своей переписки, из-за чего в Штатах случился громкий скандал. Женщина использовала личный почтовый сервер для служебной переписки, хотя госсекретарь должна быть умнее и осторожнее. Для него (для Трампа – автор) проще* ***убрать вздорную бабку с глаз долой*** *и жить спокойно, чем быть с ней в состоянии непрекращающейся вражды.* ***Нет человека – нет проблемы****.* Клинтон оказывается, как простая бабка*,* ещё и вздорная, *накосячила* и заслужила*,* чтобы ей *впаяли срок.* Хозяин Белого дома мечтает убрать её с глаз долой (*из сердца вон* продолжения фразеологизма не последовало, так как в сердце её, надо понимать, никогда и не было), высказывание И. В. Сталина, ставшее прецедентным, удачно завершает мысли вслух о Клинтон.

Прецедентными становятся и некоторые фразы современных политиков. Так, Анатолий Медведев на жалобы жителей Крыма о маленьких пенсиях ответил: «Просто денег нет сейчас. Найдём деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья». Сокращенный вариант фразы получил большую популярность, и теперь в России, и не только в России, родился новый прецедентный текст *Денег нет. Но вы держитесь*. Трудно

предсказать его будущее, но у современников он пользуется большой популярностью.

Исследование языковых особенностей текстов на общественно-политические темы показало, что лингвистическая топология позволяет рассматривать процесс развития языка в единстве динамики и статики [1]. Семантика исследуемого материала определяет прагматические функции использованных в текстах лексических и фразеологических единиц. В публицистических материалах заметно активизировалась жаргонная лексика, широко привлекаются фразеологизмы, пословицы, прецедентные высказывания, в том числе современные, являющиеся продуктом интернета с его возможностями быстрого распространения и бесчисленного повторения информации.

Литература

1. Полубиченко, Л. В. Филологическая топология: Этапы развития и научная проблематика [Текст] // Л. В. Полубиченко // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №2. С. 39–50.

2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. 656 с..

3. Цао Юэ Хуа. Жаргон в современной газетной публицистике / Цао Юэ Хуа // Русская речь, 2005. №4

4. Цыганов, А. Командовать пенсионным «парадом» будет Путин. [Электронный ресурс] / А. Цыганов. Режим доступа URL: https://cont.ws/@RIAKATYUSHA/1042474?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

ДЕРИВАЦИОННЫЕ РЯДЫ СПОНТАННЫХ РЕЧЕВЫХ ИННОВАЦИЙ

Тимофеева Наталья Юрьевна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
natashanorge@mail.ru

DEREVATION LINES OF COLLOQUIAL SPEECH INNOVATION

Timofeeva Natalya Yurievna
Russia, Simferopol
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

В статье отстаивается позиция классика русской неологии – Н. З. Котеловой относительно необходимости регулярных наблюдений за возникновением слов спонтанной креативности, а также приводятся результаты исследования способов и видов деривации окказиональных слов в живой спонтанной речи. При этом отмечается одновременное действие семантических, формальных и прагматических факторов при создании индивидуальных форм. На основании полученных данных делается вывод о целесообразности рассмотрения деривационной ветви как параметра узуализации окказионализмов.

***Ключевые слова*:** окказионализм деривация, система, узус, модель, семантика, объективация.

The article concerns N. Z. Kotelova position about the necessity of the regular examination of spontaneous words creation, as well there are the results of the colloquial derivation devices and types research. The simultaneous action of semantic, formal and pragmatic factors is recognized under the creation of individual forms. Based on the found data the conclusion about the worthwhile consideration of derivation line as a parameter of occasional words is made.

Keywords: occasional word, derivation, language system, usage, model, semantics, objectivization.

Значение научных наблюдений за тенденциями обновления языка впервые было сформулировано в работах Н. З. Котеловой, утверждавшей, что подобное наблюдение за несистемными инновациями и формирование фонда окказиональных форм позволяют соотносить процессы их возникновения и узуализации [5, с. 262]. Потенциал созданных ad hoc речевых единиц демонстрирует возможности креативного использования языка,

напрямую связанных с осознанием говорящим условий эффективности речевого акта. Прагматический аспект использования окказионализмов связан с возможным моделированием исследованных условий для стимуляции креативной деятельности сознания. Современная востребованность креативных практик обусловливает актуальность предпринятого исследования, целью которого является анализ деривационных связей между индивидуальными инновациями в спонтанной устной речи.

По утверждению О. А. Габинской, условия создания окказионализма в живой речевой практике, а именно – подвижность целей и денотативного пространства коммуникантов, не противоречат предположению о сохранности данной формы в сознании говорящего и слушающего. Таким образом, созданная речевая единица представляет пассивный резерв индивидуального языка [2, с. 18–19], который легко активизируется в ответ на требования конситуации. В этой связи немаловажным становится аспект узуализации инноваций, который предполагает повторное использование спонтанной иновации (в том числе и в качестве мотиватора создания последующих индивидуальных единиц), и определение параметров этого процесса.

Согласно мнению Н. З. Котеловой, важнейшим признаком узуального закрепления инновации является «наличие словообразовательных дериватов, разного рода вторичных употреблений (метафорических, компаративных, экспрессивных, разложения внутренней формы), свидетельствующих об освоенности инновации языковым сознанием» [5, с. 262]. Применительно к материалу исследования – фактам живой спонтанной речи, собранным на кафедре русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета – показатель деривационной активности оказался довольно значительным.

Так, наличие словообразовательного ряда у системного адъектива *хворый* отмечается в случаях окказиональных форм – *хворобушек, хворижки, хворастик*. Реализация значения модели в каждом деривате различна: первые две единицы,

мотивированные исходными денотатами другого корня (*воробушек* и *коврижки*), содержат аксиологическую составляющую (ср.: *хворобушек* – ‘нездоровый воробушек’, *хворижки* – ‘плохие, неаппетиные коврижки’), заложенную в значении самой контаминационной модели [1, с. 11]. В единице *хворастик* аффиксальным способом поддерживается контакт с реципиентом, и таким образом нейтрализуется пейоративный компонент семантики слова *хворый*. Следует отметить системность обеих моделей данного деривационного ряда.

По системному образцу образована пара дериватов адъектива *бодрый*: *бодрянка* и *бодрячково*. Первая форма *бодрянка*, сформированная без формального нарушения модельной схемы, на самом деле демонстрирует семантический сдвиг: производное слово не содержит основного компонента значения словообразовательного оператора, а именно – значения лица женского рода (ср.: *смугл-янк-а, бегл-янк-а* и т. п.), так как слово возникает в контексте обсуждения покупки хлеба «Бодрость» и выступает средством переключения стилистического регистра (с нейтрального на сниженно-фамильярный). Во втором случае модель оказывается более сохранной благодаря промежуточному словообразовательному звену: *бодрый – бодрячок – бодрячково* (= ‘как у бодрячка’).

Существенной активностью в устной речи отличается дублирование существующих форм индивидуальными новообразованиями. При наличии системной единицы *подруги, подружки* в речи спонтанно возникает инновация *подружайки* на базе непродуктивной модели форманта *-айк-*. Кроме этого, в словообразовательной парадигме глагола *дружить* заполняется потенциально существующая лакуна для формы с приставкой *раз-*, которая семантически дублирует глагол *рассориться*. Появление окказиональных дублетов у системных единиц может быть, с одной стороны, объяснено активизацией модели в синхронном срезе (ср.: *подруж-айк-и – отдых-айк-и*), а с другой – наличием антонимичных отношений в словообразовательной парадигме (ср.: *с-дружиться – раз-дружиться*).

Для спонтанной креативной деривации характерен приём парасемии [4, с. 11], когда части системной единицы

эмансипируются и семантически переосмысляются. В названии *мультиварка* применительно к телевизору обобщённое значение префиксоида *мульти-* конкретизируется экстралингвистическим контекстом: создавший индивидуальную форму ребёнок воспринимает телевизор как прибор для просмотра мультфильмов. При этом правая часть мотиватора получает метафорическое переосмысление на основе, возможно, мифологической составляющей: *телевизор=мультиварка* – ‘прибор, который «варит» мультфильмы’, подобно горшочку из известной сказки. Синхронная активность подобного переосмысления подтверждается ещё одной контаминацией префиксоида в таком же конкретном значении и части исходного мотиватора в окказиональной единице *мультизор*.

Особой активностью в спонтанном словообразовании отличаются глагольные дериваты субстантивов. В большинстве случаев этот процесс связан с манифестацией совершенного вида действия, значение которого уже объективировано в системе языка синтаксически [6, с. 78]. Инновационные дериваты значения ‘заниматься йогой’ экономят речевые усилия говорящего посредством апробирования модельных ресурсов: префикс *от-* речевой единицы *отйожилась* добавляет к исходному значению компонент достижения предела интенсивности действия, а личное окончание и возвратность постфикса единицы *не йогнется* – особенности выполнения этого действия субъектом. По аналогичной схеме создаётся речевой адъектив причастного типа *зафизкультуренный*, в структуре которого просматривается та же однословная объективация уже существующего значения ‘заниматься физкультурой’. Этот семантически близкий ряд форм индивидуального языка дополняется антонимичной по значению, но однотипной по деривационной логике инновацией *обрахититься*, в которой реализуются возможности конфиксального способа словообразования.

Нередко процесс отсубстантивной глагольной деривации осуществляется на базе сравнения: *запитонить* – ‘проглотить, как питон’, *захомячить* – ‘сгрызть, как хомяк’. Данный ряд демонстрирует активность префикса *за-* в качестве образующего

модель форманта при реализации регулярного для глаголов префиксально-суффиксального способа словообразования.

Значительное место среди спонтанных речевых инноваций занимают междометные дериваты. Так, от семантически близких междометий *кыш* и *марш* в речи посредством регулярных суффиксальных моделей образованы глаголы – *маршьте* повелительного наклонения и *кышнула со значением* однократности действия. Близкими к междометиям по словообразовательному потенциалу оказываются звукоподражания, мотивирующие создание форм *крясавчик* и *кряопатра*. Семантически обе инновации выражают мелиоративное значение. Первая форма мужского рода представляет собой результат действия паронимической аттракции, когда смягчение одной фонемы создаёт образ красавца-селезня, трансформируя структуру производного слова в контаминант. Второй случай – более сложный, так как деривация проходит по лексическому типу путём аппелятивизации имени собственного, отражая значимость прецедентных имён в сознании говорящего.

К этой же группе весьма оригинальных мотиваторов появления инноваций в речи относятся дериваты аббревиатур. В исследуемом материале подобный ряд представлен единицами *бомр* и *бомжуан*. Модель образования первой формы состоит в замене конечного компонента аббревиатуры *бомж* – ‘без особого места работы’ вместо ‘без особого места жительства’. Во втором случае эта же аббревиатура выступает, как и рассмотренный выше дериват звукоподражания *кря*, частью контаминированного аппелятива: *бомжуан* – ‘поклонник без особого места жительства’.

Активность тех или иных мотивирующих форм и единиц часто имеет прагматическое обоснование. В деривационном ряду *айфон – огрызкофон – бабушкофон – Айфоныч – аймобила – айфобия* очевидно влияние прагматической востребованности семантического поля «электронные устройства». Практическая закреплённость обеих частей сложного заимствования *айфон* в структуре дериватов может быть расценена как параметр узуализации данных речевых инноваций. Притом существенным фактором процесса закрепления окказиональных форм выступает

отсутствие однословных номинаций для синтаксически объективированных значений в системе языка (*бабушкофон* – ‘телефон с крупными кнопками и большим экраном для слабовидящих’; *айфобия* – ‘неприятие всеобщего увлечения смартфонами фирмы Apple’). Однако, помимо объективно необходимых форм выражения существующего содержания, единицы указанного деривационного ряда демонстрируют реализацию конативной функции языка – самовыражения говорящего (*аймобила, Айфоныч*), а также служат средством экспликации пейоративной оценки (*огрызкофон* – ‘смартфон фирмы Apple’, торговым знаком которой является изображение откусанного яблока).

Деривационные ряды системного словообразования также испытывают влияние прагматического фактора. Весьма частотны в устной речи производные от префиксоидной части *авто*, которая в широком узусе функционирует как эмансипированная единица, эквивалентная полной лексеме *автомобиль*. В записях спонтанной речи крымских жителей зафиксированы случаи дериватов этой единицы: *автоджентельмен* (‘тактично ведущий себя на дороге водитель’’) и *автопомойка* (‘место утилизации автомобилей’). Безусловно, возможности данного типа словообразования исчислить невозможно, но возможно отметить семантический сдвиг первой формы, содержащей результат метонимического переноса по смежности: в значении инновации *автоджентельмен*, в отличие от привычных прагматически заданных семантических компонентов (*автопомойка*), актуализирована характеристика лица, находящегося в автомобиле.

Отдельного внимания заслуживают синтаксически развернутые инновации, передающие не столько отношение к миру или называющие его новые реалии, а реализующие поэтическую функцию языка или выступающими элементами языковой игры. Отдел бытовой химии в супермаркете, по данным картотеки, дважды стимулирует креативный подход к номинации: в одном случае этот отдел называют *мыльно-рыльное*, а в другом – *пенно-пузырьковое*. Примечательно, что оба названия синонимичны друг другу и возникают на основе

образной ассоциации: *ванная – мыло – пена – пузырьки*. Эстетическое отношение при решении коммуникативной задачи оказывается средством активизации креативного подхода к языку.

Выводы. Система словообразования, имея в своей структуре потенциально заполняемые лакуны, способна влиять на ход эвристического поиска и его результаты в сознании говорящих. Это обстоятельство может быть использовано для обобщения дальнейших наблюдений за процессом узуализации речевых инноваций, а также практических методик активизации креативного мышления.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–4.

2. Габинская, О. А. О понятии новизны лексической единицы в ономасиологическом исследовании / О. А. Габинская // Закономерности словопроизводственного процесса в ономасиологическом аспекте. Научные труды. Т. 205. Курск, 1980. С. 16–25.

3. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): автореф. диссертации на соискание учёной степени доктора филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / В. П. Изотов. Орёл, 1998. 34 с.

4. Котелова, Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов / Н. З. Котелова // Избранные работы. Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 256–267.

5. Торопцев, И. С. Исходные моменты лексической объективации / И. С. Торопцев // Проблемы ономасиологии: научные труды. Под науч. ред. И. С. Торопцева. Курск: КурГУ, 2015. Т. 46 (139). С. 3–88.

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЧИСЛА И ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА

Чепурина Инна Владимировна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
simgt@inbox.ru

NONTRIVIAL FORMS OF NUMBER AND CASE OF NOUNS IN THE SPONTANEOUS SPEECH OF THE RESIDENTS OF CRIMEA

Chepurina Inna Vladimirovna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Спонтанная речь жителей Крыма исследуется как область реализации творческой грамматики. Анализ речевых фактов выявил морфологические инновации, иллюстрирующие креативный потенциал грамматических категорий числа и падежа у имён существительных. Проанализировано функционирование нетривиальных числовых и падежных форм субстантивов в условиях живого, неподготовленного речевого общения. Определена разная коммуникативная нагрузка нестандартных словоформ как экспрессивных, прагматически ориентированных, эксплицирующих дополнительный смысл.

Ключевые слова: спонтанная речь, речевая ситуация, интенциональность, нестандартная грамматическая форма, окказиональная словоформа, грамматические девиации, актуализация грамматической формы.

Spontaneous speech of the residents of the Crimea is explore as an area of implementation of creative grammar. Analysis of speech facts revealed morphological innovations illustrating the creative potential of grammatical categories of number and case in the nouns. Functioning of non-trivial numerical and case forms of substitutes in live, unprepared speech communication has been analysed. A different communicative load of non-standard word forms as expressive, pragmatically oriented, explicating additional meaning has been defined.

Keywords: spontaneous speech, speech situation, communicative design, creative potential, non-standard grammatical form, occasional word form, grammatical deviations, actualization of grammatical form.

В области лингвистических исследований грамматические явления всё активнее представляются на фоне современных языковых процессов, для которых характерны различного рода инновации (см. работы Е. О. Борзенко, Л. А. Брусенской, М. В. Всеволодовой, Я. И. Гина, М. Я. Гловинской, Л. В. Зубовой, И. А. Ионовой, И. И. Ковтуновой, Н. А. Кузьминой, Л. В. Курочкиной, Н. К. Онипенко, В. А. Плунгяна, Е. Н. Ремчуковой, Е. А. Скоробогатовой и др.). Такой вектор в грамматической науке определяется тем, что «грамматика это не только область облигаторного, предписанного жёсткими правилами, принудительного; это ещё и сфера, предполагающая закономерное варьирование, которое определяется как особенностями общекатегориальной семантики, так и стилистической (жанровой) природой текста в целом» [5, с. 3].

Умышленное и неумышленное варьирование форм слов приобретает массовый характер. Вследствие этого в современном языкознании меняются подходы к норме. Тезис «правильно всё то, что целесообразно, уместно» определяет реальность коммуникативной, или ситуативно обусловленной, нормы. Соответствие коммуникативной норме предполагает ориентацию на интенции адресанта и ожидания адресата. При таком соответствии нормативными можно считать любые грамматические девиации [9, с. 8]. Данный подход открывает широкие возможности для исследования интенционального использования словоформ и их прагматики.

Как известно, впервые понятие интенциональности к грамматическим категориям различных частей речи применил А. В. Бондарко в рамках теории функциональной грамматики [1]. Интенциональное использование грамматических форм предполагает аспект смысловой информативности, иначе говоря – актуализацию номинативного значения грамматической категории. Функциональный подход к пониманию интенциональности грамматических форм и категорий сегодня является актуальным и активно разрабатывается на материале русского языка (см. работы Н. Г. Бирюкова, А. И. Дунева, С. П. Курепина, Л. В. Курочкиной, Л. А. Брусенской и др.).

Среди последних достижений функциональной грамматики выделяется такое направление, как креативная грамматика,

активно разрабатываемое Е. Н. Ремчуковой [8]. Употребление нестандартных словоформ автор рассматривает в аспекте лингвокреативной деятельности говорящего. При этом в функционально-грамматические исследования вовлекается совокупность творческих типов современной русской речи, для которых характерны разного рода инновации, – художественно-публицистический, газетно-публицистический, поэтический, разговорный – с их жанровыми разновидностями. Обращение к многожанровому материалу в большей степени помогает понять общие закономерности функционирования грамматической системы и её потенциальные возможности, обусловленные потребностями живой речи [8, с. 12].

В русле креативной лингвистики разговорный текст всё активнее привлекается к анализу как «творческий» (Т. А. Гридина, Е. Москвер, А. В. Петров, Е. Н. Ремчукова, Н. Ю. Тимофеева, В. К. Харченко и др.), в том числе и с точки зрения грамматики (Е. Н. Ремчукова, Б. Ю. Норман, В. К. Харченко, М. Н. Эпштейн), поскольку в фокус говорящего включаются привычные грамматические механизмы, но в аспекте их нарушения, интеллектуальной или эмоциональной оценки, толкования или метафоризации [8, с. 32]. Проблема изучения креатива разговорного дискурса мотивирована тем, что этот феномен является каждодневным, общим явлением, в той или иной степени свойственным каждому носителю языка.

Настоящая статья посвящена анализу грамматических новообразований, вычлененных из спонтанной речи жителей крымского города. Условия функционирования живой речи, её неподготовленность и нефиксированность, разнообразие социальных контактов в городской среде создаёт свободное пространство для языкового эксперимента в городском речевом обиходе [10, с. 103]. Исследование разговорной модификации литературного языка – речи горожан, как отмечает профессор А. В. Петров, фактически является задачей сложившейся к концу XX века лингвистики речи [7, с. 47].

Цель статьи – проанализировать нестандартные грамматические формы в спонтанном речевом общении жителей Крыма на уровне грамматической категории числа и падежа имени

существительного – в аспекте творческой деятельности говорящего; определить, как эти формы связаны с конечным смыслом высказывания.

Анализ фактического материала проводится в русле «креативной грамматики» – важной составляющей лингвистики креатива, уже сложившегося направления в современной русистике [6]. Изучение креативного потенциала грамматики предполагает описание способов актуализации грамматических значений с акцентом на выразительных возможностях и прагматических аспектах грамматических категорий. Исследования в этой области, в частности А. В. Бондарко, Л. А. Брусенской, Л. В. Курочкиной, Е. Н. Ремчуковой, показывают, что в условиях «творческого» текста актуализироваться могут различные элементы грамматической системы любой морфологической категории [1; 4; 5; 8]. Анализируемые в настоящей статье речевые факты выявляют морфологические инновации, иллюстрирующие креативный потенциал грамматических категорий числа и падежа у имени существительного. Основной единицей анализа выступает высказывание (спонтанный текст из «домашних диалогов» и «непринуждённых диалогов знакомых» – жителей городов Крыма), компактное пространство которого позволяет выявить особенности реализации грамматического смысла.

Исследование языковых фактов показало, что креативный потенциал категории числа выражается: а) в приобретении окказионального множественного числа существительными singularia tantum; б) в приобретении окказионального единственного числа существительными pluralia tantum; в) в окказиональных несупплетивных формах единственного числа.

Окказиональное множественное число у существительных singularia tantum

В конкретной речевой ситуации может актуализироваться номинативный элемент значения грамматической категории числа ‘множественность объектов, расчленённость’. При этом имя существительное получает смысловые и (или) коннотативные приращения. Наиболее ярко это иллюстрируют вещественные субстантивы. Ср.: [Женщина пенсионного возраста на прогулке в парке разговаривает со своей дочерью, у которой ребёнок –

аллергик]: *Уже и тополь расцвёл. Всё одновременно. Летают его* ***пухи.*** *Как от них оградиться?* Сказано с акцентом на слове *пухи*, неодобрительно, с раздражением – из-за очень раннего в необыкновенно жаркую весну цветения тополя, вездесущности его пуха, неминуемой аллергической реакции у внучки и, вообще, из-за начала аллергического сезона, очень опасного для ребёнка. *Пухи* – окказиональный эмоционально-оценочный числовой коррелят к вещественно-собирательному *пух.* Эта грамматическая «неправильность», с одной стороны, выражает расчленённость обозначаемого предмета и его количественную характеристику, что придаёт существительному большую семантическую информативность, с другой – эксплицирует отрицательную оценку адресантом природного явления, опасного для его семьи.

[Покупательница на рынке, глядя на два стоящих рядом ящика с разными сортами винограда – чёрным и белым, обращается к перекусывавшему в стороне от товара продавцу]: *По чём ваши* ***виноградЫ****? – Сто и девяносто,* – сразу ответил продавец. Числовой коррелят от вещественного существительного контекстуально оправдан: он обозначает сорта винограда и в данной речевой ситуации является способом лаконичной формулировки вопроса относительно цены на оба сорта винограда. Лаконизм поддержан продавцом – его мгновенным ответом. Множественное число выступает как потенциальная форма, которая построена и правильно понята в условиях данной речевой ситуации.

Потенциальная возможность образования формы множественного числа от абстрактных существительных реализуется, например, в следующей речевой ситуации: [Крымский экскурсовод туристам о фруктовых предпочтениях своего организма]: *У меня есть* ***две недостаточности*** *в организме: недостаточность гранатов и недостаточность клубники. Вот я их и компенсирую…* Здесь особый тип контекста: ненормативное сочетание отвлечённого существительного с количественным определителем. Нестандартная грамматическая форма приобретает смысловую информативность – конкретизирует абстрактное понятие *недостаточность*, задаёт последующее его лексическое наполнение (*гранаты* и *клубника*). Актуализация грамматической

формы числа превращает её в элемент, с помощью которого воплощается общий речевой замысел высказывания: объяснить, почему говорящий из всех фруктов предпочитает именно гранаты и клубнику.

Такие употребления иллюстрируют изменение грамматических свойств вещественных и абстрактных существительных в современном русском языке, что получило своё научное подтверждение. Так, А. А. Зализняк пишет о том, что так называемые singu ri t ntum – это слова с потенциально полной парадигмой [2, с. 57–58]. Л. К. Граудина отмечает, что традиционный взгляд на абстрактные и вещественные существительные не соответствует практике реального словоупотребления [3, с. 174–179]. Л. А. Брусенская указывает: «...традиционно формулируемое правило об отсутствии у существительных неконкретной семантики форм множественного числа представляет собой анахронизм» [4, с. 19].

Смысловые и оценочные, чаще отрицательные, приращения свойственны окказиональным формам множественного числа топонимов и собственных имён лиц. При этом собственные имена, обладая значительными образно-ассоциативными возможностями, могут апеллировать к фоновым знаниям читателя и аллюзивно отсылать адресата к фольклорным или литературным произведениям, историческим событиям, социальным реалиям и т. д. Например: [Восклицание приезжего мужчины, увидевшего из окна автобуса летнее море]: *Да, отдыхать нужно здесь, в Крыму, а не в* ***Тунисах и Турциях****!* В нестандартных грамматических формах топонимов снимается противопоставление по множественности – единичности и эксплицируется дополнительный скрытый смысл: Тунисы и Турции – это не собственные наименования единичных понятий, а общие названия популярных зарубежных курортов. Их множественное гиперболическое имеет яркую оценочную характеристику: Крым, а не заграничные курорты – лучшее место для летнего отдыха. Средством усиления эмоционально-оценочного компонента выступает грамматическая контрастность – числовая оппозиция *в Крыму, а не в Тунисах и Турциях*. Грамматическая антитеза здесь формирует коммуникативное значение убеждённости в сказанном.

[Семейная пара, прогуливаясь по улице Пушкина в Симферополе, отмечает недостатки после её реконструкции]: *Опять каких-то* ***джамшутов*** *понабрали, вот и сделали тяп-ляп.* Джамшут – строитель-гастарбайтер из Таджикистана, популярный персонаж передачи «Наша Russi ». Окказиональный числовой коррелят *джамшуты* приобретает смысловое приращение ‘нанятые из бедных стран дешёвые рабочие, результаты труда которых отличаются низким качеством’. Эта идея – низкое качество дешёвого наёмного труда, а также отрицательная оценка ‘пренебрежительное отношение к таким «труженикам» и к тем, кто их приглашает’ актуализированы нестандартной грамматической формой числа.

[В Крымском стоматологическом центре женщина пенсионного возраста, дожидаясь очереди к врачу, смотрит новостной сюжет о мошенниках, отбирающих квартиры, возмущаясь]: ***Ерши Ершовичи*** *какие-то!* (Реплика является аллюзией на «Повесть о Ерше Ершовиче» – сатирическое произведение древнерусской литературы конца X I – начала XVII в.)

Таким образом, в функционально-творческих условиях нетривиальные формы числа у неодушевлённых и одушевлённых существительных могут выступать источником тонких семантических и эмоционально-оценочных эффектов.

Выявлены случаи совмещения окказиональной числовой и окказиональной падежной формы. При этом актуальная цель таких употреблений не связана ни с собственной семантикой словоформ, ни с сопутствующими смыслами: [Любительницы путешествовать, молодые женщины лет 25–30]: ***В Сочах*** *мы уже были зимой, давайте махнём на другой Кавказ*; [Из разговора двух подруг]: *На этой неделе Ирка* ***из Сочей*** *вернулась – встречалась там с дочкой и внуками из Липецка*; [Мужчина лет 50 вспоминает свою студенческую молодость]: *Когда я в* ***МАях*** *учился, там преподавали начертательную геометрию, и это был единственный предмет, где я блистал…*

Несклоняемые singularia tantum – топоним Сочи и аббревиатура МАИ – формально похожи на склоняемые pluralia tantum с окончаниями -ы, -и типа *Альпы, Гаваи* и в своём

грамматическом поведении легко уподобляются им (*быть в Альпах – быть в Сочах, учиться в МАях; вернуться с Гавай, вернуться из Сочей*). Функция использования нестандартных грамматических форм в приведённых речевых высказываниях – только экспрессия формы, балагурство (по Е. Н. Ремчуковой), т. е. игра со словоформой как желание развлечь себя и собеседника, при которой реализуется только экспрессивная функция языка и не затрагивается смысловой план высказывания.

Окказиональное единственное число у существительных pluralia tantum

Выявлены нестандартные употребления единственного числа у существительных pluralia t ntum, которые получают эмоционально-экспрессивную и прагматическую направленность. Ср.: [Женщина лет 45, разговор на работе с начальницей]: *Ты понимаешь, что мне этот график неудобен. Я не хочу одну* ***сутку*** *работать, а потом двое суток отдыхать.* Значение единственного числа абстрактного существительного эксплицируется не только его «неправильным» грамматическим оформлением, но и ненормативной сочетаемостью с количественным числительным *один*. Это усиливает индивидуальность грамматической формы плюралятива и придаёт ей больший эмоциональный заряд (категорическое несогласие или даже протест с предложенным графиком), повышает экспрессивность и прагматическую направленность высказывания (убедить работодателя изменить рабочий график на более удобный). Средством усиления эмоционально-экспрессивных и прагматических оттенков в этом контексте выступает грамматическая контрастность – числовая оппозиция *одну сутку – двое суток.*

[Из разговора симферопольских школьников]: *Надоели эти уроки. Всё учим, учим, хоть бы одну* ***каникулу*** *сделали.* Нетривиальная словоформа абстрактного существительного pluralia tantum, чуждого идее счёта, актуализирует информативный элемент значения единственного числа, свойственный этой грамматической категории, – значение единичности в противоположность множественности. Так как каникулы – это отдых на протяжении нескольких дней, т. е. относительно длительный период, мальчик, сильно уставший от учёбы, мечтает

хотя бы об очень коротком отдыхе, возможно, даже об одном дне. Один день = *одна каникула.* Эмоционально-экспрессивная заряженность плюралятива усиливается «запретным» сочетанием абстрактных существительных с количественными определителями. Таким образом, грамматическая девиация оправдана коммуникативным намерением говорящего: она является средством выражения сильного желания уставшего от школьных занятий ребёнка получить хотя бы маленькую порцию отдыха.

Окказиональные несупплетивные формы единственного или множественного числа

[Из диалога мамы с дочкой-студенткой]: *Какие планы на завтра? – С Настей гулять. – Опять гулять? – Но надо же мне с* ***людьми*** *общаться. – Ты же сегодня целый день с Олегом общалась? – Да он такой* ***людь*** *– не пообщаешься. Целый день только его слушаешь.* Окказиональный числовой коррелят *людь* – имеет яркую иронично-оценочную направленность. Ироничная модальность усиливается грамматической контрастностью – числовой оппозицией *люди – людь*, которая также формирует коммуникативное значение уверенности в сказанном.

[Многодетная мать жалуется старшей дочери, вернувшейся из университета, на младших детей]: *Как же я устала. Эти* ***ребёнки*** *постоянно разбрасывают игрушки.* Грамматическая «неправильность» здесь – средство выражения шутливой модальности уставшей от бесконечной и однообразной работы мамы.

Зафиксированы факты использования выразительного потенциала категории падежа, в основе которого лежит приём расширения падежной парадигмы за счёт «неправильных» вариативных форм: [Муж-филолог жене-филологу, с удовольствием глядя на предложенный завтрак с любимым печеньем]: *Эти* ***крекерА*** *вместе с йогуртом составляют особую вкусовую композицию.* [Ответ жены]: *Твои крекерА – просто* ***перлА***. В этом диалоге окказиональная форма именительного падежа *крекерА* (вместо *крекеры*) эмоционально-экспрессивно заряжена. Она выступает средством, к которому прибегает муж для выражения своего вкусового наслаждения. Нарочитая

«неправильность» *перлА* (вместо *перлы*) – филологическая оценка жены удачного грамматического приёма мужа, лингвистическое развлечение, балагурство.

[Дочь-старшеклассница реагирует на приготовленный мамой завтрак]: *Ой, мама, опять перепелиные* ***яйцы****. Закормила уже ими.* Нетривиальная форма именительного падежа *яйцы* (вместо *яйца*) коннотативно осложнена: она выступает средством выражения неодобрительного отношения к часто повторяющемуся блюду.

[Прогуливающаяся в жилом квартале женщина-пенсионерка сетует собеседнице на мелкий мусор, оставляемый повсюду на улице, и следы от выгула собак, которые никогда не убираются их хозяевами]: *К сожалению, нашими* ***людями*** *мы погордиться не можем*. *Свиньи, да и только*. Выбор нестандартной формы творительного падежа *людями* (вместо *людьми*) – средство выражения собственно-оценочного значения: пренебрежительного отношения к виновникам окружающей грязи и сожаления по поводу неисправимости ситуации. Эмоционально-оценочное состояние адресанта передаётся и синтаксическими средствами – вводной единицей *к сожалению*.

Речевые вариативные формы *крекера (крекеры), перла (перлы), яйцы (яйца), людями (людьми*) – это расширение оценочных средств, в которых нуждается говорящий.

Таким образом, нетривиальные употребления грамматических форм в спонтанной речи жителей Крыма – результат активного творческого отношения представителей крымского социума к языку, выражение их креативного языкового сознания. Творческий импульс способствует такому употреблению словоформы, при котором она становится информативно, экспрессивно и прагматически значимой.

Употребление нестандартных числовых и падежных словоформ имён существительных в речи крымчан подтверждает творческую ориентированность разговорного дискурса, а также характеристику субстантивных категорий числа и падежа как «творческих зон» в грамматике.

Грамматические девиации в разговорном типе творческих текстов представляют собой существенный пласт языковых явлений, подлежащий научному осмыслению и освещению. В частности, проанализированные факты являются яркой

иллюстрацией активных процессов в области современной грамматики русского языка. Научное наблюдение и анализ таких фактов могут стать основанием для разработки практических методов лингвистической стимуляции креативности.

Литература

1. Бондарко, А. В. К проблеме интенциональности грамматике (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–42.
2. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. М.: Наука, 1967. С. 57–58.
3. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. М.: Наука, 1980. 288 с.
4. Брусенская, Л. А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Л. А. Брусенская. Краснодар, 1994. 43 с.
5. Курочкина, Л. В. Интенциональные грамматические формы существительного в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Л. В. Курочкина. Ростов-на-Дону, 1999. 25 с.
6. Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. 344 с.
7. Петров, А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан / А. В. Петров // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн. 1. Симферополь, 2017. С. 45–67.
8. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. Изд. 2, испр. и доп. / Е. Н. Ремчукова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.
9. Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: уч. пособие. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. 268 с.
10. Тимофеева, Н. Ю. Аспекты исследования креатива городской речи / Н Ю. Тимофеева // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1). С. 102–106.

ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ АББРЕВИАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОТОКОЛОВ 1917–1933 ГГ.)

Черныш Ольга Андреевна
Россия, Томск, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Томский политехнический университет, chernyshoa@tpu.ru

PRODUCTIVE WAYS OF ABBREVIATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY (ON THE BASIS OF THE RECORDS DATED BY 1917 – 1933)

Chernysh Olga Andreevna
Russia, Tomsk, National Research Tomsk Polytechnic University

В статье исследуются тексты протоколов 1917–1933 годов в аспекте продуктивности словообразования. Поставлена цель выявить наиболее продуктивные способы аббревиации в этот период. В ходе исследования было установлено, что способы аббревиации изменяются в зависимости от конкретного временного периода. Сначала в текстах протоколов преобладают слоговые аббревиатуры, затем буквенно-звуковые, а потом наблюдается тенденция смещения к сложным аббревиатурам.

Ключевые слова: протокол, исторические события, словообразование, аббревиация.

The article deals with the texts of the records dated by 1917 – 1933 in terms of word formation. The aim of the research is to identify the most productive type of abbreviation in Russian language in the first third of the 20th century. With the help of structural-semantic, word-formation and quantitative methods of analysis were identified the prevailing types of abbreviation for each period. First, the syllabic abbreviations prevail in the texts of the records, then alphabetic-phonetic, and then there is a tendency to shift to complex abbreviations.

Keywords: record, historical events, word formation, abbreviation.

Язык является главным средством общения между людьми, средством, отражающим социальные связи и социальные трансформации. Все изменения, происходящие в социально-политической системе общества, все нововведения оставляют

глубокий след в языке и, в первую очередь, в словарном составе языка.

Первая треть XX века в России – это эпоха глобальных изменений в жизни общества: за относительно небольшой промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий: 1905 г. – Первая русская революция, 1914 г. – Первая мировая война, 1917 г. – Февральская и Октябрьская революции, 1918–1921 гг. – Гражданская война; 1921–1924 гг. – период Новой экономической политики; 1925–1933 гг. – коллективизация и индустриализация. Все эти события изменили картину мира русского общества, и, конечно, не могли не отразится сначала в системе речевых практик, а затем и в лексической системе языка: появились новые слова и выражения, отражающие изменения в политике, культуре, экономике; исчезли или переместились в пассивный запас языка большие группы общественно-политической и религиозно-этической лексики, обозначавшие явления дореволюционной общественной жизни; изменились значения многих слов в связи с политизацией языка: многие лексические единицы превратились в символы принадлежности человека к определённой общественно-политической группе (*товарищ)*.

Языковым изменениям начала XX века посвящено достаточно много исследований, как правило, в них анализируются изменения словарного состава этого периода (С. И. Карцевский [2], А. М. Селищев [7], С. И. Ожегов [4], Н. М. Шанский [8]). Все исследователи отмечают, что основными способами пополнения лексического состава русского языка в первой трети XX века были: заимствование, семантическая и словообразовательная деривация. А в рамках словообразовательной деривации наиболее активным способом образования новых слов являлась аббревиация.

Социальные, экономические и политические изменения затронули все стороны человеческой жизни и, следовательно, оказали влияние на различные типы текстов, но если публицистические, художественные тексты, тексты публичных выступлений и тексты периодики уже выступали материалом для

исследования в данном аспекте, то корпус официально-деловых документов ранее не был изучен с точки зрения продуктивности способов словообразования и, в частности, с точки зрения различных видов аббревиации.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить наиболее продуктивные способы аббревиации в языке деловой документации 1917–1933 годов.

Официально-деловой стиль является одним из функциональных стилей русского литературного языка, он обслуживает сферу жизненно значимых коммуникаций: отношения между государственной властью и населением, между странами, между предприятиями, организациями, учреждениями, между личностью и обществом. Особенностями официально-делового стиля являются стандартизация, точность, объективность, документальность, конкретность, официальность [1, с. 216]. Длинные слова и словосочетания значительно усложняют тексты, поэтому в текстах официальных документов в целях компрессии для обозначения понятий используются сокращения. Именно эти особенности официально-делового стиля в полной мере позволяют использовать тексты документов в качестве объекта данного исследования.

Материалом исследования послужили тексты протоколов / выписки из протоколов из сборников документов Государственного архива Томской области подсерия «Народ и власть» за период с 1917 по 1933 гг. [6]. В ходе исследования было проанализировано 126 документов, относящихся к разным историческим периодам. Протокол был выбран в качестве эмпирического материала в силу того, что этот документ относится к ряду организационно-распорядительных, создаётся в соответствии с особыми жанровыми характеристиками, отражающими «структуру коммуникации в этой сфере и деятельность по совместному принятию решений коллегиальным органом или группой работников» [5, с. 104]. «Краткий словарь видов и разновидностей документов» определяет протокол как «документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов» [3, с. 60].

Результаты анализа документного массива показали, что в первой трети XX века происходит политизация языка, многие слова превращаются в символы принадлежности человека к определенной общественно-политической группе, колеблются нормы языка, растет взаимное недопонимание между различными социальными группами [2]. Многие слова, обозначавшие до этого времени значимые понятия становятся в этот период ненужными и исчезают из языка, например, *царь, монарх, дворянин, купец* и многие другие. А возникновение новых социальных структур, органов власти, изменения в экономике, политике и культуре сопровождаются появлением новых слов, которые активно входят в словарный состав русского языка, например, *губком, райком, исполком, большевик, продразвёрстка, кулак* и т. д. [2].

Отличительной чертой русского языка в этот период является возрастание продуктивности такого способа словообразования, как аббревиация. При этом в разные периоды с 1917 по 1933 год наблюдается различие в соотношении способов аббревиации. Все аббревиатуры, появившиеся в русском языке в первой трети XX века, могут быть разделены на три большие группы [7]:

1) сокращение названия по начальным буквам или звукам слов в сложном термине, например *РКП(б), ЦК, ЦИК* – буквенно-звуковые аббревиатуры;

2) произношение по начальным слогам слов, входящих в сложный термин, например: *волисполком, губисполком, нарком, райисполком, совдеп* – слоговые аббревиатуры;

3) за начальным слогом или за двумя начальными слогами первого слова следует полная форма второго слова, например *компартия, комячейка, губотдел, продотряд* – сложные аббревиатуры.

Анализ массива документов показал, что наиболее продуктивной является слоговая аббревиация, а также комбинации двух и более способов: буквенно-звуковые, слоговые и сложные, слоговые и сложные аббревиатуры.

Например, в тексте протокола можно встретить одновременно слоговые и сложные аббревиатуры: <...> *На*

Щегловский уезд пала тяжёлая ***продразвёрстка****. Тяжела она по причине неурожайности, кобылки и т. д., а также по тому, что* ***волисполкомы*** *неправильно разложили развёрстку по своему незнанию, или может быть просто по нежеланию.<…>.* ***Волисполкомы*** *не знали, что делать,* ***продагенты*** *решительно ничего не хотят признавать<…>* [6]. Или буквенно-звуковые и сложные аббревиатуры: *Выписка из протокола заседания* ***Сиббюро ЦК РКП(б)*** *о контрреволюционных выступлениях студентов в г. Томске* [6].

<…> Постановили: Просить ***ЦК РКП*** *и* ***Сибкрайком*** *о переводе Мостовича для отбывания наказания в другой город <…>* [6] – пример употребления буквенно-звуковых и слоговых аббревиатур.

<…> Слушали: О включении в список лишенцев гр. КОРЖА А. П. на основании п. «д» ст. 69 инструкции ***ВЦИКа****, как сына бывшего жандарма. Постановили: <…> Материал направить в* ***ОИК*** *на утверждение <…> Поручить секретариату* ***горсовета*** *написать подробную мотивированную докладную записку в* ***Сибкрайисполком*** *через Томский* ***окрисполком*** *<…>* [6]. В данном отрывке употребляются одновременно буквенно-звуковые, слоговые и сложные аббревиатуры.

<…> Слушали: О ходе работ по сбору ***продналога*** *по Томскому уезду. Томский* ***упродкомиссар*** *т. Романов. Постановили: 1. Указать Томской* ***уоперпродтройке*** *на то, что установление недостаточной работоспособности в сборе* ***продналога*** *и неустранения расхлябанности* ***продаппаратов волисполкомов*** *и* ***сельсоветов*** *повлечёт за собой придание* ***Томопертройки*** *суду <…>* [6] – пример употребления слоговых аббревиатур.

<…> Председатель Батуринского ***сельсовета*** *Спасской волости Роман Растригин неоднократно требовал с гр. дер. Батуриной Григория Григорьевича Растригина уплатить сенной* ***продналог*** *38 пудов, который от уплаты такового отказывается, заявляя, что нет сена <…>* [6] – пример сложных аббревиатур.

<…> Слушали: Об участии на съезде бывших членов партии ***С-Р****, ныне состоящих в* ***РКП****. Постановили: Не чинить препятствий к участию в работах легального съезда членов*

партии ***С-Р*** *и бывшим членам партии* ***С-Р****, ныне состоящим в* ***РКП****, но в рамках, указанных в директивах* ***ГПУ*** <…> [6] – буквенно-звуковые аббревиатуры.

Несмотря на то, что в 90% проанализированных текстов документов встречаются разные типы аббревиатур, частотность употребления того или иного типа изменяется в зависимости от временного периода, к которому относится текст анализируемого протокола. В таблице 1 представлена частотность употребления различных типов аббревиатур (в процентах).

Таблица 1.

Период	1917-1921	1921-1924	1925-1929	1930-1933
Буквенно-звуковые	3,5	13,1	9	6
Слоговые	18,1	9,6	3,5	6
Сложные	9,6	10,1	4,5	7

Как можно видеть, в период, датируемый **1917-1921 гг.**, самым распространённым способом аббревиации является слоговый. В документах этого периода можно встретить такие новые слова, образованные слоговым способом, как *волисполком* (42)*, исполком* (29), *губисполком* (18), *уисполком* (10), *обком, облаком, совдеп, горисполком, волревком, губпродком, губюст, губревком, опродком, уревком, губчек, ревком, горуездисполком, райпродком, увоенком, волпосевком, военком, партком*[1]. Использование именно этих слоговых аббревиатур отражает в текстах документов исторические и политические события, происходящие в России в то время: с 1917 года происходит становление новой структуры власти, появляются новые государственные учреждения, ставшие одним из высших органов власти, регулирующие общественную и политическую жизнь в России – комитеты.

Достаточно часто в документах этого периода встречаются сложные аббревиатуры: *предревбюро, комтруд, уземотдел, продразверстка, губземотдел, раймолсекция, коммунотдел, продотряд, сельсовет, потребобщество, советвласть, комячейка, губбюро.*

[1] Для наиболее частотных единиц мы обозначили частоту встречаемости.

Для большинстве документов, датируемых **1921-1924** гг., самым продуктивным типом аббревиации является буквенно-звуковая, так же как и в документах, датируемых **1925-1929** гг. Чаще всего в документах этих периодов можно встретить такие буквенно-звуковые аббревиатуры: *РКП (РКП (б))* (39), *ГПУ (ОГПУ)* (35), *ВКП (ВКП (б))* (31), *НКВД, НКЮ, ВЦИК, ВИК, ВЧК, ДТЧК, ГПУ, С-Р, ГОГПУ, ЦК, ГСПС, ВУЗ, РЛКСМ, КСМ, СКИК, СНК, ОИК, РКИ, ОРУ, ИГБЭ, ОРДС, УЦД, ДК, ДТО, ОК, ОАО, ОКИТ, РИК, ВТУЗ*.

При этом наблюдаются процессы дальнейшей трансформации: например, на основе словосочетания *губернский исполнительный комитет* первоначально было преобразовано в слово *губисполком*, а позднее – в *ГИК*. Можно в качестве возможного объяснения этой ситуации доминирования буквенно-звуковой аббревиации в этот период предположить, что именно этот тип новых знаков отличается условностью. Аббревиация такого типа позволяет создавать слова, не имеющие внутренней формы, слова, значение которых необходимо знать, т. е. необходимо быть полностью включённым в новую социальную реальность. Многие из новых слов ещё не известны широкому кругу населения, можно предположить, что, в определённой степени, слова подобного типа выполняют не только номинативную, но и паролевую функцию.

Эта ситуация изменяется в следующий период. О документах, датируемых **1930-1933** гг., можно сказать, что в них присутствуют различные типы аббревиатур в равной степени частотности. Здесь достаточно трудно выделить самый продуктивный тип аббревиации. Несмотря на это, отметим, что все-таки намечается тенденция к смещению от буквенно-звуковых аббревиатур в сторону сложных. В документах этого периода преобладают такие аббревиатуры, как *горсовет, сельсовет, райком, колхоз, профсоюз, труддоговор, сельрабочком, окрисполком, Сибкрайисполком, горкомхоз, райсъезд, орготдел, натурфонд, крайком, колхоз,* которые относятся к сложным и слоговым аббревиатурам.

В текстах документов этого периода встречаются самые различные типы аббревиатур, например: *Из протокола*

закрытого заседания президиума ***губкома РКП(б)*** *о мерах по повышению авторитета органов* ***ГПУ***

18 марта 1923 г.

<…> Слушали: Доклад т. Фрицлей о состоянии аппарата ***губотдела ГПУ*** *по периферии. Постановили: 1. Считать необходимым принять меры к поднятию авторитета органов* ***ГПУ*** *как среди партийных, так и беспартийных, о чём послать всем* ***укомам*** *и* ***райкомам*** *циркуляр. Кроме того, дать директиву* ***укомам*** *и* ***райкомам*** *тесно связаться с уполномоченными* ***ГОГПУ****, в то же время, считая, что уполномоченные должны подробно обо всем информировать секретаря (****укома, райкома****), указать последним, чтобы они на заседаниях хотя бы и закрытых, не требовали от уполномоченных докладов сверх рамок, в которых последний считает возможным. 2. Провести кампанию популяризации органов* ***ГПУ*** *и милиции.* ***Агитотделу*** *разработать по этому вопросу тезисы <…> 5. Сокращение осведомительного аппарата* ***ГОГПУ*** *в данное время считать невозможным, а поручить усилить его. <…> 13. Предложить нач.* ***ГОГПУ*** *информировать президиум* ***губкома****, каким образом отразилось сообщение о болезни т. Ленина на настроение рабочих, крестьян, коммунистов и др., по городу 2 раза в неделю и по губернии 1 раз в неделю <…>*

Секретарь ***Томгубкома*** *Подпись* [6].

В данном документе использовано 8 разных аббревиатур, а всего число слов, образованных с помощью аббревиации в данном документе 19.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в ходе исторического развития происходит изменение способов аббревиации. В начале советской эпохи основным типом аббревиатур являются слоговые, затем на протяжении почти десяти лет в текстах документов преобладают буквенно-звуковые аббревиатуры, а на последнем представленном этапе намечается тенденция перехода к сложным аббревиатурам. Смена способов образования новых слов свидетельствует о том, что словообразовательная система языка постоянно изменяется, подстраиваясь под исторические, политические и социально-экономические события, происходящие в обществе.

Литература

1. Граудина, Л. К., Ширяев, Е. Н. Культура русской речи: учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 560 с.
2. Карцевский, С. Язык, война и революция / С. Карцевский. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
3. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Главархив, ВНИИДАД. М., 1974. 80 с.
4. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов / С. И. Ожегов. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
5. Кудряев, В. А. Организация работы с документами: учебник / В. А. Кудряев. М.: ИНФРА-М, 2002. 592 с.
6. Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области [Электронный ресурс] UR : http://gato.tomica.ru/publications/online/in e .htm (дата обращения: 24.09.2018).
7. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А. М. Селищев. М.: УРСС, 2003. 247 с.
8. Шанский, Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка: пособие для студентов-заочников / Н. М. Шанский. М.: Учпедгиз, 1957. 168 с.

СЕМАНТИКА СЛОВА В ЗЕРКАЛЕ НАИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Шумарина Марина Робертовна

Россия, Балашов, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

mshumarina@yandex.ru

SEMANTICS OF A WORD IN REFLECTION OF THE FOLK LINGUISTICS

Shumarina Marina Robertovna

Russia, Balashov, Balashov institute of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

Источником описания семантики слова могут служить металексичекские комментарии рядовых носителей языка – нелингвистов. Особенности интерпретации семантики слова «наивным лингвистом» показаны на примере текстов русской художественной прозы.

***Ключевые слова*:** наивная лингвистика, рефлексив, семантика слова, маркированные слова.

Article is devoted to analisis of folck metalanguage comments as method of studying of lexical semantics. Subject of the description are the comments to words which are contain in texts of Russian fiction.

Keywords: folk linguistics, metalanguage comments, semantics of a word, marked words.

Осуществляя описание семантики номинативных единиц, лингвист опирается на проверенные научные методики, среди которых важное место занимают экспериментальные процедуры, связанные с экспликацией языкового сознания (стимулирование свободных и направленных ассоциаций, метод субъективных дефиниций, метод семантического дифференциала и др.). Респондент более или менее естественным образом демонстрирует собственный языковой опыт, а исследователь обобщает этот опыт и делает выводы о языковых закономерностях. Таким образом, имеет место чёткое «разделение обязанностей»: рядовой носитель показывает, как он пользуется языком, а учёный осмысливает и описывает язык.

Однако способность размышлять о языке свойственна отнюдь не только профессиональным лингвистам. Ещё И. А. Бодуэн де Куртенэ, указывая на существование «лингвистического, или языковедного мышления» [1, с. 4], отмечал, что такое мышление не является исключительным достоянием учёного, так как существует и народное знание о языке: «…чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по её свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами» [2, с. 50]. И действительно, «народные» высказывания о языке не только многократно фиксировались, но тщательно изучались профессиональными языковедами; в научный обиход давно вошли обозначения «наивная лингвистика», «обыденная лингвистика», «стихийная лингвистика» и подобные.

Метаязыковая рефлексия нелингвистов как источник специфического знания о языке привлекала внимание ряда крупнейших отечественных ученых первой половины XX века,

которые заложили традицию исследования данного явления (Л. П. Якубинский, В. Н. Волошинов, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, А. М. Пешковский и др.). Описанный Г. О. Винокуром феномен «лингвистической критики» есть не что иное, как выражение мнения рядовых носителей по поводу отдельных единиц и всего языка в целом [5, с. 83–84; 91–92]. Л. В. Щербе принадлежит идея использовать метаязыковой комментарий рядового носителя как аргумент в описании языковых изменений [8, с. 94].

Как отмечают специалисты, именно единицы лексического уровня наиболее часто становятся объектом комментирования «наивного лингвиста» [см.: 3; 6; 7 и др.]. В. В. Виноградов в статье «Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания» сформулировал тезис о том, что даже сугубо индивидуальная оценка языкового факта отдельным человеком «всегда в той или иной мере опирается на лингвистические вкусы и языковые нормы социальной среды» [4, с. 3]. Таким образом, многие замечания нелингвистов по поводу семантики слов и выражений могут стать для специалиста ценным источником сведений. Покажем это на примере так называемых рефлексивов (термин И. Т. Вепревой) – метаязыковых комментариев, выбранных из произведений русской художественной прозы.

Наиболее регулярны комментарии, посвящённые семантизации слов и выражений. Автор может ограничиться синонимическим толкованием (*– И при вас я пройдусь по рукописи. / – Что значит «пройдусь»? – спросил я. – «**Пройтись**» – это значит **выправить***. К. Паустовский), а может дать подробное толкование, не избегая оценочности и даже эксплицируя периферийную семантику слова (***Кулаком** называется по-русски **прижимистый бесчестный сельский переторговщик**, который **богатеет не своим трудом, а чужим**, через **ростовщичество** и **посредничество** в торговле*. А. Солженицын).

В толковании может присутствовать и лингвокультурный комментарий: *Другой цыган с **каганцом** в руках, **обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром**, отправился, освещая дорогу* (Н. Гоголь).

Рефлексивы в художественных текстах сообщают о стилевой маркированности языковых единиц (*…бедный старик, в первый раз отроду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности,* ***говоря языком бумажным***. М. Лермонтов) и их стилистических, экспрессивных свойствах (*Я вспомнил, как он говорит «****таковой****» вместо «такой» – из любви* ***к высокому стилю***. М. Булгаков).

Метаязыковые комментарии могут касаться характеристики употребительности слова: *Лучи на камнях угасали, в ущельях залегали густые сумерки, насыщенные туманами, которые* ***в Сибири*** *называют красивым словом «****мороки****»* (В. Короленко). При этом, в отличие от лаконичных словарных помет, рефлексив в художественном тексте часто предлагает более детализированную функциональную и социальную характеристику: *Двое суток русский военный клипер «Жемчуг»* ***штормовал, как говорят моряки****. Двое суток он выдерживал жестокий ураган в Индийском океане* (К. Станюкович); *Выдумка теперь значит многое, она стиль жизни,* ***апофеоза****,* ***как говорят философы****, витрина успеха, водружение знамени над рейхстагом* (В. Распутин).

Носитель языка обращает внимание на синтагматические свойства слов и оценивает нормативность тех или иных сочетаний: *Мне не нравилось, как все они говорят; воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как «****ужасно смешно****», «****до смерти хочу есть****», «****страшно весело****»; мне казалось, что смешное не может быть ужасным, весёлое – не страшно и все люди едят вплоть до дня смерти* (М. Горький).

В рефлексивах обсуждается структурное значение слова, его включённость в ту или иную лексическую парадигму: *Древние… думали, что частое употребление* ***галлебора****, то есть* ***чемерицы****, или в просторечии* ***чихотки****, может* ***помочь****, то есть* ***облегчить****, или, лучше сказать,* ***исцелить****, повреждение церебральной системы...* (А. Бестужев-Марлинский); *У слова «****подвиг****» есть слово-****антипод****. Это слово – «****преступление****».* ***Совершить преступление – это значит сделать нечто совершенно обратное подвигу*** *– пренебречь в личных интересах*

интересами других людей, интересами родины, общества, человечества (А. Крон) и т. п. Носитель языка фиксирует и сам феномен системной организации лексики, соотношение семантики одной единицы с семантикой других членов парадигмы: *...защищено все на свете от забвения. Языком защищено: местом, где слово «**правый**» не может существовать, если нет слова «**левый**», где каждой **Малой** улице откликается **Большая**, каждой **Верхней** – **Нижняя**, каждой **Северной** – **Южная**...* (Е. Клюев).

Особый интерес представляют метаязыковые комментарии, которые касаются периферийных элементов семантики слова. Так, в художественных текстах (наверное, именно в силу их художественности) нередки замечания об ассоциативных связях слова – как вполне «нормативных», мотивированных (*У меня с детства слово «**дуга**» ассоциируется с широкой трехцветной **радугой**... Какие-то полузабытые стишки из детской книжки: «Ах ты, **радуга-дуга**!»*. Д. Рубина), так и в высшей степени индивидуальных (*И слово любила «**бемоль**», такое **лиловое** и **прохладное** и немножко **граненое**, как Валериины флаконы*. М. Цветаева).

Так называемые национально-культурные компоненты семантики сравнительно недавно стали предметом научного анализа, однако в произведениях русской литературы комментирование национальной специфики русской лексики и её отличия от иноязычных эквивалентов является одним из повторяющихся мотивов. Ср.: *...французы взяли у нас слово «**степь**», да это потому, что их «prairie» и «desert» вовсе не дают верного понятия о том безлесном, но не песчаном, а поросшем травою огромном пространстве земли, которое мы называем степью* (М. Загоскин); *...литература в Америке не такое уж престижное занятие. Писатель здесь не олимпиец, а чаще всего – бедный, мрачноватый человек. Обладатель не самой редкостной профессии. Да и слово «**писатель**» воспринимается на Западе как-то иначе. Автор «Войны и мира» здесь – «писатель». И тексты на консервных банках создают – «писатели»* (С. Довлатов) и др.

Интересно отметить, что авторы метаязыковых комментариев в художественных текстах указывают на особые

виды маркированности номинативных единиц. Эта маркированность не соотносится однозначно с видами отмеченности, описанными в специальной литературе, однако в сознании носителей языка прочно ассоциируются с теми или иными особенностями употребления. Так, «наивный лингвист» осознаёт устойчивую связь слов и выражений с определёнными типами дискурса (сферы коммуникации, ситуации, жанры). Ср.: *Разве я не вечный путешественник, как и всякий, у кого нет семьи и постоянного угла, «**домашнего очага**», как говорили **в старых романах**?* (И. Гончаров); *...директор картины напомнил, что скоро на съемочную площадку, а режиссеру и автору надо еще решить несколько **творческих (в кино, которое не искусство**, ужасно любят это слово) задач* (Ю. Нагибин). Такую отмеченность можно условно назвать «жанровой»; она носит относительно объективный характер, а её лингвистическая фиксация может оказаться полезной для исследований по речеведению и лингводидактике.

Видимо, в метаязыковом сознании носителей языка существует также соотнесённость номинативных единиц с определёнными типами языковых личностей: *Шурочка обижался и **квелился**, **как говорят няни*** (Б. Пастернак); *За это время мы вымыли разбильон тарелок. «**Разбильон**» – это значит «много – много – много» на **сюсюкающем учительском диалекте*** (В. Набоков). Такая отмеченность может быть названа «персонологической» (от термина *лингвоперсонология* – учение о типах языковых личностей).

Некоторые слова неоднократно попадают в фокус метаязыкового внимания и получают сходные характеристики, что свидетельствует о достоверности наблюдений «стихийного лингвиста». Ср.: *Выступать она не умела, сильно путалась, говорила какие-то шаблонные, свойственные «**людям искусства**» слова: «где-то по большому счёту» и «**волнительно**» вместо «волнующе»* (В. Аксёнов); *В разговоре он употреблял слова, свойственные **маленьким актерам**: «**волнительно**», «на полном серьезе», «на интиме»...* (К. Паустовский) и др. Конечно, сотнесённость языковых единиц с определёнными лингвокультурными типажами менее

регулярна, нежели социолингвистические и функциональные характеристики слова, однако тот факт, что такая соотнесённость осознается носителем языка, свидетельствует как о реальности данного феномена, так и о его коммуникативной значимости.

Ещё один повторяющийся мотив метаязыкового дискурса в текстах художественной прозы – указание на отмеченность слов и выражений, связанную с прецедентом употребления (назовём её условно «прецедентной»). Слова могут ассоциироваться с конкретной личностью, употреблявшей их (*…сроки их, выражаясь* ***по Горькому****, были Сроки* ***с большой буквы***. А. Солженицын; *Французы считают, что у них нервы тоже расшатаны, самая модная болезнь – это депрессия. А я говорю («****не для стенограммы****» – как,* ***бывало, говаривал незабвенный наш Никита Сергеевич****) – с жиру бесятся*. В. Некрасов), или с конкретными контекстами (*И лишь милиционер Геллер обычно молчал. Был он тихий, робкий,* ***в круглых очечках*** *и на милиционера-то, чудак, совсем не походил... Это словосочетание* ***очень любил В. М. Шукшин****, и «****круглые очечки****» непременно попали сюда из «****Калины красной****», где деревенский дед говорит рецидивисту, выдающему себя за отсидевшего за чужую растрату бухгалтера, что бухгалтеров он знает, бухгалтеры тихие, «в круглых очечках», а «об твой лоб – поросят бить».* Е. Попов).

Многочисленные металексические комментарии «наивных лингвистов», которые встречаются как в письменных, так и в устных текстах, способны послужить для языковеда не только ярким иллюстративным материалом, но и довольно часто – источником лингвистических сведений.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Введение в языковедение. С приложением: сборник задач по «Введению в языковедение» / И. А. Бодуэн де Куртенэ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.

2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. М.: АН СССР, 1963. Т. I. 384 с.

3. Вепрева, И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: (на материале высказываний рефлексивов 1991–2002 гг): дис. … д-ра филол. наук / И. Т. Вепрева. Екатеринбург, 2003. 372 с.

4. Виноградов, В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 3–18.

5. Винокур, Г. О. Проблема культуры речи / Г. О. Винокур // Русский язык в советской школе. 1929. № 5. С. 82–92.

6. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: колл. моногр. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 7–40.

7. Черняк, В. Д. Языковая рефлексия в современной прозе / В. Д. Черняк // Русская литература в формировании современной языковой личности: матер. конгресса: в 2 т. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 83–87.

8. Щерба, Л. В. Восточнолужицкое наречие / Л. В. Щерба. СПб.: Ист.-филол. фак. Петрогр. ун-та, 1915. Т. I. 296 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕТАФОРИЗАЦИИ ПИЩЕВОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Щербачук Лидия Фёдоровна,
Стамова Татьяна Владимировна
Российская Федерация, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
lidiya_shch1@mail.ru, stamova.96@mail.ru

PHRASEOLOGICAL MEANS OF METAPHORISATION OF FOOD CODE OF RUSSIAN CULTURE

Shcherbachuk Lidiia Fedorovna,
Stamova Tatyana Vladimirovna
Russian Federation, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Статья посвящена описанию особенностей метафоризации пищевого кода русской культуры при помощи фразеологических единиц. Метафоризация в исследовании рассматривается как семантическая универсалия. Определяется роль пищевой метафоры в репрезентации кулинарного фрагмента языковой картины мира.

***Ключевые слова*:** метафора, пищевой код культуры, метафорическое моделирование, фразеологизм.

The article is dedicated to the description of peculiarities f metaphorisation of food code of Russian culture by means of phraseological units. The metaphorisation is examined as a semantic universal in the research.

The role of food metaphor is defined in the representation of culinary fragment of the world language picture.

Keywords: metaphor, food code of culture, metaphor modelling, phraseologism.

Метафоризация как семантическая универсалия – это самое продуктивное средство обогащения языка, семиотическая закономерность, которая реализуется в использовании знаков одной понятийной сферы для обозначения другой, схожей по определённым параметрам.

Теоретико-методологическим основанием работы послужили труды отечественных и зарубежных учёных по теории метафоры (О. И. Андрейченко, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, О. И. Блинова, О. И. Глазунова, Л. Д. Гудков, О. А. Дормидонтова, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Н. А. Сегал, Г. Н. Скляревская, А. П. Чудинов, Е. А. Юрина и др.), фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, А. В. Жуков, В. П. Жуков, М. Л. Ковшова, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, О. В. Ломакина, Л. В. Савченко, В. Д. Ужченко, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, Л. Ф. Щербачук и др.), пищевому коду культуры (Т. Б. Банкова, Е. В. Беленко, Е. Л. Березович, Н. Е. Грушко, Е. В. Капелюшник, А. В. Олянич, С. М. Толстая, Н. А. Устинова, Е. А. Юрина и др.).

Существуют различные подходы исследователей к изучению метафоры, поэтому рассмотрим детально определение данного термина. В толковом словаре Д. Н. Ушакова метафора [греч. metaphora] – это «троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, напр.: ***белены объелся, заварить кашу***» [15, с. 297]. По словам Л. Д. Гудкова, метафора «является представлением, соединяющим одно семантическое образование с системой значений другого, подлежащего предикации, идентификации и оценке» [7, с. 181]. Метафоры, как выражения естественного языка, возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека [8, с. 27].

В современной лингвистике одним из ведущих направлений изучения метафоры является ее всестороннее рассмотрение с позиции семантической теории. Г. Н. Скляревская отмечает, что в отечественном языкознании «стала хрестоматийной модель

семантической (семной) структуры языковой метафоры, разработанной В. Г. Гаком». О. И. Глазунова характеризует метафору с точки зрепния семантического аспекта, отмечает, что она «возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления. Традиционное использование метафоры происходило и происходит на основании схожести, аналогии или системы общепринятых ассоциаций. Так метафора-образ переносит на незнакомые предметы и явления качества уже известных, привычную их оценку. С формальной точки зрения, метафорический перенос заключается в употреблении слова (словосочетания, предложения), предназначенного для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, для наименования или характеризации других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [5, с. 177–178]. В. Н. Телия особенное внимание уделяет синтаксической природе метафоры, отмечая, что это утверждение о свойствах объекта на основе некоторого подобия с уже обозначенным в переосмысленном значении слова [14, с. 136]. Н. Д. Арутюнова рассматривает метафору как троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [3, с. 136–137].

Большое распространение в лингвистике получила теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [8, с. 187]. Суть данной теории сводится к следующему: основой процесса метафоризации является связь *сферы-источника* и *сферы-мишени*. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень элементы сферы-источника, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, структурируют менее понятную сферу-

мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Сфера-источник является более конкретным знанием, легче передаётся одним человеком другому, основана непосредственно на опыте взаимодействия человека с действительностью, в то время как сфера-мишень – это менее конкретное, менее определённое знание. Базовым источником знаний, составляющим концептуальные домены, является опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Исходя из вышесказанного, О. И. Андрейченко метафору рассматривает «как обусловленное ассоциациями по сходству или контрастностью языковое явление, имеющее когнитивную основу и являющееся использованием языкового знака одной концептуальной сферы для обозначения составляющей другой» [2, с. 389].

В последние десятилетия в современном языкознании получило широкое распространение понятие «код культуры». Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова определяют код культуры как «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов... Код культуры понимается как совокупность знаков-предметов культуры и символизированных сущностей, составляющих план выражения для ценностно-значимого плана содержания культуры» [6, с. 9]. Среди кодов культуры важное место занимает пищевой код. А. В. Олянич определяет гастрономический дискурс как особенный вид массово-информационной коммуникации, которая характеризует всю систему пищевого процесса: 1) обработка пищевой продукции, 2) подготовка пищевой продукции к приготовлению, 3) процесс приготовления и 4) поглощения пищи [11]. Основываясь на интерпретации элементов пищевой традиции, он описывает разнообразные ситуации и фрагменты концептуальной картины мира, опосредовано имеющие отношения к еде. Безусловно, каждый элемент важен в структуре гастрономической традиции [17].

Следует отметить, что ни одну метафору невозможно понять или описать изолированно, без учёта её эмпирического основания. Бесспорным в процессе познания мира остаётся его человеческое (антропоморфное) измерение. В этом ключе значительный интерес среди исследований вызывают разработки

в области пищевой метафоры. Сравнение жизни с пищей вполне закономерно, так как наличие еды является необходимым условием поддержания биологического существования. Кроме этого, пища является неотъемлемым атрибутом жизни любого человека: мы апеллируем к ней ежедневно, сталкиваемся с ней в различных её проявлениях и состояниях. Кулинарные (пищевые, гастрономические) метафоры русского языка составляют мотивационную подсистему, которая выделяется в рамках семантической классификации метафор. Данная группа разнородных по значению метафор объединяется тем, что их внутренняя форма относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, её основных свойств (в том числе вкусовых качеств), способов её приготовления и др. [4, с. 4]. Таким образом, «для гастрономической метафоры релевантными являются когнитивные опоры, связанные с выделением внешних признаков гастрономических объектов (форма, размер, запах, цвет, фактура поверхности) и «внутренних» признаков, таких как: консистенция, вкус, особое свойство продукта. Выявленные когнитивные опоры при всей универсальности их характера обладают национально-специфическими особенностями» [9]. Понятие *пища* в нашем исследовании – это то, что едят, чем питаются. В словаре синонимов русского языка под редакцией З. Е. Александровой даются тождественные и близкие по значению слова, относящиеся к пище: «питание, съестные припасы, съестное, стол; еда (разг.), кормежка (прост.), жратва, шамовка (груб. прост.), харч (харчи) (уст. и прост.), снедь (уст., теперь шутл.) / для животных: корм» [1, с. 357].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, *метафорическое моделирование* – это средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее одновременно многовековой опыт народа и его национальное самосознание на определенной ступени развития, концептуальная метафора связана с конкретными условиями развития общества [8, с. 156]. Речевой акт базируется на предшествующем опыте говорящего и слушающего, на их знаниях о мире. А. П. Чудинов определяет метафорическую модель как связь между понятийными сферами, складывающуюся в сознании людей, которая включает три

основных компонента: сферу источник, сферу-мишень и компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы [16]. Исследователь выделяет четыре разряда метафор: антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную [16, с. 136–137].

За основу метафорического моделирования в аспекте пищевого кода Н. В. Головницкая, Д. Ю. Гулимов, А. С. Бойчук, Е. М. Кирсанова, Е. В. Капелюшник, А. П. Чудинов, Е. А. Юрина и др. берут отдельные фреймы понятийной сферы источника (в данном исследовании – это пища). Кроме того, нельзя забывать о том, что фразеологизмы являются культурно маркированными языковыми знаками, поскольку их компонентный состав и значение осложнены различного рода культурными коннотациями. Большинство фразеологизмов, в основе образного значения которых лежит пищевая метафора, являются образным средством характеристики человека. Валентность компонента-глютонима в пределах таких единиц определяется концептуальной связью с лексико-семантическим полем «человек». Пищевой код культуры, мир пищи оказывается сферой-источником для метафоризации различных качеств человека, его характера, поведения, деятельности. Носитель языка соизмеряет эти качества, характеристики со свойствами самой пищи, ее добыванием, обработкой, приготовлением, употреблением и закрепляет это знание во внутренней форме фразеологизма.

Анализ словарных дефиниций фразеологических словарей русского языка позволил выделить в смысловой структуре исследуемых фразеологизмов общую интегральную сему «личность – человек как субъект социальных отношений и деятельности»: ***горе луковое*** «шутл. незадачливый, нерасторопный человек; недотёпа»*;* ***тёртый калач*** «очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть, бывалый человек»*;* ***отрезанный ломоть*** «человек, отделившийся от семьи, ставший самостоятельным; человек, порвавший связь с привычной средой, порвавший с привычным образом жизни, с привычной деятельностью» и т. п. Как видим, основой для метафорического переноса являются мотивирочные признаки,

положенные в основу образной характеристики человека сквозь призму пищевой метафоры.

В ходе исследования определены такие модели по сфере-источнику и сфере-мишени:

1) сфера-источник «сходство /несходство вкусовых качеств пищи» – сфера-мишень «сходство / несходство людей по определенным характеристикам»: ***хрен редьки не слаще*** «из двух неблагоприятных явлений или событий ни одно не является лучше другого»; ***из одного <и того же> теста <испечён, сделан>*** «о людях, схожих по характеру, привычкам, воспитанию, находящихся на одном социальном уровне»; ***из другого теста <испечён, сделан>*** «о людях, разных по воспитанию, характеру, образу и уровню жизни»;

2) сфера-источник «свойства и качества пищи» – сфера-мишень «качества человека»: а) физическая характеристика: ***выжатый лимон*** «сильно уставший, измотанный человек; человек, утративший духовные силы, творческие способности»; ***как огурчик*** «о человеке, который чувствует себя бодрым, здоровым, полным сил; выглядит свежо»; б) качества характера: ***простой, как (пареная) репа*** «о ком-л., чём-л. простом, бесхитростном, незатейливом»; ***гнилая ягода*** «человек, обладающий скверным, неуживчивым, сложным характером»;

3) сфера-источник «внешний вид пищи» – сфера-мишень «внешний вид человека»: ***нос грушей*** «о большом, расширенном к низу носе»; ***нос сливой*** «о бесформенном толстом носе»; ***в форме картошки*** «о носе с крупным круглым кончиком и широкими ноздрями»; ***как смородина*** «о чёрных блестящих глазах»; ***как бледная поганка*** «о человеке с бледной кожей»; ***красный, как помидор*** «о покрасневшем от гнева, злости, смущения или других эмоций человеке»;

4) сфера-источник «употребление пищи» – сфера-мишень «речь человека»: ***каша во рту*** «о нечленораздельной, невнятной речи»; ***глотать слова*** «неразборчиво, невнятно, очень быстро произносить слова, концы слов, фраз»; ***жевать мочалку (мочало)*** «говорить нудно и бестолково (часто об одном и том же)»; ***жевать (пережёвывать) жвачку*** «надоедливо, бестолково

говорить об одном и том же, снова и снова возвращаясь к чему-либо»;

5) сфера-источник «приготовление и употребление пищи» – сфера-мишень «деятельность человека»: ***каша заваривается*** «затевается сложное, хлопотное или неприятное дело»; ***каши не сваришь*** «не сговоришься, не договоришься, дела не сделаешь»; ***печь, как блины*** «производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)»; ***съесть с потрохами*** «лишать кого-либо имущества, должности, жизни».

6) сфера-источник «приготовление и свойство пищи» – сфера-мишень «интеллектуальный уровень человека»: ***голова варит*** «кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив»; ***котелок варит*** «кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив»; ***каша в голове*** «путаница мыслей, неспособность найти нужную информацию среди имеющихся знаний»;

7) сфера-источник «разновидность пищи» – сфера-мишень «взаимоотношения»: ***есть чужой хлеб*** «жить за счёт кого-либо, не принося пользы»; ***водить хлеб-соль*** «находиться в приятельских, дружеских отношениях»; ***калачом не заманишь*** «никаким способом, ничем не зазовёшь кого-либо» и т. д.

Примеры свидетельствуют, что большая часть исследуемых фразеологических единиц, в первую очередь, является средством образной характеристики индивидуальных качеств человека.

Таким образом, метафоризация – это одно из средств выражения знаний о мире. Образы, связанные с устойчивыми ассоциациями человека, делают пищевую метафору предельно эффективным средством эмоционально-психологического воздействия на адресата речи. Данное явление позволяет говорить о ценностной значимости символического пищевого кода в культуре русского народа.

Литература

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова; под ред. Л. А. Чешко. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 600 с.

2. Андрейченко, О. И. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века (на примере биоморфной макромодели) / О. И. Андрейченко // Образ России в условиях

информационной войны конца XX – начала XXI в. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. С. 388–397.

3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

4. Бойчук, А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 01 «Русский язык» / А. С. Бойчук. Волгоград, 2012. 27 с.

5. Глазунова, О. В. Логика метафорических преобразований / О. В. Глазунова. СПб.: Питер, 2000. 190 с.

6. Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. Телесный код Русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. М.: «Гнозис», 2007. 288 с.

7. Гудков, Л. Д. Метафора как способ переноса знаний и как форма выражения содержательной рациональности в науке // Науки и их взаимосвязи. История. Теория. Практика / Л. Д. Гудков. М.: Наука, 1988. С. 172–193.

8. Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живём / М. Джонсон, Дж. Лакофф. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

9. Дормидонтова, О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: на материале русского и французского языков: автореферат дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / О. А. Дормидонтова. Тамбов, 2011. 23 с.

10. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка. / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

11. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиот. характеристики / А. В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / РАНЮ Ин-т языкознания. М., 2003. С. 167–201.

12. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. 2-е изд., стереотип. СПб., 2004. 163 с.

13. Словарь русской пищевой метафоры. Том 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. унта, 2015. 428 с.

14. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименования). М.: Наука, 1977. С. 129–221.

15. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М.: Аделант, 2013. 800 с.

16. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

17. Щербачук, Л. Ф. Кухонная утварь как элемент гастрономического кода культуры в русской фразеологии / Л. Ф. Щербачук, Н. Ю. Малюк // Сборник тезисов докладов участников Международной научной конференции «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении». Симферополь, 2017. С. 49–51.

«КРЫМ» КАК КОНЦЕПТ (СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ А. КУШНЕРА «КОНЕЧНО, РУССКИЙ КРЫМ»)

Ясакова Е. А.
Россия, Балашов, Балашовский институт Саратовского государственного университета
eayasakova@yandex.ru

THE CRIMEA AS A CONCEPT (THE SEMANTIC AND ASSOCIATIVE CONTEXT OF A. KUSHNER'S POEM «OF COURSE, RUSSIAN CRIMEA»)

Yasakova Ye. A.
Russia, Balashov, Balashov Institute of Saratov state university

В статье сделана попытка исследования художественного концепта «Крым», значение которого реализуется в семантико-ассоциативном контексте стихотворения А. Кушнера «Конечно, русский Крым». В стихотворении актуализируются глубинные концептуальные конструкции, дающие представление об определённой системе взглядов, когнитивной системе творца. Основные семантические линии поэтического текста позволяют составить представление о философских, эстетических, нравственных позициях автора, сознание которого укоренено в русской национальной культуре.

Ключевые слова: концепт, интерпретация, реминисценция, ассоциация, смысл.

In the paper an attempt is made to conduct research of the literary concept «the Crimea» the meaning of which is realized in the semantic and associative context of A. Kushner's p em «Of course, Russian Crimea». In the poem deep conceptual constructions are being become actual which give an idea of the definite system of views, the cognitive system of the creator. The main semantic ines f the p etic te t w us t get n i e f the uth r's phi s phic , esthetic, moral positions, whose consciousness is rooted in Russian national culture.

Keywords: concept, interpretation, reminiscence, association, meaning.

А. Кушнер продолжатель классической традиции 19-го века, воспевает вечные ценности человеческого бытия, пытаясь осознать связь между жизнью частного человека и историческим временем, прошлым и будущим. Он стремится к внутренней, творческой свободе, которую ему удаётся достичь путём сознательного ухода от декларативной, тенденциозной, публицистической поэзии в чистую лирику.

Стихотворение «Конечно, русский Крым» – рефлексия на известные политические события, которые требуют определённого к себе отношения. Поэт не даёт идеологическую оценку самому факту возвращения Крыма в состав Российской Федерации, однако анализ семантических систем поэтического текста позволяет нам судить о философских, эстетических, нравственных позициях автора.

Целью данной статьи является попытка интерпретации семантико-ассоциативной системы стихотворения А. Кушнера «Конечно, русский Крым», вербализованной в текстовой коммуникации при помощи различных языковых средств, основным из которых является концепт «Крым».

Стихотворение А. Кушнера «Конечно, русский Крым» посвящено истории отношений, которые связывают поэта и его лирического героя с этим заповедным местом в географии русской культуры. Концепт «Крым» связан у автора с целым комплексом ментальных феноменов – мыслей, чувств, внутренних состояний. Углубляясь в бесконечный культурный дискурс-лабиринт, заключая в себе множество аллюзий и реминисценций, стихотворение «Конечно, русский Крым» становится эхом на вызовы времени. С первых строк поэт начинает игру с читателем, увлекая его в постижение смыслов.

«Конечно, русский Крым» состоит из четырех пятистиший и имеет эпиграф из стихотворения К. Ф. Батюшкова «Таврида»: «Где волны кроткие Тавриду омывают». Полностью данная строфа звучит так:

Друг милый, ангел мой! Сокроемся туда
Где волны кроткие Тавриду омывают,
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места... [1, с. 68]

Крым для Батюшкова и, соответственно, для нашего поэта-современника – это то, что связывает Русский мир с Древней Грецией, это наши корни и наша любовь. Это рай на земле, существующий вне физического времени. Так, общий контекст эпиграфа актуализирует наше представление о Крыме благодаря синонимической парадигме – *милый, кроткие, священные*. В составе данного синонимического ряда эпитет «кроткие» является наиболее семантически ёмким. В тексте А. Кушнера он реализуется в смысле «миролюбивые».

Слово-образ «Крым» – ключевое в стихотворении. Констатация этого позволяет правильно выделить доминантный строй произведения, в котором происходит транформирование ключевого образа в художественный концепт, обеспечивающее целостное восприятие текста. Основными признаками концепта «Крым» следует считать его выделенность и частоту употребления: в лейтмотивной синтагме «Конечно, русский Крым» он употребляется шесть раз. Кроме того, по мере разворачивания семантической спирали, данный концепт получает свою реализацию в составе контекстного синонимического ряда, связанного с нашими представлениями о географии Крыма и крымском ландшафте: Таврида, «голубой простор», «ялтинский сад», «морская панорама», Коктебель, Карадаг.

Синонимическая парадигма, связанная с основным концептом и заявленная в эпиграфе, сохраняется на протяжении всего текста, обогащаясь новыми смыслами. Так, уже в первой строфе, которая собирает и закручивает множество ассоциаций, возникают пушкинские реминисценции. Например, мы вспоминаем стихотворение «Ненастный день потух, ненастной ночи мгла»:

...Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она,
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами… [6, с. 17]

В стихотворении А. Кушнера анафористическое «конечно» в начале первой и третьей строк, подчёркивает мысль, настаивая на ней. В сочетании «русский Крым» логически и интонационно выделяется эпитет «русский». Вся первая строфа задаёт

смысловую модель текста: тезис «Крым – наш» и перечисление признаков (ряды однородных и неоднородных определений) как аргумент в пользу того, что он наш, русский.

Автор использует назывные синтаксические конструкции, отказывается от глаголов, так как его задача – нарисовать эмоционально окрашенный пейзаж, который давно уже обрёл в русском сознании узнаваемые устойчивые черты (море, горы, парус), прежде всего, благодаря литературе («Конечно, русский Крым, со строчкой стиховою…»).

Помимо эпитетов, в этой строфе использовано сравнение: «маленькой горою, / Лежащей, как медведь, под берегом крутым...». Этот троп открывает сразу несколько направлений для осмысления концепта «Крым». Во-первых, гора Аю-Даг, расположенная на южном берегу Крыма, имеет ещё одно название – Медведь-гора. Во-вторых, медведь издавна стал символом нашей страны, олицетворением её благородного духа и мощи. Поэтому сравнение, помещённое поэтом в самый центр строфы, явно поддерживает эпитет «русский» и заставляет звучать лейтмотив стихотворения спокойно и уверенно.

Крым – место, где никогда не гаснет поэтический огонь, это особое пространство, где живут русский дух и русская муза.

Таким образом, в первой строфе реализуются такие аспекты основного концепта, как *искусство, творчество, любовь, святыня*. Благодаря им возникает логическая связь со второй строфой, в которой интонация меняется с элегической на трагическую и разворачиваются эпизоды, связанные с темами испытаний, жертв и смертей.

Автор затрагивает этико-психологические аспекты взаимоотношений людей в контексте разрушительных исторических событий («…Кого из них убьют в смертельной заварухе?»). Риторический вопрос вовлекает в область рефлексии читателя.

Ассоциативные связи, вызываемые реминисценциями из «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого, обогащают текст новыми смыслами. Образы кроткого, уживчивого и рассудительного пехотного штабс-капитана Михайлова, который даже на войне, даже в осаждённом Севастополе не разучился

мечтать, и тщеславного ротмистра Праскухина соотносятся с когнитивным аспектом ключевого концепта. Семантическая система стихотворения вбирает в себя такие смыслы, которые внятны каждому русскому человеку независимо от его личностных качеств и характеристик.

Конечно, русский Крым. Михайлов и Праскухин,
Кого из них убьют в смертельной заварухе?
Но прежде чем упасть, – вся жизнь пройдет пред ним,
Любовь его и долг невыплаченный, – глухи
И немы, кто убит. Конечно, русский Крым [3].

Это понятие о долге перед памятью о погибших защитниках Крыма: «Сотни свежих окровавленных тел людей, за два часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами, лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мёртвых в Севастополе...» [7, с. 137–138].

В знаковое пространство концепта «Крым» включены также рассказы об «одухотворённых людях», воспетых поэтами и писателями уже в XX веке, во время и после Великой Отечественной войны. Стихотворение А. Кушнера заставляет нас вспомнить эти героические страницы нашей истории, восстановить с ними внутреннюю связь и осознать закономерность, естественность того, что произошло в марте 2014 года.

Л. Н. Толстой при строительстве своих грандиозных художественных миров («Война и мир», «Анна Каренина») использовал композиционный приём, который назвал «сцеплением эпизодов». Очевидно, что в стихотворении «Конечно, русский Крым» используется тот же приём, причём «сцепление» происходит как за текстом, так и внутри текста. Фамилии героев рассказа Л. Н. Толстого получают статус нарицательных, в связи с этим фрагмент строфы: «Но прежде чем упасть, – вся жизнь пройдет пред ним, / любовь его и долг невыплаченный, – глухи / и немы, кто убит», – получает множество дополнительных смыслов. Так, концепт «Крым» выявляет в своей структуре смыслы *смерть, жизнь, родина, долг,* которые выстраиваются в логическую цепочку, в связующую времена нить.

Характерен синтаксис этого стиха. В нём автор использует интонационные тире, чтобы вырвать из тисков исторических дат огромный временной отрезок, имеющий отношение не только к героям – защитникам Крыма и Севастополя, но и к читателю. Одновременно с этим автор отказывается от парцелляции, ему важно показать непрерывным исторический и духовный процесс. Отмечаем и то, что логические и интонационные акценты падают на слова «глухи и немы». Мы относим эти эпитеты не только к тем, кто сам уже никогда не сможет высказаться в свою защиту, но и услышит призыв к современности: «Нам нельзя оставаться «глухими и немыми», когда какие-то политические силы пытаются убить нашу священную память».

Стихотворение А. Кушнера создано по образцу музыкального произведения, когда главный мотив проходит через весь текст, варьируясь и обогащаясь. Его лирическое пространство питает одновременно и жизнь, и литература, отчасти даже навязывая ему определённую тему и сюжет. Поэтому вполне ожидаемо появление в третьей строфе «скучающей дамы с собачкой». Союз «и» соединяет предыдущую строфу с последующей. Как и в жизни, в дискретном мире стихотворения соединяются война и мир, любовь и смерть, земное и небесное:

И в ялтинском саду скучающая дама
С собачкой. Подойти? Нехорошо так прямо.
Собачку поманить, а дальше поглядим...
Случайная скамья, морская панорама,
Истошный крик цикад. Конечно, русский Крым.

Поэт в нескольких строках воскрешает атмосферу чеховского рассказа: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения,

непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» [8, с. 93–94].

Благодаря чеховским реминисценциям концепт «Крым» получает максимальное расширение – возведение частного интимного переживания до экзистенциального. Так, в стихотворении Кушнера актуализируются концептуальные смыслы, связанные с нашим пониманием духовного переворота, внутренних перемен, которые происходят под влиянием любви. В одной точке сходятся любовь к женщине и любовь к самой жизни, явленная в вечных образах природного мира «земли полуденной». У Кушнера звучит та же чеховская мысль: «Как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете, всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своём человеческом достоинстве» [8, с. 98].

В последнем пятистишии плотность ассоциативных аллюзий достигает максимального предела. Первая строка: «Конечно, Мандельштам, полынь и асфодели» – отсылает нас одновременно и Мандельштаму, и к Коктебелю, где Мандельштам гостил несколько раз. Здесь концепт «Крым» проявлен через такие образы, как «полынь» и «асфодели». Это яркие «опознавательные знаки» волошинской Киммерии. Из воспоминаний гостей и посетителей дома в Коктебеле, который был выстроен хозяином как особый духовный мир, как творческая лаборатория, известно, что Волошин ходил по прибрежным холмам с посохом, часто босой, в одном полотняном балахоне, похожем на греческое одеяние, в венке из полыни. Концепт «Крым» в данной строфе получает свое развитие благодаря введению реминисценций из стихотворения «Полынь» Максимилиана Волошина (1907) и стихотворений «Золотистого меда струя из бутылки текла…» и «Меганом» Осипа Мандельштама (1917).

В семантико-ассоциативное поле основного концепта входят мифологические образы, связанные с мотивами жизни, любви, смерти, памяти, вечности. Крым – сакральное место, где бродят тени и души умерших... В скалах Карадага можно обнаружить спуск в Аид. Нежный цветок асфодель или асфоделус – знак этого священного места.

Слово-образ «полынь» открывает для нас ряд библейских ассоциаций. Это символ суда Божия за отступничество и непослушание, знак Божия неблаговоления и наказания за человеческие грехи и пороки. Как известно, в Библии «полынью» названа звезда Апокалипсиса. Так, благодаря возникшим аллюзиям рождаются дополнительные смыслы, которые позволяют говорить об аксиологическом компоненте концепта «Крым».

В статье «Выпрямительный вздох» А. Кушнер, размышляя о тайне поэтического искусства, в качестве обобщающей его рассуждения метафоры взял именно мандельштамовскую. Больше всего, по мнению А. Кушнера, поэзии нужно бояться соблазна «затягивающей, развращающей сознание игры на понижение ценностей, на отказ от них» [4, с. 295]. В этом смысле творчество и судьба Мандельштама, его «выпрямительный вздох» – «наша опора, наша надежда» во времена, когда требуется сопротивление косности и бездуховности. События начала 2014-го года потребовали мужества признать, что «Крым – наш», так же, как наш Мандельштам, который является примером «доблестного овладения материалом жизни». Ведь в самых горьких его стихах не ослабевает, продолжает звучать восхищение перед жизнью.

Мифологическая параллель в этом стихотворении Мандельштама помещает историю Тавриды в контекст вечности:

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Так, в тексте стихотворения звучит *мотив возвращения* [5, с. 142].

В стихотворении А. Кушнера «Конечно, русский Крым» актуализируются глубинные концептуальные конструкции, дающие представление об определенной системе взглядов, когнитивной системе творца. Художественная система этого произведения практически целиком соткана из готовых устойчивых поэтических формул, поэтому в нём особенно важны ритмико-синтаксические и смысловые сдвиги, умение сочетать «узнаваемое с неожиданным» [2, с. 46–47]. На протяжении всего

стихотворения мы наблюдаем диалогическое взаимодействие текстов. Последняя строфа построена на переносе и звучит как открытый риторический вопрос:

И помнит Карадаг, как нами он любим
На зное золотом. Неужто охладели
Мы, выбились из сил?

Стиховая интонация, выразившаяся в синтаксической конструкции этой строфы, – одновременно заключает в себе и недоумение, и сожаление, и побуждение к действию. Замыкает стихотворение несомненное утверждение: «Конечно, русский Крым!»

Таким образом, анализ семантико-ассоциативной системы стихотворения А. Кушнера «Конечно, русский Крым», вербализованной в текстовой коммуникации при помощи различных языковых средств, основным из которых является концепт «Крым», показал, что в произведении заявлена верность высоким идеалам гуманизма, добра и красоты, которые отвечают нравственным требованиям, сложившимся в русской литературной традиции. Поэт пробуждает культурную память читателя, прокладывая путь познания своей истории. Крым – наш, потому что пропитан, напитан нашей культурой, нашими образами, у нас с ним интимная духовная связь.

Литература

1. Батюшков, К. Н. Сочинения / К. Н. Батюшков. Архангельск: Сев.-Зап. кн. из-во, 1979. 400 с.
2. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург // Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. писатель, 1974. 608 с.
3. Кушнер, А. Стихотворение молчаливо… / А. С. Кушнер // Урал. 2015. № 5 [Электронный ресурс] Режим доступа http://magazines.russ.ru/ural/2015/5
4. Кушнер, А. С. Выпрямительный вздох / А. С. Кушнер // Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л.: Сов. писатель, 1991. 512 с.
5. Мандельштам, О. Э. Избранное / О. Э. Мандельштам. М.: СП Интерпринт, 1991. 480 с.
6. Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10-ти т. / А. С. Пушкин. Т. 2. Стихотворения 1824 (Михайловское)–1836. М.: Правда, 1981. 348 с.
7. Толстой, Л. Н. Севастополь в мае / Л. Н. Толстой // Собр. соч. в 22-х т. Т. 2. Повести и рассказы 1852–1856. М.: Худож. лит., 1979. 422 с.
8. Чехов, А. П. Дама с собачкой / А. П. Чехов // Собр. соч.: в 30-ти т. Т. 10. Рассказы, повести 1898–1903. М.: Наука, 1977. 353 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрейченко О. И. (Симферополь, Россия) Фразеологизмы в политическом дискурсе (на материале современных СМИ) 3

Алиева В. Н. (Симферополь, Россия) Типология двучленных рядов функциональных омонимов с трансформантом, выраженным служебной частью речи……9

Буянова Л. Ю. (Краснодар, Россия) Эмотивность и эмоциогенность художественного текста как его релевантное свойство 16

Валеева Л. В. (Симферополь, Россия) Терминология киножанра в современном русском лексическом стандарте и субстандарте 23

Вольская Н. П. (Москва, Россия) Лингвистическая идентификация личности 30

Грозян Н. Ф., Прудникова Т. И. (Симферополь, Россия) Характеристика означення як другорядного члена речення 36

Гулевец Н. А. (Севастополь, Россия) Межкультурное исследование стратегий корпоративного дискурса 43

Давыдкина А. С. (Симферополь, Россия) Семантическая миграция лексем между тематическими группами «социум» и «пространство» в Посланиях Ивана Грозного 51

Долгополова Л.А. (Симферополь, Россия) Трансформация инфинитивных конструкций в истории немецкого языка 56

Дружинина В. В., Забелян К. А., Дружинина А. В. (Сочи, Москва, Россия) Авторская фразеология в дискурсе Д. И. Рубиной 65

Евтихова И. М., Запольская И. В. (Симферополь, Россия) Лексико-семантические особенности немецкого литературного языка в Швейцарии и Германии 72

Емельянова К. Ю. (Донецк, ДНР) Окказиональные эквиваленты аббревиатур в русском языке 78

Епифанцев Д. Г. (Луганск, ЛНР) Лексико-семантическое поле концепта «страх» на материале лексикографических трудов 85

Забашта Р. В. (Симферополь, Россия) О макро- и микроструктуре «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» 90

Зайцева И. П., Ковалёва А. В. (Витебск, Беларусь) Вербальное оформление эмоции «*curiosity*» (любопытство) в англоязычных художественных дискурсах 98

Земляк М. А. (Симферополь, Россия) Лексика каламбура как способ эмоционально-экспрессивного выражения в поэтическом тексте В. Высоцкого 107

Ибрагимова В. Ф. (Симферополь, Россия) Русские и украинские антропонимы, образованные от тюркских зоонимов 113

Игнатов К. Ю. (Москва, Россия) Интертекстуальные отсылки в поэтическом тексте как стилевая характеристика 118

Ковалёв В. И. (Луганск, ЛНР) Дискурс – зеркало коммуникативной личности 127

Колесникова О. В., Тарасевич Л. В. (Симферополь, Россия) Фразеологизмы семантической группы «эмоциональное состояние человека» в аспекте лингвокультурологии 135

Крестьянинова Е. С. (Донецк, ДНР) Дешифровальная матрица ономасиологического класса «завод, связанный с созданием техники» 140

Кручинкина Н. Д. (Саранск, Россия) Особенности воздействия семантики актантов на синтагматическое значение глагола-предиката 146

Кулыева А. А. (Уфа, Россия) Влияние дискурсных маркёров на восприятие информации 155

Курмакаева Н. П. (Донецк, ДНР) Проявление асимметрического дуализма в позиционном составе предложения 160

Кучерявых Ю. Н. (Краснодар, Россия) Экспрессия в художественных произведениях А. Т. Аверченко.....168

Михайлова Е. Н. (Донецк, ДНР) Прогнозирование сложносокращённых слов и их эквивалентов на материале матрицы прогнозирования.....174

Меркулова И. А. (Воронеж, Россия) Типологическое членение лексико-семантического пространства Славии 181

Мозговой В. И. (Донецк, ДНР) Главная проблема правовой ономастики.....189

Моштылева Е. С. (Нижний Новгород, Россия) Применение инструментов лингвистической прагматики при исследовании текстов интернет-коммуникации.....198

Мужейко И. А. (Витебск, Беларусь) Адъективные устойчивые сравнения как языковые универсалии.....206

Мухина И. К., Тао Цзинхун (Екатеринбург, Россия) Существительные денотативной сферы «управление»: противопоставленность дифференциальной и потенциальной семантики 212

Петров А. В. (Симферополь, Россия) Гидроним *Волга* в метаязыке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля 217

Пляскина Е. И. , Кундуева Э. А. (Чита, Россия) Фразеологические единицы в одном забайкальском говоре.....227

Понкратенкова А. В. (Луганск, ЛНР) СМС-общение в коммуникативном пространстве семьи 234

Севастьянова Е. А. (Нижний Новгород, Россия) Особенности семантического анализа при проведении судебно-лингвистических экспертиз по товарным знакам.....241

Смирнова О. В. (Новосибирск, Россия) Словообразовательные и семантические особенности лексем с корнем *год-* в русском языке XI–XIX вв.....249

Степанова А. П. (Витебск, Беларусь) Средства и способы создания стилизации в сказочной повести А. Погорельского «Чёрная курица, или подземные жители».....256

Суюнбаева А. Ж., Бухарбаев М. А., Касаева Ж. С. (Актобе, Казахстан) О тенденциях и приоритетах использования трёхъязычия в государстве (на примере языковой ситуации в Республике Казахстан)..... 264

Табакова З. П. (Петропавловск, Казахстан) Язык публицистики: топология и новаторство..... 270

Тимофеева Н. Ю. (Симферополь, Россия) Деривационные ряды спонтанных речевых инноваций..... 279

Чепурина И. В. (Симферополь, Россия) Нетривиальные формы числа и падежа существительных в спонтанной речи жителей Крыма..... 286

Черныш О. А. (Томск, Россия) Продуктивные способы аббревиации в русском языке первой трети XX века (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.)..... 297

Шумарина М. Р. (Балашов, Россия) Семантика слова в зеркале наивной лингвистики..... 305

Щербачук Л. Ф., Стамова Т. В. (Симферополь, Россия) Фразеологические средства метафоризации пищевого кода русской культуры..... 312

Ясакова Е. А. (Балашов, Россия) «Крым» как концепт (семантико-ассоциативный контекст стихотворения А. Кушнера «Конечно, русский Крым»)..... 321

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(к 100-летию Таврического университета)
VII Международная научная конференция
(22-25 октября 2018 г.)

Сборник научных статей

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19.56. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: braznikov@mail.ru